СОМЕРСЕТ МОЭМ

КЛАССИЧЕСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ РОМАН

Миссис Крэддок

Миссис Креддок
Сомерсет Моэм

Аннотация
Сомерсет Моэм. Миссис Крэддок
ПРЕДИСЛОВИЕ
ПИСЬМО-ПОСВЯЩЕНИЕ
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Глава XIII
Глава XIV
Глава XV
Глава XVI
Глава XVII
Глава XVIII

Глава XIX
Глава XX
Глава XXI
Глава XXII
Глава XXIII
Глава XXIV
Глава XXV
Глава XXVI
Глава XXVII
Глава XXVIII
Глава XXIX
Глава XXX
Глава XXXI
Глава XXXII
Глава XXXIII
Глава XXXIV
Глава XXXV
Глава XXXVI

Аннотация

Роман «Миссис Крэддок», известный англоязычному миру с 1902 года, для российского читателя — как затерянный остров, куда еще не ступала нога отечественного книгочея.

Жизнь миссис Крэддок — история незаурядной женщины с богатым воображением, пережившей и восторженную любовь, и глубокое разочарование, и радость освобождения от изживших себя отношений. Ее избранники — добрый, но грубоватый мистер Крэддок и порочный и избалованный юноша Джеральд не смогли оценить силу и глубину личности Берты. Внутренний бунт героини заранее обречен на поражение. Но проигрывать она собирается достойно.

Сомерсет Моэм
Миссис Крэддок

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот роман был написан в 1900 году. Сочтя его чрезвычайно дерзким, издатели — в том числе Уильям Хайнеманн — один за другим отказались печатать книгу. Наконец ее прочел Робертсон Николл, партнер издательской компании «Ходдер и Стотон». Он решил, что роман «не того сорта», чтобы публиковать его у себя в издательстве, однако дал ему неплохую оценку и уговорил Уильяма Хайнеманна пересмотреть свое решение. Хайнеманн прочел роман и согласился напечатать его с условием, что я выброшу куски текста, которые он посчитал скандальными. Это было в 1902 году. Судя по всему, книга имела определенный успех, поскольку в следующем году вышло переиздание, и еще одно — в 1908-м. Тридцать лет спустя роман опубликовали вновь. Это издание было отпечатано с оригинальной рукописи с сохранением «оскорбительных для нравственности» отрывков, потому как я, убей Бог, не мог вспомнить вымаранных мест, а сравнивать рукописный текст с отпечатанным экземпляром у меня не хватило терпения. Мне самому книга,

наоборот, показалась пристойной почти до тошноты. Тем не менее я внес некоторую правку.

Автор умер много лет назад, и я распорядился рукописью, как если бы она принадлежала ушедшему из жизни другу, и роман, им не редактированный, передали мне для подготовки к публикации. Я оставил все как есть, со всеми ошибками, и удовлетворился лишь мелкими исправлениями. Авторская пунктуация не подчинялась никаким правилам, так что я приложил немало усилий, дабы привести ее в порядок. Бессчетные тире, которые писатель, боюсь, использовал слишком часто и вольно, я заменял двоеточиями, точками с запятой и запятыми. Я опускал ряды многоточий, при помощи коих писатель стремился привлечь внимание читателя к красоте чувства либо тонкости наблюдения, — и ставил точки вместо восклицательных знаков, что маячили на страницах телеграфными столбами, очевидно, с целью подчеркнуть изумленное восхищение автора остротой собственного ума.

Понятия не имею, отчего он манерно взялся употреблять формы слов, уместные, скорее, в средневековом романе, нежели в современной прозе. Я убрал эти изыски везде, где нашел, но если они все же попадутся на глаза читателю,

прошу простить молодого автора за его заблуждение, а редактора — за невнимательность.

Занятную историю рассказывают об Альфреде де Мюссе. Как-то раз, сидя у Жорж Санд и дожидаясь возвращения хозяйки, он взял со стола одну из книг, написанных ею. Произведение показалось ему невероятно многословным. Вернувшаяся домой Жорж Санд застала де Мюссе с карандашом в руке — поэт вычеркивал из книги все ненужные прилагательные. Говорят, это ей не слишком понравилось. Я могу понять и его порыв нетерпимости, и ее гнев, но сам в данном вопросе — сторонник умеренности. Некоторые излюбленные словечки автора теперь выглядят странно и старомодно, и все же я решил оставить их, поскольку нет причин утверждать, что современные замены, которые я мог бы употребить, точно так же не устареют через несколько лет. Мода на эпитеты проходит быстро, и распространенное сегодня «презанятный», вне всяких сомнений, по прошествии некоторого времени будет звучать столь же искусственно, как «несносный» — слово, ходившее в 1890-х годах.

Далее, я вычеркнул множество «вполне», «в некоторой степени» и «довольно», так как автор романа имел неприятную склонность избегать

безусловных утверждений. Я был безжалостен к наречиям. Когда молодой писатель использовал пять слов вместо одного, я оставлял одно; когда же он не выражал свою мысль ясно, я брал на себя смелость заменять его высказывание тем, которое, на мой взгляд, совершенно точно подразумевалось. Английский язык очень сложен, и автор, с чьей работой я позволил себе описанные вольности, так им и не овладел. Ему никогда не объясняли ни сложностей композиции, ни таинств стиля. Он начал писать, как дитя учится ходить. Автор усердно пытался изучать лучшие образцы творчества, однако, не имея опытного наставника, порой выбирал неудачные примеры и уделял много внимания писателям, которых сегодня большая часть публики считает жеманными и пустыми.

Несколько месяцев назад в галерее на Корк-стрит проходила выставка небольших французских картин начала века. В то время я часто бывал в Париже, с удовольствием заглядывал в лавочки на рю де ла Бёти или гулял на другом берегу Сены, где полотна выставлялись на обозрение, и потому, должно быть, видел их и замечал, что другим они нравятся. При всем том я отмахивался от этих картин небрежным жестом,

считая их салонными и заурядными, поскольку недавно открыл для себя Мане, Моне и Писсарро, и маленькие парижские зарисовки — изображения набережных, бульваров, убогих улочек и Елисейских Полей — ни о чем мне не говорили. Однако когда я вновь увидел их после долгого перерыва, они показались мне прелестными. *Fiacres*[1], омнибусы, легкие двухместные повозки, запряженные резвыми лошадьми, которыми правили женщины — *femmes du monle*[2] или известные *cocottes*[3], одетые по последней моде и спешащие в Булонский лес; маленькие солдаты в необычной форме; *nounous*[4] в чепцах с длинными шелковыми лентами, толкающие перед собой детские коляски на пути в Люксембургский сад, — все это воспринималось как само собой разумеющееся, в голову даже не приходило, что жизнь столь пестра и радостна. Хорошо ли, плохо ли были написаны эти картины — а большин-

---

[1] Примечания: 1
Легкий наемный экипаж *(фр.). — Здесь и далее примеч. пер.*

[2] Примечания: 2
Дамы высшего света *(фр.).*

[3] Примечания: 3
Кокотки, женщины легкого поведения *(фр.).*

[4] Примечания: 4
Няньки *(фр.).*

ство из них свидетельствовало о тщательности упражнений в изящных искусствах, — не имело значения; годы придали им ностальгическое очарование, против которого не устоять. Это были *жанровые сцены.* И теперь, перечитав «Миссис Крэддок» перед новым изданием, я воспринимаю роман как жанровую картинку. Его нелепицы вызывают у меня смущенную улыбку, но я не трогаю их, потому что они принадлежат своему времени, и если роман чего-то стоит (а об этом судить читателям), то именно благодаря достоверному, хочется верить, отображению жизни в одном из уголков Англии на закате девятнадцатого столетия.

Действие происходит между 1890 и 1900 годами. Мир тогда сильно отличался от теперешнего. Телефон и граммофон уже были изобретены, однако стали частью обыденной жизни и заняли место в каждом доме лишь много лет спустя. Радио, конечно, еще не знали. Автомобиль также принадлежал будущему, а первый летательный аппарат братья Райт продемонстрировали только в 1903 году. Повсеместно вошли в моду «безопасные» велосипеды, и собирались целые компании, чтобы прокатиться на них в парк Баттерси или за город.

Женщины убирали волосы в высокую прическу, а если длины не хватало, на голове закреплялась накладка из собственных же волос, вычесанных гребнем. Поверх такого внушительного сооружения надевалась шляпка, украшенная цветами, фруктами и перьями. Дамы носили высокие воротники и пышные юбки в пол, а также корсеты на китовом усе, затянутые до невозможности. Молоденькие девушки хвастались восемнадцатидюймовыми талиями. Одно время невероятно модным считался рукав, пышный у плеча и узкий от локтя до запястья. К концу десятилетия волосы уже не забирали на макушке, а укладывали в «пучок» на затылке, и все женщины взбивали замысловатую (часто искусственную) челку. Горничные носили чепчики и опрятные фартуки, а хозяйка могла посчитать за дерзость, если прислуга явилась бы ей на глаза без головного убора.

Для визитов в гости, клубы и конторы мужчины надевали сюртуки и цилиндры. Некоторые смельчаки носили визитки — разумеется, с шелковым цилиндром. Котелок служил принадлежностью автобусных кондукторов, кучеров, клерков и прощелыг. На вечерние приемы мужчинам полагался фрак с черным жилетом и белым галстуком; в белых жилетах ходили только важные персоны.

О смокинге ничего не слышали. Даже в сельской местности, где были привычны костюмы из твида и бриджи, пока не окрещенные брюками-гольф, мужчины носили жесткие стоячие воротнички и крахмальные рубашки.

Эра близилась к концу, однако поместное дворянство, которому вскоре предстояло лишиться власти, принадлежавшей им столь долгое время, даже не подозревало об этом. В связи с упадком сельского хозяйства земля перестала быть источником дохода, и все же, несмотря на это, мелкопоместные дворяне верили, что все будет идти своим чередом, как раньше. К классу богатых капиталистов, уже начавшему их вытеснять, они испытывали только презрение. Они принадлежали к благородному сословию. Да, по большей части эти люди были глупы, ограниченны и нетерпимы; чересчур благонравны и педантичны, но при этом не лишены достоинств. Думаю, автор обошелся с ними не совсем справедливо. Они жили и действовали согласно своим убеждениям. То, что кто-то рожден владеть имением, а прочие обязаны трудиться на его земле за сущие гроши, считалось естественным, и не в праве английского джентри было посягать на волю непостижимого провидения. В общем и

целом поместные дворяне были честными, порядочными людьми, лишенными зависти, хорошо воспитанными, добрыми и радушными, но они пережили свое время, и то, что в ходе событий им было суждено исчезнуть, пожалуй, можно считать неизбежностью. Теперь их усадьбы либо заброшены, либо переделаны под школы или дома престарелых, а на обширных участках, которые они распродали, построены дома, пабы и кинотеатры.

Как это распространено среди романистов, автор «Миссис Крэддок» списал своих персонажей — за единственным исключением — с реальных, знакомых ему людей. Исключение это составляет мисс Лей. Прообразом ее героини послужила портретная статуя Агриппины[5] из музея в Неаполе. Звучит неправдоподобно, но это факт. При всем том, когда я перечитывал книгу, меня главным образом привлекла фигура автора, явно проступающая на страницах романа. По-видимому, его нельзя было назвать приятным молодым человеком. Взять хотя бы нелепые предубеждения этого чудака: не понимаю, почему он так невзлюбил георгианский стиль. По-моему, ни

[5] Примечания: 5

Агриппина (часто Агриппина Младшая; 15 — ок. 59 н. э.) — внучка императора Тиберия, сестра Калигулы, мать Нерона.

в одной другой стране жилищная архитектура не достигла таких высот, как в Англии при Георгах: дома, возведенные в этот период, были величавы, красивы и просторны. Тем не менее, описывая дом, в котором жила главная героиня, автор неизменно делал это со злой насмешкой, называл «пятном, уродующим пейзаж». Подозреваю, его немало восхищали особняки из красного кирпича со створчатыми окнами и мансардными крышами, которые архитекторы возводили повсюду в сельской местности. Однако это всего лишь вопрос вкуса, а, как известно, человек может иметь вялый характер и одновременно обладать тонким вкусом.

Не знаю, с какой стати автор полагал (если только не позаимствовал свое мнение у Мэтью Арнольда[6]), что все англичане — обыватели и что остроумие, блестящие способности и культура достались исключительно французам. Молодой писатель не упускал шанса пройтись на счет соотечественников. С определенной наивностью он оценивал французов так же высоко, как

[6] Примечания: 6

Арнольд, Мэтью (1822–1888) — английский поэт и культуролог, один из наиболее авторитетных литературоведов и эссеистов викторианского периода. Стоял у истоков движения за обновление англиканской церкви.

они ценят себя сами, и ни на миг не сомневался в том, что Париж — средоточие цивилизации. Современную французскую литературу он изучил лучше, нежели отечественную. Именно под влиянием первой он приобрел некоторую манерность письма — например, целые ряды многоточий, о которых я уже упоминал и которыми французские писатели того времени пользовались сверх меры. Единственным оправданием автору, помимо молодости, может служить то, что Англия для него олицетворяла сдержанность и подчинение условностям, тогда как Франция — вольный дух и свободу. Я крайне неодобрительно отношусь к его привычке время от времени вылезать на первый план романа и с едким сарказмом обращаться непосредственно к читателю. Где он обучился этому скверному приему, сказать трудно.

В силу того, что для своего возраста автор немало попутешествовал по Европе и довольно свободно разговаривал на четырех иностранных языках, а также по той причине, что молодой человек много читал не только на английском и французском, но и на немецком, испанском и итальянском языках, у него сложилось чрезвычайно благоприятное мнение о себе. Бывая в Европе, он свел знакомство с людьми — молодыми и

не очень, — которые разделяли его превратные убеждения. Со средствами, достаточными для жизни в те недорогие времена, и дипломом без отличия они приезжали из Оксфорда или Кембриджа и вели бесцельное существование в Париже, Флоренции, Риме и на Капри. Писатель был слишком простодушен и не замечал в них безвольных слабаков. Они не стеснялись называть себя эстетами и воображали, что сгорают ярким, небесным пламенем. Они полагали Оскара Уайльда величайшим мастером английской прозы девятнадцатого века. Сознавая в душе, что приятели находят его незрелым юнцом и даже в чем-то мещанином, автор изо всех сил старался соответствовать их высокому уровню. Он послушно восхищался произведениями искусства, которые вызывали восхищение у них, и презирал все то, что презирали они. Наш молодой человек был не только глупым, но также надменным, самоуверенным и часто вздорным. Если бы я встретился с ним сейчас, то с первой же минуты почувствовал бы к нему глубокую неприязнь.

У.С.М.

1955

ПИСЬМО-ПОСВЯЩЕНИЕ

Дорогая мисс Лей!

Полагаю, вы не сочтете оскорбительным, если я задамся вопросом, когда же, собственно, имел счастье познакомиться с вами. И хотя я прекрасно помню, что это случилось не так давно, мне кажется, что мы с вами знакомы целую жизнь. Если не ошибаюсь, наша встреча произошла позапрошлым летом в Неаполе, верно? (Я все забываю, отчего вы, по обыкновению, посещаете зимние курорты в конце лета; названные вами причины были своеобразны, но не убедительны — надеюсь, не ради того, чтобы избежать общения с соотечественниками?) В тот день я наслаждался видом прекрасной портретной статуи Агриппины в Галерее Шедевров, когда вы, присев рядом, о чем-то меня спросили. Мы разговорились (кстати, оба даже не подумали, требует ли этикет присутствия кого-либо из родственников; вы сразу положились на мою порядочность) и с тех пор провели вместе немало времени. По правде говоря, вы почти не покидали моих мыслей.

Теперь, когда наши пути расходятся (от этой

избитой фразы вы наверняка поморщитесь), позвольте сказать вам, какую радость доставило мне ваше расположение и какое невыразимое удовольствие я получал от наших встреч, всякий раз сожалея, что неумолимые обстоятельства делают их столь редкими. Должен признаться, я благоговею перед вами, хотя вы этому и не поверите, ведь не раз упрекали меня в легкомыслии (на самом деле вы гораздо несерьезней меня!), однако ваша легкая насмешливая улыбка в ответ на какое-либо мое замечание постоянно заставляет меня думать, что я сказал глупость — а, по вашему мнению, нет на свете более тяжкого греха…

Вы как-то говорили, что, если знакомство оставило приятное воспоминание, следует избегать соблазна возобновить его — иное время и место способствуют новым впечатлениям, которые не могут соперничать со старыми, вдвойне идеализированными сперва новизной, затем расставанием. Эта максима сурова, но оттого, видимо, еще более верна. И все же не хотелось бы верить, что будущее приготовило нам лишь забвение. Меня ожидает работа, а вы затеряетесь в лабиринте итальянских отелей, в которых, по странному капризу, предпочитаете прятать свои достоинства от окружающих. Я не рассчитываю

на встречу с вами (звучит ужасно сентиментально, а вы, знаю, терпеть не можете бурного проявления чувств. И — да, в моем письме чересчур много скобок), однако же страстно надеюсь, что однажды вы решитесь на этот маленький эксперимент. Что скажете?

Искренне преданный вам, дорогая мисс Лей (пожалуйста, не смейтесь, я хотел бы написать — Любящий вас),

У. М.

Глава I

Эту книгу можно также озаглавить «Триумф любви».

Берта смотрела из окна на унылую серость дня. Небо было свинцовым, тучи — тяжелыми и низкими. На неухоженной подъездной аллее, ведущей к воротам, бесчинствовал ветер; с обрамлявших дорогу вязов облетела вся листва, их голые ветви словно дрожали от страха перед наступающим холодом. Стоял конец ноября, день выдался мрачный и безрадостный. Казалось, уходящий год отбрасывает на все вокруг тень смертного ужаса. Воображение отказывалось рисовать в измученном мозгу картины благословенного сияния солнца, картины весны — юной девы, которая щедро разбрасывает из своей корзины цветы и зеленые листья.

Берта обернулась и посмотрела на тетушку, разрезавшую страницы свежего номера журнала «Спектей-тор». Прикидывая, какую книгу взять

у Мьюди[7], мисс Лей пробегала глазами осенние списки и хвалебные фразы, выуженные ловкими издателями из неблагосклонных отзывов.

— Что-то ты сегодня беспокойна, Берта, — заметила тетя в ответ на пристальный взгляд племянницы.

— Пожалуй, прогуляюсь к воротам.

— Ты ходила туда уже дважды за последний час. Обнаружила что-то новое?

Берта не ответила и опять отвернулась к окну; дневной пейзаж запечатлелся в ее сознании до последней мелочи.

— О чем вы думаете, тетя Полли? — спросила она, внезапно обернувшись к тетушке и поймав устремленный на нее взор.

— О том, что необходимо обладать большой проницательностью, чтобы распознать переживания девушки по виду ее прически.

— Да нет у меня никаких переживаний, — рассмеялась Берта. — Наоборот, мне хочется… — она умолкла, подыскивая слова, — распустить волосы, встряхнуть ими, что ли.

Мисс Лей ничего не сказала и опустила глаза

---

[7] Примечания: 7

Мьюди, Чарльз Эдуард (1818–1890) — основатель одной из лондонских библиотек, выдававших на дом художественную литературу; изучал читательские вкусы и открыл большое количество филиалов.

в журнал. Она едва ли задумалась над тем, что имела в виду племянница, давно перестав изумляться ее привычкам и поступкам. Удивление тетушки вызывало лишь то, что эти привычки и поступки слабо соответствовали общепринятому мнению о Берте как о независимой молодой женщине, от которой следует ожидать чего угодно. За три года, прожитые вместе после кончины отца Берты, обе женщины научились прекрасно ладить друг с другом. Их взаимная привязанность была сдержанной и всячески достойной уважения, как нельзя более подобающей двум благовоспитанным дамам, связанным вопросами обоюдного удобства и внешних приличий.

Мисс Лей, призванная в Италию к смертному одру брата, познакомилась с племянницей в силу прискорбных обстоятельств, и к тому времени Берта оказалась слишком взрослой и независимой, чтобы признать авторитет чужого человека. С другой стороны, мисс Лей не имела ни малейшего желания кем-либо командовать. Она была пассивной натурой, никого не трогала и желала лишь, чтобы ее тоже оставили в покое. Однако если долг повелевал ей взять под свое крыло осиротевшую племянницу, было только к лучшему, что Берте уже восемнадцать и девушка — если бы

не условности «приличного общества» — вполне способна о себе позаботиться. Мисс Лей возблагодарила провидение, открыв, что ее подопечная решительно настроена идти своим путем и не цепляться за юбки старой девы, которая горячо дорожит своей свободой.

Они путешествовали по континенту, осматривали церкви, картины и города, более всего стремясь при этом скрыть друг от друга свои эмоции. Подобно краснокожему индейцу, который сносит самые страшные пытки со стиснутыми зубами, мисс Лей считала в высшей степени позорным проявлять чувства при виде трогательной сцены. Сентиментальность она прятала за тонким цинизмом, шутила, что не способна плакать, и банальность этого приема — подражание лицедею Гримальди[8] — заставляла мисс Лей посмеиваться над собой; слезы она считала неприличной слабостью. «Слезы даже хорошенькую женщину превращают в пугало, а уж дурнушку делают просто отталкивающей», — говаривала она.

В конечном итоге мисс Лей сдала внаем свою лондонскую квартиру и вместе с Бертой посе-

---

[8] Примечания: 8
Гримальди, Джозеф (1778–1837) — английский актер-клоун.

лилась в родовом имении Корт-Лейз недалеко от Блэкстебла, в графстве Кент, обратившись к радостям сельской жизни. Дамы жили в полной гармонии, хотя внешне демонстрация взаимной привязанности ограничивалась лишь вежливым поцелуем по утрам и вечерам, почти одинаково бесстрастным, как с отдающей, так и с принимающей стороны. Обе ценили достоинства друг друга, особенно талант к острословию, который время от времени проявлялся в легких дружеских колкостях. Тем не менее у обеих хватало ума жить в ладу, и поскольку одна к другой не питала ни пылкой любви, ни холодной ненависти, поводов портить отношения просто не было. Собственно, именно поэтому беспокойство Берты в тот самый день ничуть не тревожило мисс Лей и, по ее мнению, легко объяснялось жаром молодой крови. Повышенный интерес племянницы к воротам в холодный и мрачный осенний вечер не вызвал у тетки ни осуждающего жеста, ни удивленного движения бровей.

Берта надела шляпку и вышла. Аллея из вязов, двумя ровными рядами протянувшихся от фасада Корт-Лейз до ворот, ранее представляла собой внушительное зрелище, но теперь прямо свидетельствовала об упадке старинной усадьбы.

Там и сям на месте поваленных деревьев зияли прогалы, а один громадный ствол, рухнувший во время прошлогодней бури, до сих пор валялся на земле и гнил, к полному равнодушию управляющих и фермеров-арендаторов. По обе стороны от вязовой аллеи тянулись широкие полосы луга, некогда хорошо ухоженного, а ныне заросшего щавелем и сорняками. Там, где когда-то прогуливались изящные дамы в кринолинах и джентльмены в париках с бантами, обсуждавшие последние труды Ричардсона[9], сейчас щипали траву овцы. За лугом тянулась живая изгородь, которую давно не подстригали, а за ней широко простирались угодья семьи Лей.

Берта шла и смотрела на большую дорогу за воротами; для нее было облегчением не ощущать на себе холодного взгляда тетки. Чувства теснили грудь Берты, трепыхались, словно птицы в силках, рвущиеся на свободу, однако ни за что на свете молодая женщина не позволила бы кому-то заглянуть ей в душу, переполненную надеждами, смутной тоской и тысячью непонятных желаний. Она вышла на сельский тракт, что вел из Блэкстебла в Теркенбери; вся дрожа, с бьющимся

[9] Примечания: 9

Ричардсон, Сэмюэл (1689–1761) — английский писатель, родоначальник «чувствительной» литературы XVIII и начала XIX в.

сердцем устремила взгляд вперед. Дорога, подметаемая ледяным ветром, была пустынна, и Берта едва не застонала от разочарования.

Вернуться домой она не могла: стены и крыша казались душной тюрьмой. Берта испытывала какое-то особенное удовольствие, стоя на обжигающе-холодном ветру, который забирался под одежду и пронизывал до костей. Ожидание было невыносимым. Берта вернулась за ворота и посмотрела на дорожку, ведущую к большому белому зданию — ее дому. Подъездной путь требовал поправки; сухие листья, которые никто не трудился убирать, с шелестом носились во всех направлениях. Особняк высился прямоугольной коробкой, не вписываясь в окружающий пейзаж. Построенный при короле Георге II, он, казалось, так и не приобрел власти над землей, которую занимал. Невыразительный фасад, вереница окон и дорический портик ровно посередине — дом будто бы поставили на землю без всякого фундамента, точно карточный домик на пол. Годы не сделали сооружение красивее, и сейчас оно смотрелось так же, как сто с лишним лет назад, — уродливым пятном на местности, чужеродным и пошлым. Дом стоял в окружении полей, за ним не было даже сада, лишь несколько клумб перед

крыльцом. За цветами никто не ухаживал, и они частью буйно разрослись, частью засохли.

День клонился к вечеру, хмурые тучи, казалось, забирали свет. Берта уже потеряла всякую надежду, но в последний раз взглянула на дорогу, и сердце екнуло у нее в груди. Она залилась румянцем, кровь хлынула по венам с внезапной быстротой. Испугавшись своего смятения, девушка едва не поддалась порыву убежать домой. Она уже забыла долгие мучительные часы, которые провела в ожидании того, кто сейчас поднимался вверх по склону.

Он приближался — высокий мужчина двадцати семи лет, плотного телосложения, крупный в кости, с длинными руками и ногами и великолепной широкой грудью. Про него с уверенностью можно было сказать «силен как бык». Берта узнала костюм, который ей всегда нравился: бриджи и гетры, просторная куртка из плотного твида, пояс, белый шарф и картуз — типичный наряд для сельской местности, которую Берта уже почти полюбила ради этого человека, и очень мужественный. Даже огромные сапоги, в которые он был обут, вызывали у нее радостное возбуждение; их размер свидетельствовал о решительном характере и уверенности, что

невероятно импонировало. Стиль одежды как нельзя лучше соответствовал фону — темной дороге и вспаханным полям. «Интересно, сознает ли он собственную привлекательность?» — про себя подумала Берта.

— Добрый день, мисс Берта, — поздоровался он, проходя мимо.

Задерживаться мужчина не собирался, и при мысли о том, что он уйдет, ограничившись простым приветствием, у Берты упало сердце.

— Я узнала вас, когда вы шли вверх по дороге, — произнесла она и протянула руку.

Человек остановился и пожал ее. Прикосновение его больших сильных пальцев повергло Берту в трепет. Массивная и крепкая ладонь была словно вытесана из камня. Берта подняла глаза и улыбнулась.

— Сегодня холодно, правда? — сказала она.

Как ужасно, когда из тебя рвутся наружу страстные признания, а приличия требуют скрывать их и придерживаться скучных общепринятых фраз!

— Если двигаться со скоростью пять миль в час, не замерзнешь, — бодро отозвался он. — Я ходил в Блэкстебл, договаривался о покупке лошади.

Он так и излучал здоровье. Ноябрьские ветра обдували его, точно легкий летний бриз, и лицо

светилось на бодрящем морозце — щеки раскраснелись, в глазах искрился огонек. Энергия била из него ключом, распространяя вокруг почти ощутимое тепло.

— Вы гуляли? — спросил он.

— Ах, нет, — ответила Берта, слегка греша против истины. — Прошлась до ворот и случайно заметила вас.

— Я очень рад встрече. В последнее время вас почти не видно, мисс Берта.

— Не называйте меня «мисс Берта»! — воскликнула она. — Звучит просто ужасно!

В действительности обращение звучало еще хуже — почти по-лакейски.

— В детстве мы звали друг друга по имени, — напомнила она.

Он немного покраснел, и его застенчивость отозвалась в душе Берты радостной ноткой.

— Да, но когда вы вернулись полгода назад, то очень изменились, и я не осмеливался… Кроме того, вы сами назвали меня «мистером Крэддоком».

— Ладно, с этим покончено, — улыбнулась Берта. — Я гораздо охотней буду звать вас Эдвардом.

Она умолчала о том, что из всех христианских имен это имя казалось ей самым прекрасным,

как и о том, что за последние недели мысленно повторяла его тысячу раз.

— Как в старые добрые времена, — сказал он. — Помните, как весело мы проводили время, когда вы были маленькой девочкой, еще до того, как уехали за границу с мистером Леем?

— О да! И на ту маленькую девочку вы смотрели с полным презрением, — рассмеялась Берта.

— Ну и вот, когда я впервые увидал вас после вашего возвращения — в длинном платье, с прической, — то жутко оробел, — признался он.

— Не такая уж я и страшная!

Они смотрели друг другу в глаза уже пять минут, и вдруг без всякой причины Эдвард Крэддок залился краской. Это не укрылось от Берты, и приятная дрожь короткой волной пробежала по ее телу. Она тоже вспыхнула, темные глаза засверкали ярче.

— Жаль, что мы видимся так редко, мисс Берта, — произнес Крэддок.

— Сами виноваты, любезный сэр, — ответила она. — Вступите на путь, что ведет в мой чертог, и в конце обязательно увидите дверь.

— Я побаиваюсь вашей тетушки.

С языка Берты едва не сорвалось, что трус никогда не завоюет красавицы, но из скромности

молодая женщина сдержалась. Ее вдруг охватило оживление, она почувствовала себя невероятно счастливой.

— Вы очень хотите повидаться со мной? — с бьющимся сердцем спросила она.

Крэддок опять покраснел и замялся; его примечательный внешний облик и смущенный вид стали для Берты источником новых радостей.

«Если бы он только знал, как я его обожаю!» — думала она, разумеется, не имея возможности сделать признание вслух.

— Вы сильно переменились за эти годы, — произнес Крэддок. — Я вас не понимаю.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Конечно, очень хочу, Берта, — быстро сказал он, очевидно, собрав все свое мужество. — Я мечтал бы всегда видеть вас.

— Что ж, — с чарующей улыбкой промолвила она, — после ужина я иногда совершаю прогулку к воротам и смотрю на вечерние тени.

— Бог ты мой, мне бы раньше знать!

«Дурачок, — мысленно усмехнулась Берта, — не догадывается, что сегодня я выйду на эту „прогулку“ впервые».

Она с улыбкой сказала Крэддоку «до свидания», и они расстались.

Глава II

Берта летящей походкой вернулась в дом. Мысли о любви, словно стайка птиц, порхали над ее головой. Амур перелетал с ветки на ветку и пускал свои стрелы в распахнутое девичье сердце. Воображение Берты покрыло голые сучья нежно-зеленой листвой, окрасило серое небо в лазурь. Сегодня Эдвард Крэддок впервые явно выказал свою любовь. Прежде о его чувствах можно было лишь догадываться, и сомнения причиняли Берте ужасные муки. Что до нее, она не обманывала себя и не стыдилась: она безумно любила Крэддока и была готова целовать землю, по которой тот ступал. Берта храбро заявляла всему свету, что Эдвард — единственный мужчина, способный составить ее счастье, и потому она готова отдать свою судьбу в его сильные мужественные руки. Берта полностью уверилась, что Крэддок должен повести ее к алтарю. «Я хочу быть его женой», — сладко замирая от страсти, думала она.

Бесчисленное множество раз она представляла себя в его объятиях — в этих крепких руках, одна мысль о которых защищала от всех мирских

напастей. О да, она грезила о том, как он обнимет и поцелует ее; чувствовала прикосновение его губ, теплое дыхание и едва не лишалась чувств от любовной лихорадки.

Как же дождаться вечера, как пережить эти медленно тянущиеся часы? Все это время ей придется сидеть напротив тетушки и вести беседу либо делать вид, что она занята чтением. Боже, это невыносимо! Ни с того ни с сего Берта задалась вопросом, знает ли Эдвард о ее любви. Он и представить не может, какую страсть пробудил в ней.

— Прошу прощения, что опоздала к чаю, — извинилась она, войдя в гостиную.

— Дорогая, — отозвалась мисс Лей, — тосты с маслом, конечно, уже совершенно несъедобны, съешь лучше кекс.

— Не хочу ничего есть! — воскликнула Берта и бросилась в кресло.

— Зато, как видно, умираешь от жажды, — прибавила мисс Лей, в упор глядя на племянницу. — Возьмешь чашку побольше?

Тетя пришла к выводу, что причиной беспокойства и долгого отсутствия Берты может быть только мужчина. Про себя она пожала плечами — какая в общем-то разница, кто именно? «Же-

них наверняка незавидный, — подумала мисс Лей. — Надеюсь, они не станут тянуть со свадьбой». Старую деву отнюдь не прельщала мысль несколько месяцев терпеть в доме робкого воздыхателя, истомленного чувством. Она считала, что все ухажеры попросту смешны и их следует скрывать — так же, как сыновья Ноя укрыли отцовскую наготу.

Мисс Лей наблюдала, как Берта жадно допивает шестую чашку чая. Разумеется, эти сияющие глаза, алые щеки, вздымающаяся грудь свидетельствовали о любовном волнении. Зрелище забавляло тетушку, однако из снисходительности она благоразумно притворилась, что ничего не замечает. «В конце концов, меня это не касается, — размышляла мисс Лей. — Но если уж Берта собралась замуж, лучше бы ей управиться с этим до следующего квартального дня[10], когда Брауны съедут с моей квартиры».

Мисс Лей сидела на кушетке у камина — среднего роста, сухая, с худым морщинистым лицом. Среди ее черт более всего выделялся рот, не слишком крупный, с чуть тонковатыми губами,

---

[10] Примечания: 10

Квартальный день — день, начинающий квартал года; день квартальных платежей (в Великобритании: 25 марта, 24 июня, 29 сентября и 25 декабря).

которые всегда были крепко поджаты, что сообщало ей донельзя решительный вид. Уголки губ, однако, обладали выразительной подвижностью, странно противоречившей выводам, каковые можно было сделать из ее облика в целом. Мисс Лей имела привычку буравить собеседников холодным пристальным взглядом, и это было, мягко говоря, довольно неприятно.

Говорили, что мисс Лей смотрит на людей так, будто считает их непроходимыми дураками, и, между прочим, в большинстве случаев именно этого мнения она и придерживалась. Ее жидкие седые волосы были уложены совсем просто, а чрезвычайно скромный костюм придавал определенную чопорность, так что излюбленная манера мисс Лей изрекать всякие нелепицы с самым серьезным и благочинным выражением лица зачастую повергала случайного собеседника в замешательство. Создавалось впечатление, что эта женщина, в юности не отличавшаяся красотой, в зрелом возрасте обрела гораздо более располагающую внешность. Молодые джентльмены изрядно опасались мисс Лей, но лишь до тех пор, пока не обнаруживали, что служат для нее неиссякаемым источником развлечения, тогда как дамы преклонного возраста полагали, что

мисс Лей, будучи, безусловно, благовоспитанной леди, все же имеет свою чудинку.

Берта допила чай и поднялась.

— Знаете, тетушка, — сказала она, — мне кажется, вас следовало бы назвать Мартой или Матильдой. «Полли» вам как-то не подходит.

— Милочка, не надо подчеркивать, что мне сорок пять. И пожалуйста, не улыбайся так, будто знаешь, что на самом деле мне сорок семь. «Сорок пять» устраивает меня просто потому, что это круглая цифра. Через год я буду говорить, что мне пятьдесят. Сорок восемь — совершенно неопределенный возраст, и женщине ни к чему в нем сознаваться, если только она не намерена выйти за вдовца с семнадцатью детьми.

— Тетя Полли, почему вы не вышли замуж? — спросила Берта, глядя в сторону.

Мисс Лей едва заметно улыбнулась; вопрос племянницы показался ей очень существенным.

— А зачем? — произнесла она. — Я имею пятьсот фунтов годового дохода. Ах, понимаю, ты не то ожидала услышать. Извини, но трагической любви у меня не случилось. Как правило, оправданием для старой девы может служить лишь тот факт, что она тридцать лет чахла от тоски по возлюбленному, который либо умер и теперь над

его могилой растут подснежники, либо женился на другой.

Берта промолчала. Для нее мир расцвел радужными красками, и она не хотела ничего слышать о несовершенствах человеческой натуры. Она поднялась наверх, села у окна и принялась задумчиво смотреть в сторону фермы, где жил Эдвард. Любопытно, чем сейчас занят предмет ее обожания? Ждет ли вечера с тем же нетерпением, что и она? Внушительное препятствие в виде большого холма, разделявшее Берту с любимым, сильно ей досаждало. За ужином она не промолвила и двух слов. К счастью, мисс Лей тоже молчала. Берта не могла проглотить ни кусочка. Она крошила свой хлеб и возила по тарелке предложенную еду, постоянно бросала взгляд на часы, а когда они пробили, отчего-то вздрогнула.

Придумать какой-либо предлог для мисс Лей Берта не потрудилась, предоставив тетке думать все, что угодно. Было темно и холодно. Берта выскользнула через черный ход. Восхитительное ощущение того, что она совершает нечто рискованное, будоражило кровь. Ноги, однако, едва держали ее. Похожего прежде не бывало: Берта еще никогда не испытывала такой страшной слабости в коленях и теперь попросту боялась

упасть. Дышать почему-то стало тяжело, сердце колотилось как сумасшедшее. Она шла по аллее, почти не сознавая, что делает. А что, если Эдварда нет, если он совсем не придет? Берта заставляла себя сидеть в комнате до тех пор, пока желание выйти не обуяло ее с неистовой силой, и сейчас боялась даже представить, что, придя к воротам, не найдет там Эдварда. Это будет означать лишь одно: он ее не любит. Берта остановилась и всхлипнула. Может быть, стоит подождать, ведь еще рано? Однако нетерпение подгоняло молодую женщину вперед.

Она тихонько вскрикнула: Крэддок неожиданно выступил перед ней из темноты.

— Ох, простите, — сказал он. — Я вас напугал. Решил, вы не будете против, если я приду. Вы на меня не сердитесь?

Берта задыхалась от счастья, на сердце у нее мгновенно стало легко. Значит, он все-таки любит ее, да еще переживает, что она может рассердиться!

— Я вас ждала, — шепнула она.

Какой смысл изображать робость и стыдливость? Они любят друг друга, так почему Берте не открыть свои чувства?

— Здесь очень темно, — сказал он. — Я вас не

вижу.

Берта была так безумно счастлива, что утратила дар речи. Сейчас ей хотелось лишь лепетать: «Я тебя люблю, люблю!» Она приблизилась к Эдварду, чтобы коснуться его. Почему же он не заключает ее в объятия, почему не целует, как ей виделось в мечтах? Но как только Крэддок взял ее за руку, Берту словно пронзило током; перед глазами все поплыло, она едва не зашаталась.

— Что случилось? — встревожился он. — Вы дрожите?

— Просто немного замерзла. — Берта изо всех сил старалась говорить спокойно, но все слова куда-то пропали.

— Вы совсем раздеты. Накиньте-ка вот это, — сказал Крэддок и начал стягивать с себя куртку.

— Нет, нет, — забеспокоилась Берта, — вы замерзнете.

Этот поступок показался Берте верхом бескорыстной доброты, сердце ее преисполнилось благодарности.

— Эдвард, вы так добры, — прошептала она чуть не со слезами.

Он обернул куртку вокруг ее плеч, и от прикосновения его рук Берта утратила остатки самообладания. По телу пробежала сладкая судо-

рога, она теснее прижалась к Крэддоку. В тот же миг его руки скользнули вниз и обняли ее талию. Берта сдалась в его объятия и подняла глаза, Крэддок наклонился и поцеловал ее. Поцелуй привел Берту в такой экстаз, что она едва не застонала — то ли от боли, то ли от наслаждения. Она обвила руками шею Эдварда и привлекла его к себе.

— Какая же я дурочка, — наконец промолвила она, издав нечто среднее между смешком и всхлипом.

Берта немного отстранилась — правда, не настолько, чтобы Эдвард отнял руку, так уютно лежавшую на ее талии. Почему он ничего не говорит, не клянется в любви? Почему не просит того, чем она готова его одарить? Она склонила голову на плечо Крэддоку.

— Берта, я тебе нравлюсь? — спросил он. — Я хотел спросить тебя об этом с тех самых пор, как ты вернулась.

— Разве сам не видишь? — Уверенность вернулась к Берте. Она поняла, что признаться ему мешала лишь робость. — Глупый, не надо стесняться!

— Тебе известно, кто я такой, и…

— Что?

— Ты — мисс Лей, хозяйка Корт-Лейз, а я всего-

навсего один из твоих арендаторов, без всяких средств.

— Я и сама небогата, — ответила Берта, — но если бы имела десять тысяч в год, с радостью положила бы эти деньги к твоим ногам.

— Берта, о чем ты? Не будь жестока со мной. Ты знаешь, чего я хочу, но…

— Ну, насколько я поняла, ты хочешь сделать мне предложение, — улыбнулась она.

— Не насмехайся надо мной, Берта. Я люблю тебя и мечтал бы просить твоей руки, но понимаю, что не вправе, потому что ничего не могу тебе дать. Пожалуйста, не сердись.

— Я ведь люблю тебя всем сердцем! — воскликнула Берта. — Мне не надо другого мужа. Ты сделаешь меня счастливой, а иного я и не желаю.

Крэддок снова заключил ее в страстные объятия и поцеловал.

— Неужели ты не замечал моей любви? — прошептала Берта.

— Я догадывался, но не был до конца уверен, и потом, я боялся, что окажусь недостаточно хорош для тебя.

— Я тебя обожаю. Раньше я не знала, что можно любить так сильно. О, Эдди, ты даже не представ-

ляешь, сколько счастья принес в мою жизнь.

Крэддок еще раз поцеловал ее, она вновь обняла его за шею.

— Тебе не пора домой? — спохватился он. — Что скажет мисс Лей?

— Нет, нет, погоди, — запротестовала Берта.

— Как ты откроешься ей? Думаешь, она не будет против? Твоя тетя наверняка уговорит тебя порвать со мной.

— Ты ей понравишься, и не сомневайся. А даже если и нет, какая разница? Не ей ведь выходить за тебя.

— Она опять увезет тебя за границу, и там ты полюбишь другого.

— Эдвард, ты что, не знаешь? Завтра мне исполняется двадцать один год, и я сама смогу распоряжаться своей судьбой. Я не покину Блэкстебл, пока не выйду за тебя.

Пара медленно брела к дому — Крэддок настоял на этом, опасаясь, что Берта слишком долго пробудет на холоде. Они шли рука об руку, Берта наслаждалась своим счастьем.

— Завтра к нам на ленч должен прийти доктор Рамзи, — сообщила она. — Тогда-то я и объявлю, что собираюсь за тебя замуж.

— Ему это придется не по душе, — нервно заме-

тил Крэддок.

— А мне все равно. Если мы с тобой этого хотим, все остальные пусть думают, как им заблагорассудится.

— Ладно, отдаю все в твои руки.

Они подошли к крытой галерее перед входом, Берта неуверенно посмотрела на дверь.

— Пожалуй, я пойду, — сказала она, втайне надеясь, что Эдвард предложит сделать еще один круг по саду.

— Да-да, иди, — ответил он. — Не хватало еще, чтобы ты простудилась.

Как мило с его стороны беспокоиться о ее здоровье! И конечно, он прав. Эдвард прав в каждом слове, в каждом поступке. Берта вдруг забыла о своей упрямой натуре и почувствовала жгучее желание полностью покориться воле Крэддока. Сила этого человека вызывала у нее странное ощущение собственной слабости.

— Доброй ночи, любимый! — горячо прошептала Берта.

Она не могла оторваться от него, словно безумная. Поцелуи никак не кончались.

— Доброй ночи!

Когда фигура Крэддока наконец растворилась во тьме, Берта вошла в дом и закрыла дверь.

Глава III

И у старых, и у молодых за большим горем следует бессонная ночь. На стариков так же действует и большая радость, однако для юной души счастье, по-видимому, более естественное состояние, и потому оно не нарушает ночного покоя. Берта крепко спала без снов, а проснувшись, поначалу не помнила вчерашних событий. Внезапно память к ней вернулась, и она потянулась в кровати с удовлетворенным вздохом.

Лежа в кровати, она размышляла о своем счастье. Берта с трудом верила, что ее самое заветное желание осуществилось. Милосердный Господь дал чадам своим то, о чем они просили; Берта мысленно вознесла жаркую благодарственную молитву. Странно было сознавать, что после мучительного ожидания, надежд и страхов, любовных терзаний — жгучих, но почти что сладостных, в конце концов все закончилось хорошо. Предел мечтаний достигнут, ей больше нечего желать. Ах, в самом деле, Господь всемилостив!

Берта вспоминала о двух месяцах, которые провела в Блэкстебле. После того как улеглось

первое волнение, связанное с возвращением в отцовский дом, она погрузилась в скучные будни деревенской жизни. Днем Берта обычно бродила по сельским тропинкам или гуляла вдоль побережья, глядя на безбрежную пустыню моря. Она много читала, охотно тратя массу свободного времени на удовлетворение безудержной тяги к знаниям. Берта провела немало часов в библиотеке, по большей части собранной ее отцом, поскольку к литературе семейство Лей обратилось только после того, как дела пришли в значительный упадок и прочие развлечения стали недоступны. Берта изучала корешки, испытывая некоторое волнение при виде великих имен прошлого, и предвкушала удовольствие, которое они доставят ей при прочтении. Она ни с кем не встречалась, за исключением своего опекуна доктора Рамзи, его супруги, а также викария с сестрой.

Как-то раз она пришла к викарию и застала там Эдварда Крэддока, который только что вернулся из короткой поездки. Раньше они знали друг друга; его отец арендовал землю у отца Берты, и Эдвард до сих пор обрабатывал тот же участок. Правда, они не виделись целых восемь лет, и сейчас Берта узнала его с большим трудом. Тем

не менее Эдвард, одетый в бриджи и толстые гетры, показался ей красавцем, и она обрадовалась, когда тот подошел к ней спросить, помнит ли она его. Крэддок сел рядом, и Берта безошибочно уловила приятный дух деревенского подворья — смесь ароматов крепкого табака, скотины и лошадей. Она и сама не поняла, почему этот запах заставил сердце биться быстрее, однако с наслаждением вдыхала его, и в глазах ее сверкал огонек. Крэддок заговорил, и для слуха Берты его голос звучал будто песня. Ей очень понравились его выразительные серые глаза. У Эдварда было чисто выбритое лицо и красиво очерченный рот. Берта краснела и чувствовала себя ужасно глупо, хотя изо всех сил старалась выглядеть очаровательной. Она знала о том, как красивы ее собственные темные глаза, и не сводила их с Эдварда. Наконец он стал прощаться и пожал ей руку. Берта чрезвычайно разволновалась, ее щеки опять вспыхнули румянцем. Когда Эдвард встал и сильный запах мужчины-фермера опять достиг ноздрей Берты, у нее закружилась голова. Хорошо, что мисс Лей не видела ее в этот момент.

Она шла домой в темноте, стараясь успокоиться. Из головы не шел Эдвард Крэддок. Берта

вспоминала прошлое, перебирая в памяти эпизоды их общения в детстве. Ночью Крэддок ей приснился, во сне он ее целовал.

Берта проснулась с мыслями о Крэддоке и поняла, что не переживет, если сегодня же не увидится с ним. Сначала она думала послать ему приглашение на ленч или чай, но не решилась; кроме того, ей пока что не хотелось показывать Эдварда тетушке. Внезапно ее осенило: ферма! Она пойдет туда, это ведь ее земля. Бог любви явил благосклонность: в поле Берта разглядела Крэддока, занятого каким-то делом. Увидев его, она затрепетала, сердце забилось часто-часто. Когда же Эдвард заметил ее и двинулся навстречу, она покраснела, затем побледнела, тем самым выдав себя с головой. Крэддок, непринужденной походкой приблизившийся к изгороди, показался ей невероятно красивым. Более всего на Берту произвела впечатление его мужественность — поистине Эдвард был силен, как Геркулес. Она с трудом скрывала свое восхищение.

— Ах, я не знала, что это ваша ферма, — сказала она, пожимая его руку. — Просто шла куда глаза глядят.

— Идемте, мисс Берта, я покажу вам хозяйство.

Крэддок открыл калитку и провел ее в сарай, где

стояли повозки, заодно указав на пару крепких лошадей, на которых вспахивали соседнее поле. Он также показал Берте коров и согнал в кучу свиней, чтобы похвалиться их отличным здоровьем; дал кусочек сахара, которым она угостила коня; сводил в хлев и рассказал о тонкостях разведения овец. Берта внимала ему, словно зачарованная. Когда Крэддок с гордостью продемонстрировал сельскохозяйственные машины и объяснил, как используется ворошилка и сколько стоит жатка, Берта решила, что никогда в жизни не слышала ничего более захватывающего. Больше всего, однако, ей не терпелось посмотреть жилище Эдварда.

— Не нальете мне стакан воды? — попросила она. — Ужасно хочется пить.

— Ну конечно, заходите, — пригласил Крэддок, распахивая дверь.

Берта вошла в небольшую комнату, пол в которой был застелен клеенкой. Посередине располагался стол, накрытый красной скатертью из набивной ткани; стулья и диван, обитые старой, потрескавшейся кожей, стояли почти вплотную друг к другу. На каминной полке, помимо трубок и банок для табака, были расставлены пестрые фарфоровые вазы с камышами, а в центре — часы

на мраморной подставке.

— Какая прелесть! — воскликнула Берта. — Вам, должно быть, здесь очень одиноко?

— Что вы! Меня почти не бывает дома. Хотите молока? Молоко полезней воды.

Берта увидела на столе салфетку, кувшин с пивом, хлеб и сыр.

— Вы собирались завтракать? — спросила она. — Простите, что помешала.

— Ничего страшного, просто в одиннадцать часов я обычно перекусываю.

— Можно и мне с вами? — загорелась Берта. — Я проголодалась как волк, к тому же обожаю хлеб с сыром.

Они уселись друг напротив друга, находя эту неожиданную трапезу очень забавной. Хлеб, нарезанный толстыми ломтями, был необычайно вкусным, ну а пиво, конечно, казалось слаще нектара. Немного спустя Берту охватило опасение, что Крэддок может посчитать ее чудачкой.

— По-вашему, с моей стороны нелепо вот так прийти к вам и напроситься на угощение?

— Наоборот, это очень мило! Мистер Лей часто заглядывал к моему отцу и запросто садился с ним за стол.

— Вот как? — удивилась Берта. Разумеется, это

обстоятельство делало ее поступок совершенно естественным. — Теперь мне пора идти. Ох и рассердится тетя Полли!

Крэддок уговорил ее взять цветы и торопливо срезал несколько георгин. Берта приняла букет со смущенной благодарностью, и когда на прощание они обменялись рукопожатием, у нее почему-то опять заколотилось сердце.

Мисс Лей поинтересовалась, откуда цветы.

— Да так, — небрежно ответила Берта, — встретила одного из арендаторов, он мне их и дал.

— Хм-мм, — промурлыкала мисс Лей. — Лучше бы они вовремя вносили арендную плату.

Когда тетя покинула гостиную, Берта растроганно посмотрела на скромный букет и коротко рассмеялась. «Нет смысла себя обманывать, — подумала она. — Кажется, я влюблена». Она поцеловала георгины и почувствовала, что очень довольна.

Она действительно не на шутку влюбилась, поскольку к вечеру решила во что бы то ни стало выйти замуж за Эдварда Крэддока. Времени Берта не теряла: прошло меньше месяца, а свадьба была уже не за горами.

Мисс Лей презирала любые проявления чувств. Рождество, когда сосед прижимал соседа к груди

и рассыпался перед ним в глупых сантиментах, внушало ей такое отвращение, что она взяла привычку уезжать на это время куда-нибудь на континент, туда, где никого не знала и могла избежать чрезмерно слащавых людских эмоций, праздничных поздравлений и общего умильного настроя. Даже летом вид остролиста заставлял ее брезгливо морщиться; мисс Лей тут же вспоминала праздничное убранство в домах с достатком, ветки омелы на газовых канделябрах и глупых стариков, которым нравится целовать незнакомых женщин. Ее радовало, что у Берты хватило ума не принимать бурных изъявлений радости от слуг и обедневших арендаторов, которых доктор Рамзи специально хотел собрать по случаю совершеннолетия хозяйки Корт-Лейз. Мисс Лей допускала, что торжества, достойные этого повода — бесконечные рукопожатия, шумное веселье и назойливая общительность английских селян, — могут превзойти даже мишурную безвкусицу Святок. По счастью, Берта, как и мисс Лей, терпеть не могла подобные празднества и уведомила всех, о ком шла речь, что они крайне обяжут ее, если оставят без внимания событие, которое лично для нее не представляет особой важности.

И все же полностью сдержать рвение опекуна не удалось. Доктор Рамзи обладал чисто английской убежденностью в отношении надлежащего порядка вещей. Он настоял на том, чтобы официально встретиться с Бертой, принести свои поздравления, благословить новорожденную и произнести наставительную речь.

Когда Берта спустилась вниз, тетушка уже завтракала. Ее завтрак очень по-женски состоял из крохотного кусочка ветчины и ломтика поджаренного хлеба. Мисс Лей изрядно нервничала; причиной беспокойства был день рождения племянницы.

«Женщины имеют одно преимущество: после двадцати пяти не афишируют свой день рождения и скрывают его, как нечто неприличное, — думала мисс Лей. — Мужчины же так много значения придают собственному триумфальному появлению на свет, что помешаны на этой дате. Глупцы уверены, будто она интересна кому-то еще!»

Берта вошла в комнату и поцеловала тетю.

— Доброе утро, дорогая, — промолвила мисс Лей. Наливая племяннице кофе, она добавила: — Наша любезная кухарка в честь твоего совершеннолетия спалила молоко. Надеюсь, она

не напьется на радостях — по крайней мере до вечера.

— Ну а я надеюсь, что доктор Рамзи не разойдется слишком сильно, — отозвалась Берта, которая прекрасно понимала чувства тетушки.

— Милая, я содрогаюсь при мысли о его чрезмерной оживленности. Он хороший человек с прекрасными принципами, да к тому же не глупее большинства прочих докторов, но его дружелюбие порой просто действует на нервы.

Берта сохраняла спокойствие лишь внешне — в голове у нее путались мысли, а сердце стучало как безумное. Она сгорала от нетерпения сообщить свою новость. Берта имела некоторую склонность к драматизму и предвкушала эффектную сцену: ей вручат ключи от королевства, а она объявит, что уже нашла короля, который рука об руку с ней будет им управлять. Она также понимала, что объясняться наедине с мисс Лей было бы непросто; куда легче иметь дело с грубовато-добродушным доктором Рамзи. Всегда есть определенная трудность в общении с человеком, который всячески подчеркивает, что каждый сам по себе, и находит удовольствие в том, чтобы прятать свои истинные мысли и не делиться ими с окружающими. Берта послала Крэддоку запис-

ку с просьбой прийти к трем часам, дабы она представила его как будущего супруга и хозяина Корт-Лейз.

Прибывший доктор Рамзи с порога обрушил на именинницу поток поздравлений, отчасти шутливых, отчасти серьезных и сентиментальных — в общем, крайне неприятных на придирчивый вкус мисс Лей. Опекун Берты был высоким широкоплечим мужчиной с гривой светлых волос, теперь уже седеющих. По мнению мисс Лей, ему совершенно не шли бакенбарды, узкие в верхней части и расширяющиеся книзу. Доктор Рамзи был краснощек, и благодаря росту, веселому нраву и яркому румянцу воплощал собой картину отличного здоровья. Громкоголосый, дородный, с чисто выбритым подбородком, он напоминал йомена из доброй старины, когда тяжелые времена и распространение грамотности еще не сделали из мелкого землевладельца нечто среднее между городским клерком и объездчиком из Ньюмаркета. Несмотря на то что доктор Рамзи одевался в сюртук и цилиндр уже много лет, вещи до сих пор сидели на нем криво, словно воскресный наряд на крестьянине. Мисс Лей, которая любила давать людям смешные описания и находить удачные сравнения, никак не могла подобрать

для него точного определения, и это вызывало у нее легкую досаду. В ее глазах единственным связующим звеном между доктором и остальными людьми была любовь к антикварным вещицам, благодаря которой его дом заполнили старинные табакерки, фарфор и прочие ценные безделушки. Под «остальными людьми» мисс Лей понимала узкий круг лиц, в основном женского пола, среднего возраста, не обремененных семьей и имеющих собственные доходы, которые путешествовали на европейский материк, читали хорошие книги и питали отвращение к подавляющему большинству ближних своих, в особенности когда те верещали о благотворительности, тыкали в лицо своей религией или же с остервенелым усердием накачивали мышцы.

Доктор съел завтрак с аппетитом, который, как предположила мисс Лей, постоянно радовал его мясника. Она вежливо осведомилась о здоровье миссис Рамзи, которую втайне осуждала за мягкотелую покорность. Мисс Лей взяла за правило избегать общения с дамами, превратившимися в бледные тени своих мужей, особенно если они могли говорить только о домашнем хозяйстве. Что до миссис Рамзи, то за исключением воскресных дней, когда супругу доктора занимали

мысли о нарядах местной паствы, ее заботил лишь неуемный аппетит мужа и способы его удовлетворения.

Они вернулись в гостиную, где доктор принялся рассказывать Берте о ее владениях: что собой представляет тот или иной арендатор, в каком состоянии находятся фермы? В конце концов его монолог свелся к тому, что наступила тяжкая пора и арендной платы ни от кого не добьешься.

— Итак, Берта, что ты намерена делать? — задал вопрос доктор.

Этого удобного случая она и дожидалась.

— Кто, я? О, я собираюсь выйти замуж.

Доктор Рамзи удивленно открыл рот, потом запрокинул голову и громко расхохотался.

— Неплохо! — воскликнул он.

Мисс Лей взглянула на него, недоуменно вздернув брови.

— Девушки в наше время очень смелы, — довольно заметил доктор. — В мою молодость барышни сплошь краснели да опускали глаза. Если в присутствии юной девы кто-нибудь заводил речь о свадьбе, она мечтала о том, чтобы земля разверзлась и поглотила ее!

— Чушь! — фыркнула мисс Лей.

Берта смотрела на доктора Рамзи, с трудом

пряча улыбку. Тетя поймала ее взгляд.

— Значит, собираешься замуж, Берта? — со смехом спросил доктор.

— Да, — ответила она.

— Когда? — задала вопрос мисс Лей, которой слова племянницы не показались шуткой или выдумкой.

Берта смотрела в окно в ожидании Эдварда.

— Когда? — повторила она и обернулась. — Через четыре недели.

— Что?! — вскочил доктор Рамзи. — Уж не хочешь ли ты сказать, что у тебя есть жених? Ты помолвлена? А, понял, понял! Вы решили меня разыграть. Мисс Лей, вы нарочно молчали о том, что Берта помолвлена?

— Любезный доктор, — невозмутимо ответила мисс Лей, — до этой самой минуты я ничего не знала о помолвке. Полагаю, мы должны поздравить Берту. Столько поздравлений, и все в один день — это чудесно.

Доктор Рамзи переводил озадаченный взгляд с одной дамы на другую.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он.

— Я тоже, — отозвалась мисс Лей, — но сохраняю спокойствие.

— Все просто, — подала голос Берта. — По-

молвка состоялась вчера вечером, и ровно через четыре недели я выхожу замуж. За мистера Крэддока.

На этот раз изумлению доктора Рамзи не было предела.

— Что-что? — вскричал он, подскочив на месте, отчего пол угрожающе затрясся. — За Крэддока? Что еще за Крэддок?

— Эдвард Крэддок. — Берта не повела и бровью. — С фермы Бьюли.

— Арр-ррр! — Доктор издал страшный возглас, передать на письме который довольно трудно. — Какая нелепость! Нет, ты этого не сделаешь!

В ответ Берта лишь улыбнулась.

— Доктор, вы слишком разволновались, — произнесла мисс Лей. — Кто этот джентльмен?

— Он не джентльмен! — От досады доктор Рамзи даже побагровел.

— Он будет моим мужем, доктор, — твердо сказала Берта и поджала губы, точь-в-точь как мисс Лей, после чего обратилась к тетушке: — Мы знакомы с самого детства, наши отцы были дружны. Эдвард — фермер-джентльмен.

— То есть, — вставил доктор Рамзи, — ни одно, ни другое.

— Простите, запамятовала, кем был ваш

отец? — невинно осведомилась Берта, прекрасно все помнившая.

— Фермером! — с жаром воскликнул доктор. — И, хвала Господу, никогда не строил из себя дворянина. Мой отец работал на земле! Я не раз видел, как он перекидывал вилами навоз, когда рядом не было помощников.

— Понятно, — кивнула Берта.

— Однако мой отец не имеет к делу никакого отношения. Ты не можешь за него выйти, потому что он уже тридцать лет лежит в могиле, как не можешь выйти и за меня, потому что я женат!

Мисс Лей спрятала улыбку. Берта была умна и потому не лишила немолодую тетушку легкого удовольствия понаблюдать за тем, как журят племянницу, хотя уже начинала злиться — поведение доктора она сочла грубым.

— Что вы имеете против него? — спросила Берта.

— Допустим, ты хочешь сделать из себя посмешище, но Крэддок не вправе потворствовать твоему капризу! Он знает, что не пара тебе.

— Почему нет, если я его люблю?

— Почему нет?! — взревел доктор Рамзи. — Потому что он сын фермера, как и я, а ты — Берта Лей, владелица Корт-Лейз! Потому что мужчи-

на в его положении, не имея даже пятидесяти фунтов, не увивается тайком за состоятельной барышней.

— Пять тысяч акров, с которых никакой прибыли, — пробормотала мисс Лей, одержимая духом противоречия.

— На самом деле у вас ничего нет против него, — возразила Берта. — По вашим же словам, у Эдварда безупречная репутация.

— Я не знал, что твои расспросы связаны с матримониальными планами.

— Ни с чем они не связаны. Мне не важна его репутация. Я бы вышла за него, даже будь он лодырем, пьяницей и распутником, — потому что люблю.

— Берта, милая, — вмешалась мисс Лей. — Если ты будешь продолжать в таком духе, доктора хватит удар.

— Доктор Рамзи, вы ведь говорили, что Эдвард — один из лучших парней, которых вы знаете.

— Я этого не отрицаю! — крикнул доктор, чьи розовые щеки действительно приобрели угрожающий лиловый оттенок. — Крэддок знает свое дело, усердно трудится, он честный и порядочный человек.

— Боже правый, доктор, — воскликнула мисс

Лей, — ваш Крэддок — просто кладезь сельских добродетелей! Вряд ли Берта влюбилась бы в него, если бы в нем не было ни одного изъяна.

— Если бы Берта нуждалась в доверенном лице, — продолжал доктор Рамзи, — я бы только его и рекомендовал, но когда речь идет о замужестве…

— Он вносит арендную плату? — поинтересовалась мисс Лей.

— Крэддок — едва ли не самый добросовестный из всех арендаторов! — прорычал доктор, которого раздражали легкомысленные замечания, вставляемые тетушкой Берты.

— Разумеется, в эти тяжкие времена, — прибавила мисс Лей, решив не позволять доктору слишком серьезно изображать из себя сурового отца, — приличный фермер может поправить свои дела лишь одним способом — женитьбой на хозяйке земли.

— Вот и он! — воскликнула Берта, глядя в окно.

— Бог мой, он что, идет сюда?! — рявкнул ее опекун.

— Да, я посылала за ним. Не забывайте, скоро он станет моим супругом.

— Черт меня подери, если я это допущу!

Мисс Лей негромко рассмеялась. Ей нравилось

редкое крепкое словцо, оживлявшее банальные беседы, которые мужчины вели в присутствии дам.

Глава IV

Берта быстро избавилась от озабоченного выражения и прогнала досаду, вызванную спором. Когда дверь открылась, на ее щеках играл нежный румянец. Своего прекрасного принца она встретила обворожительной улыбкой. Берта приблизилась к Крэддоку и взяла его за руки.

— Тетя Полли, позвольте представить, — сказала она, — это мистер Эдвард Крэддок. Доктор Рамзи, вы с Эдвардом уже знакомы.

Крэддок пожал руку мисс Лей и взглянул на доктора, который поспешно отвернулся. Эдвард слегка покраснел и сел рядом с мисс Лей.

— Мы как раз говорили о тебе, дорогой, — сообщила Берта.

Неловкая пауза, возникшая с прибытием гостя, затянулась. В то время как взволнованный Крэддок отчаянно пытался придумать тему для разговора, мисс Лей явно не собиралась ему помогать.

— Я сказала тете Полли и доктору Рамзи, что свадьба состоится ровно через четыре недели.

Крэддок слышал про дату впервые, однако

ничем не выдал своего изумления и все силился вспомнить речь, специально заготовленную по этому поводу.

— Мисс Лей, я постараюсь быть хорошим мужем для вашей племянницы, — начал он.

Мисс Лей, однако, не дала ему продолжить. Она уже пришла к выводу, что Крэддок способен сказать лишь то, что положено говорить по тому или иному поводу, а это в ее глазах считалось ужасным преступлением.

— Да, да, не сомневаюсь, — перебила она. — Как вам известно, Берта сама себе хозяйка и ни перед кем не отчитывается за свои поступки.

Крэддок пришел в легкое замешательство. Он намеревался уверить мисс Лей в собственной ничтожности и стремлении поступать согласно долгу, а также объяснить свое положение, но эта леди, кажется, и слышать ничего не хотела.

— Что, действительно, очень удобно, — пришла ему на помощь Берта, — поскольку я собираюсь строить жизнь по-своему, без чьих-либо советов.

Мисс Лей про себя полюбопытствовала, не увидел ли молодой человек во фразе Берты пророчества, сулящего ему отныне и впредь полный покой, но Крэддок, по-видимому, не уловил в ней ничего зловещего. Он посмотрел на Берту с бла-

годарной улыбкой, и в ответ удостоился взгляда, полного страстного обожания.

Мисс Лей с первых секунд разглядывала Крэддока с необычайной придирчивостью и, как всякая женщина, испытывала определенное удовольствие при мысли о том, что Берта с беспокойством пытается угадать ее мнение. Крэддок обладал привлекательной внешностью. Мисс Лей, в общем, нравились все молодые мужчины, но этот экземпляр и вправду был недурен. За исключением красивых глаз, в лице не было ничего особенно примечательного; облик Крэддока говорил об отменном здоровье и добром нраве. Мисс Лей даже отметила, что он не грызет ногти и что руки у него крупные и сильные. В целом Крэддок не отличался от множества других молодых и здоровых англичан с отличными физическими данными и здоровой нравственностью, хороших как биологический класс. Мисс Лей удивляло лишь, почему ее племянница выбрала этого человека из десяти тысяч ему подобных. В том что выбор сделала именно Берта, мисс Лей ни на миг не сомневалась.

— Берта показывала вам наших цыплят? — ровным тоном спросила она, обернувшись к Крэддоку.

— Нет, — ответил тот, удивленный вопросом. — Надеюсь, еще покажет.

— Непременно покажет. Знаете, я совсем не разбираюсь в сельском хозяйстве. Вы когда-либо выезжали за границу?

— Нет. Прикипел к родной стороне. Англия меня вполне устраивает.

— Да уж. — Мисс Лей опустила взгляд. — Берта обязательно должна показать вам цыплят. Они ведь очень схожи с людьми: так же глупы!

— Никак не могу заставить своих кур нестись в это время года, — пожаловался Крэддок.

— Конечно, я не разбираюсь в сельском хозяйстве, — повторила мисс Лей, — и все же цыплята такие забавные!

Доктор Рамзи заулыбался, а Берта гневно сверкнула глазами.

— Тетя Полли, раньше вы не интересовались цыплятами.

— Неужели, милочка? Помнишь, вчера вечером я сказала, что цыпленок, поданный к ужину, слишком жесткий? Как давно вы знакомы с Бертой, мистер Крэддок?

— Мне кажется, я знаю ее всю жизнь. И хочу узнать еще лучше.

На этот раз пришла очередь Берты улыбнуться,

а мисс Лей (хотя и была уверена, что у Крэддока это получилось случайно) не могла не отметить, как ловко он ушел от ее вопроса. Доктор угрюмо молчал.

— Доктор Рамзи, сегодня вы как никогда сдержанны, — недовольно укорила его Берта.

— Боюсь, мои слова не слишком вам понравятся, мисс Берта, — резко ответил тот.

Мисс Лей не собиралась допускать, чтобы открытые препирательства нарушили учтивую скованность атмосферы.

— Вы опять думаете про арендную плату, доктор Рамзи, — вздохнула она и пояснила Крэддоку: — Бедный доктор ужасно подавлен из-за того, что половина наших арендаторов сетуют на отсутствие денег.

«Бедный» доктор засопел и что-то пробурчал себе под нос. Мисс Лей решила, что молодому человеку самое время откланяться, и посмотрела на племянницу. Берта мгновенно поняла ее взгляд.

— Оставим их, Эдди, — сказала она, поднимаясь. — Идем, я хочу показать тебе дом.

Крэддок проворно встал с явным облегчением оттого, что испытание закончилось. Перед уходом он пожал мисс Лей руку и все-таки произнес короткую речь:

— Вы ведь не будете сердиться, что я забираю у вас Берту? Надеюсь, скоро мы с вами познакомимся поближе и станем большими друзьями.

Мисс Лей, застигнутая врасплох, тем не менее оценила попытку объясниться. Все могло пройти гораздо хуже. Во всяком случае, Крэддок не ссылался на Всемогущего и не упоминал о своем «долге».

Затем Крэддок подошел к доктору Рамзи с протянутой рукой, отвернуться от которой было бы невежливо.

— Доктор Рамзи, я бы хотел как-нибудь с вами встретиться, — произнес Крэддок, глядя ему в глаза. — Полагаю, у вас ко мне есть разговор. Мне тоже нужно с вами побеседовать. Когда вы сможете уделить мне время?

Услышав эти прямые и искренние слова, Берта зарделась от удовольствия, а ее тетушке пришлась по душе смелость, с которой Крэддок обратился к старому ворчуну.

— Да, поговорить было бы неплохо, — кивнул доктор. — Скажем, сегодня в восемь вечера.

— Отлично! До свидания, мисс Лей, — попрощался Крэддок и вышел вместе с Бертой.

Мисс Лей не относилась к тем людям, которые считают опрометчивым судить окружающих, не

узнав их в достаточной мере. Мисс Лей составляла свое мнение о человеке уже через пять минут и очень любила делиться своими впечатлениями.

— Знаете, доктор, — произнесла она, едва закрылась дверь за молодой парой, — он вовсе не так страшен, как я думала.

— А я и не утверждал, что Крэддок дурен собой, — едко ответил доктор Рамзи, убежденный, что все женщины как одна теряют голову при виде интересного мужчины.

Мисс Лей улыбнулась:

— Привлекательная внешность, мой милый доктор, — это три четверти боевого арсенала в борьбе за жизнь. Вы даже не представляете, на какое унылое существование обречена дурнушка.

— Вы одобряете нелепое намерение Берты?

— По правде говоря, одобряем мы с вами его или нет, не имеет особого значения, и посему лучше отнестись ко всему спокойно.

— Поступайте как знаете, мисс Лей, но лично я собираюсь положить конец этому безрассудству! — отрезал доктор Рамзи.

— Не выйдет, дорогой доктор, — опять улыбнулась мисс Лей. — Я знаю Берту намного лучше, чем вы. Мы с ней прожили три года, и все это время мне доставляло удовольствие изучать ее

натуру. Позвольте рассказать, как мы впервые встретились. Вам, конечно, известно, что мы с отцом Берты рассорились много лет назад; спустив все свои деньги, он пожелал проделать ту же штуку с моими, а когда я ответила категорическим отказом, впал в буйный гнев, обозвал меня жалким неблагодарным созданием и держал обиду до конца своих дней. Смерть жены подкосила здоровье моего брата, несколько лет он провел, скитаясь с Бертой по Европе. Девочка получала образование — какое было доступно — в полудюжине стран. До сих пор удивляюсь, что она вообще чему-то выучилась и не превратилась в испорченное существо. Берта — великолепный пример того, что люди более склонны к добру, нежели ко злу. — Мисс Лей усмехнулась, поскольку сама не слишком в это верила. — И вот однажды, — продолжала она, — я получила телеграмму, отправленную на имя моего адвоката: «Отец умер, приезжайте, если можете. Берта Лей». Обратным адресом значился Неаполь, а я была во Флоренции. Разумеется, я все бросила и помчалась туда, захватив лишь сумочку, несколько ярдов траурного крепа да нюхательные соли. На вокзале меня встретила Берта, которую я не видела десять лет. Моим глазам предстала вы-

сокая миловидная девушка, очень сдержанная и прелестно одетая по последней моде. Я мягко поцеловала ее, как того требовали печальные обстоятельства, и по дороге с вокзала спросила, на какой день назначены похороны, заранее приготовив нюхательную соль на случай, если сирота разразится рыданиями. «Похороны уже прошли, — сообщила она. — Чтобы вас не расстраивать, я дала телеграмму, когда все закончилось. Я поставила в известность хозяина виллы и слуг. По правде говоря, в вашем приезде не было необходимости, просто доктор и английский священник посчитали неправильным, что я здесь совсем одна». После этих слов нюхательная соль понадобилась мне самой. Вообразите мое состояние! Я ожидала увидеть неловкую девочку-подростка, слезы, истерики и полный кавардак, а вместо этого нахожу, что все устроено самым пристойным образом, а этот подросток способен позаботиться еще и обо мне. За ленчем Берта окинула взглядом мой дорожный костюм. «Полагаю, вы покинули Флоренцию в большой спешке, — заметила она. — Если хотите одеться в черное, рекомендую мою модистку — она шьет весьма неплохо. Кстати, сегодня я еду к ней, чтобы примерить несколько платьев».

Мисс Лей сделала паузу и взглянула на доктора, чтобы проверить, какой эффект произвели ее слова. Доктор Рамзи молчал.

— Позже мои первоначальные впечатления только усилились, — добавила она. — Вы превзойдете сами себя, если убедите Берту отказаться от принятого ею решения.

— Вы хотите сказать, что намерены благословить этот союз?

Мисс Лей пожала плечами:

— Любезный доктор, повторяю, наши с вами благословения или проклятия не имеют ни малейшего значения. Крэддок — самый обычный молодой человек. Благодарение Богу, что Берта не выбрала кого-то похуже. Этот хотя бы образован.

— Да, вы правы. Десять лет в Королевской школе в Теркенбери кое-что значат.

— Что представлял собой его отец?

— То же, что и Эдвард — джентльмен-фермер. Обучался в Королевской школе, как впоследствии его сын. Водил знакомство с местными дворянами, однако не принадлежал к ним; знал всех фермеров, хотя не относился и к этому сословию. Такими Крэддоки были много поколений — ни то ни се, ни рыба ни мясо.

— Газеты пишут, что именно эти люди — хребет

страны, доктор, ее главная опора.

— Тогда пусть держатся, где положено хребту, — со спины, — проворчал доктор Рамзи. — Как хотите, мисс Лей, но я не допущу этого безумия. В конце концов, мистер Лей назначил меня опекуном девочки, и пускай ей уже исполнился двадцать один год, мой долг — проследить, чтобы она не попала в лапы первого встречного оборванца, который уговорит ее выйти замуж.

— Воля ваша, — отозвалась мисс Лей, которой немного наскучил этот добрый джентльмен. — Едва ли вы чего-то добьетесь от Берты.

— Я не буду разговаривать с Бертой. Я встречусь с Крэддоком и прямо выскажу ему все, что думаю.

Мисс Лей вновь пожала плечами. Доктор Рамзи явно не понимал, за кем решающее слово в этом вопросе, а она не считала нужным его об этом информировать. Доктор удалился, и через несколько минут в комнату вошла Берта. Судя по всему, тетушка не собиралась чинить препоны истинной любви.

— Дорогая, тебе надо позаботиться о приданом, — с сухой улыбкой промолвила она.

— Церемония будет совсем скромной, — ответила Берта. — Мы с Эдвардом не хотим никакой

шумихи.

— Очень умно с твоей стороны. Большинство людей думают, что, вступая в брак, совершают нечто оригинальное; им даже в голову не приходит, что со времен Адама и Евы кто-то еще заключал семейный союз.

— Я пригласила Эдварда завтра к нам на ленч, — сообщила Берта.

Глава V

На следующий день после ленча мисс Лей вернулась в гостиную и распаковала посылку от Мьюди. Она просматривала издания, пробегала глазами страницу той или иной книги, чтобы получить о ней представление, но мысли ее возвращались к только что закончившейся трапезе. Эдвард Крэддок заметно нервничал, за столом держался очень скованно и проявлял чрезмерную услужливость, передавая мисс Лей соль, перец и прочие мелочи. Крэддок прилагал все усилия, чтобы показаться любезным, но в то же время был немного подавлен и отнюдь не лучился восторженной радостью, естественной для счастливого жениха. Мисс Лей задавалась вопросом, действительно ли он любит ее племянницу. Берта, вне всяких сомнений, парила в небесах от любви и не сводила глаз с молодого человека, словно в жизни не видела ничего более прекрасного и восхитительного. Такая экспансивность в сравнении с прежней сдержанностью удивляла. Казалось, Берте совершенно не важно, что ее чувства станут достоянием целого света.

Она не только была счастлива своей любовью, но и гордилась ею. Мисс Лей вслух рассмеялась над наивной уверенностью доктора в том, что он сможет помешать этой страсти. Отлично сознавая, что хладные струи доводов рассудка не в силах погасить бушующее пламя, мисс Лей даже не думала препятствовать союзу, но в то же время не имела желания быть свидетелем вступительных шагов к нему, поэтому после ленча сослалась на усталость и уединилась в гостиной. Ее радовала мысль о том, что она поступает, как ей нужно, и одновременно создает удобство для влюбленных.

Мисс Лей выбрала из стопки книг одну, которая показалась ей самой обещающей, и начала читать. Вскоре в дверь заглянула служанка и объявила о приходе мисс Гловер. Тень недовольства, пробежавшая по лицу мисс Лей, немедленно сменилась медоточивой благожелательностью.

— Ах, дорогая мисс Лей, не вставайте, — поспешно произнесла посетительница, видя, как хозяйка медленно поднимается с кушетки, на которой так уютно расположилась.

Мисс Лей обменялась рукопожатием с мисс Гловер и сказала, что счастлива ее видеть, про себя думая, что приверженность почтенной гостьи

правилам очень утомительна. Гловеры обедали в Корт-Лейз на прошлой неделе, и ровно семь дней спустя мисс Гловер нанесла предписанный этикетом визит.

Мисс Гловер была весьма достойной особой, но донельзя скучной, а этого мисс Лей простить никак не могла. По ее мнению, в тысячу раз лучше быть чудовищно подлой Бекки Шарп, нежели чудовищно кроткой и глупой Эмилией[11]. Мисс Гловер была одной из самых добросердечных и отзывчивых женщин на Божьем свете, ангелом бескорыстия и самопожертвования, однако получать удовольствие от ее общества мог лишь слабоумный.

«Фанни Гловер — милая, добрая душа, — говаривала про нее мисс Лей, — и творит бесконечное благо для нашего прихода, но при всем том так уныла и бесцветна, что ей самое место на небеси». Солидные годы не мешали мисс Лей мысленно рисовать мисс Гловер с распущенными тусклыми волосами, крыльями и золотой арфой, денно и нощно распевающей церковные гимны противным писклявым голосом. На самом деле, райский образ совсем не подходил мисс Гловер. Ей было

---

[11] Примечания: 11

Бекки Шарп, Эмилия — персонажи романа У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» (1847).

около двадцати восьми лет, однако на вид можно было дать и двадцать, и сорок. Казалось, что она всегда выглядит одинаково и что годы не властны над силой ее духа. Фигуры у мисс Гловер не было, а жесткие, плотные наряды скорее походили на броню. Она неизменно одевалась в глухой черный жакет из ткани в рубчик — видимо, наиболее ноской, — самую простую юбку и толстые, действительно толстые ботинки. Шляпку, подходившую для всякой погоды, мисс Гловер сшила сама. Вуали она никогда не носила, поэтому кожа на ее лице потемнела и обветрилась и так туго обтягивала кости, что лицо выглядело неестественно худым и угловатым. На выступающих скулах алел румянец, но не ровный, а с четко выделяющейся сеточкой капилляров. Нос и рот подходили под тактичное определение «решительные», бледно-голубые глаза были немного навыкате; ветра Восточной Англии за десять лет выдули из ее лица всю мягкость, их колючая ярость обесцветила даже волосы. То ли они прежде были каштановыми и утратили яркость, то ли золотистыми и потеряли блеск, — неизвестно. Корни торчали из черепа как-то по отдельности, и, глядя на них, мисс Лей невольно думала, как легко пересчитать волосы мисс Гловер. Однако

вопреки холодной, суровой наружности, позволявшей предполагать крайне твердый характер, мисс Гловер была так застенчива и до смешного робка, что постоянно краснела, а в присутствии незнакомых людей испытывала настоящие муки по причине своей неспособности выдавить хоть слово. При этом в груди мисс Гловер билось самое нежное, доброе и великодушное сердце, переполненное любовью и состраданием к ближним. Она была чрезвычайно чувствительна.

— Как поживает ваш брат? — поинтересовалась мисс Лей.

Мистер Гловер служил викарием в Линхэме, что располагался примерно в миле от Корт-Лейз по дороге на Теркенбери, и с первого дня его назначения мисс Гловер вела в доме брата хозяйство.

— О, прекрасно. Правда, очень обеспокоен диссентерами[12]. Слыхали, они ведь строят новую церковь в Линхэме. Просто ужас!

— Мистер Крэддок упоминал об этом за ленчем.

— Он завтракал у вас? Не знала, что вы так хорошо знакомы.

---

[12] Примечания: 12

Диссентеры — протестантские секты, отделившиеся от англиканской церкви в XVI–XIX вв.

— Кажется, он еще здесь, — сказала мисс Лей. — Во всяком случае, пока не прощался.

Мисс Гловер посмотрела на хозяйку в некотором недоумении, однако не стоило ожидать, что мисс Лей соизволит что-либо объяснить, прежде чем напустит еще больше тумана.

— А как дела у Берты? — осведомилась мисс Гловер, чьи разговоры в основном состояли из расспросов про общих знакомых.

— Разумеется, на седьмом небе от счастья.

— В самом деле? — подняла брови сестра викария: она ничегошеньки не понимала.

Мисс Гловер слегка побаивалась старшей приятельницы, и хотя ее брат Чарльз с сожалением признавал, что мисс Лей чересчур привязана ко всему мирскому, мисс Гловер не могла не испытывать уважения к даме, которая жила в Лондоне и на материке, встречалась с епископом Фарраром[13] и видела мисс Марию Корелли[14].

— Ну конечно, — кивнула она. — Берта молодая и веселая барышня.

---

[13] Примечания: 13

Фаррар, Фредерик Уильям (1831–1903) — англиканский богослов, писатель, экзегет. Был проповедником при университетской церкви в Кембридже, затем капелланом при дворе королевы Виктории.

[14] Примечания: 14

Корелли, Мария — псевдоним английской писательницы Мэри Маккей (1855–1924).

— Уверена, она будет счастлива.

— По-видимому, вы очень переживаете за ее будущее, мисс Лей.

Мисс Гловер нашла высказывания мисс Лей загадочными и, чувствуя себя глупо, залилась краской.

— Вовсе нет, — возразила мисс Лей. — Берта сама себе хозяйка. Она здоровая и рассудительная девушка, как и большинство прочих. Но, что ни говори, это все-таки серьезный риск.

— Простите, — пролепетала сестра викария с таким страданием в голосе, что мисс Лей ощутила укол совести, — я вас не понимаю. Какой риск вы имеете в виду?

— Супружество, милочка.

— Берта… выходит замуж? Ах, мисс Лей, дорогая, примите мои поздравления! Какое счастье, какая гордость для вас!

— Моя любезная мисс Гловер, прошу вас, успокойтесь. А если хотите поздравить, адресуйте свои поздравления Берте, а не мне.

— Я так рада, мисс Лей! Подумать только, наша замечательная Берта выходит замуж! Чарльз тоже будет очень доволен.

— Жених — Эдвард Крэддок, — сухо произнесла мисс Лей, прерывая поток бурных эмоций.

— А? — Мисс Гловер от удивления приоткрыла рот и изменилась в лице, затем, овладев собой, воскликнула: — Да что вы говорите!

— Вы, очевидно, удивлены, дорогая, — кисло улыбнулась мисс Лей.

— О да. Я думала, они едва знакомы. К тому же… — Мисс Гловер смущенно запнулась.

— К тому же что? — резко спросила мисс Лей.

— Видите ли, мисс Лей, мистер Крэддок, конечно, очень хороший человек и нравится мне, но… я бы не назвала его подходящей парой для мисс Берты.

— Все зависит от того, что, по-вашему, означает понятие «подходящая пара».

— Я всегда надеялась, что Берта выйдет замуж за младшего мистера Брандертона из Тауэрса.

— Гм, — ответствовала мисс Лей, которая недолюбливала матушку соседа-сквайра. — Не представляю, чем может похвастаться мистер Брандертон, помимо наличия четырех или пяти поколений бестолковых предков и двух-трех тысяч акров земли, которую он не может ни продать, ни сдать в аренду.

— Нет-нет, мистер Крэддок — весьма достойный молодой человек, — поспешила добавить мисс Гловер, испугавшись, что наговорила слишком

много. — Если вы одобряете союз, никто и слова не скажет.

— Я не одобряю этого союза, мисс Гловер, но я не настолько глупа, чтобы препятствовать ему. Замужество для женщины, которая имеет собственные средства, — всегда сущий идиотизм.

— Но ведь брак — это институт, установленный церковью! — запротестовала мисс Гловер.

— Неужели? — парировала мисс Лей. — А я всегда считала, что это институт, призванный обеспечивать работой судей по бракоразводным делам.

Это замечание мисс Гловер благоразумно оставила без ответа.

— Как по-вашему, они будут счастливы вместе? — наконец спросила она.

— Думаю, это крайне маловероятно, — ответила мисс Лей.

— В таком случае не велит ли вам долг — простите, что упоминаю об этом, — что-то предпринять?

— Моя добрая мисс Гловер, полагаю, Берта и Крэддок будут не более несчастливы, чем большинство прочих семейных пар; самый же главный на свете человеческий долг заключается в том, чтобы не лезть в чужие дела.

— Тут я с вами не соглашусь, — попыталась взбрыкнуть мисс Гловер. — Если бы долг сводился лишь к этому, в его выполнении не было бы ничего достойного!

— Милая моя, в вашем представлении жить счастливой жизнью — значит, постоянно делать что-то неприятное, а в моем — собирать розы, защитив руки перчатками, чтобы не уколоться шипами.

— Так битвы не выиграть, мисс Лей. Мы все должны бороться со своими пороками!

Брови мисс Лей поползли вверх. Ну не дерзость ли — ее совестит женщина, которая на двадцать лет моложе! Однако представив, как это убогое, худосочное и скверно одетое создание атакует хвостатого дьявола, вооруженного рогами и когтями, мисс Лей мысленно узрела картину столь же жалкую, сколь и комичную, а потому пересилила себя и подавила желание поспорить со своей уважаемой приятельницей и тем самым ее напугать.

В гостиную вошел доктор Рамзи.

— Решил заглянуть, посмотреть на Берту, — сказал он, пожав руки обеим дамам.

— У бедного мистера Крэддока появился еще один оппонент, — объявила мисс Лей. — Мисс

Гловер полагает, что мне следует отнестись к этому вопросу… серьезно.

— Именно так, — подтвердила сестра викария.

— Еще с юношеских лет я старалась не относиться ко всему слишком серьезно, — сказала мисс Лей. — Так что, боюсь, теперь я безнадежно легкомысленна.

Контраст между этим утверждением и чопорностью мисс Лей был по-настоящему забавным, но мисс Гловер поняла лишь, что ничего не поняла.

— В конце концов, — добавила мисс Лей, — девять браков из десяти в большей или меньшей степени неудовлетворительны. Говорите, молодой Брандертон подойдет Берте лучше, но в действительности старинное генеалогическое древо никак не способствует семейному счастью, а за исключением этого я не вижу заметной разницы между Брандертоном и Эдвардом Крэддоком. Мистер Брандертон обучался в Итоне и Оксфорде, однако либо ничему не выучился, либо весьма успешно это скрывает. По сути дела, он такой же фермер-джентльмен, как мистер Крэддок, только один род пробивает себе дорогу наверх, а другой катится по наклонной. Брандертонам принадлежит прошлое, Крэддокам — будущее, и хотя я не сторонница реформ и прогресса,

в качестве супруга для меня предпочтителен мужчина, который станет основателем рода, а не его последним чахлым побегом. Бог мой, вы заставляете меня изрекать расхожие истины! — Оппозиционный настрой превращал мисс Лей почти что в сторонницу Эдварда Крэддока.

— Что ж, — веско произнес доктор Рамзи, — лично я за тех, кто придерживается своего сословия. Сегодня всякий мечтает взлезть повыше: чернорабочий подделывается под ремесленника, ремесленник — под человека с профессией.

— При этом человек с профессией — хуже всех прочих, любезный доктор, — сказала мисс Лей, — поскольку этот подражает благородному лорду, который редко являет собой достойный пример. Самое смешное, что каждый класс считает себя не хуже того, что стоит над ним, и одновременно питает глубочайшее презрение ко всем, кто расположился на более низких ступенях. В сущности, единственные члены общества, которые оценивают себя должным образом, — это слуги. Мне часто приходит в голову, что прислуга в аристократических домах Южного Кенсингтона в несколько раз порядочней своих господ.

Ни мисс Гловер, ни доктор Рамзи не взялись бы обсуждать подобную тему, поэтому в разговоре

повисла пауза.

— Назовите хоть один довод в пользу этого союза, — неожиданно потребовал доктор.

Мисс Лей посмотрела на него так, будто всерьез задумалась, и с насмешливой улыбкой произнесла:

— Дорогой доктор, мистер Крэддок — земной, прозаичный человек. Луна в небе никогда не приведет его в поэтический экстаз.

— Мисс Лей! — умоляющим тоном воскликнула сестра священника.

Мисс Лей обвела собеседников взглядом.

— Хотите знать, что я на самом деле думаю? — осведомилась она более серьезным, чем обыкновенно, тоном. — Милый доктор, наша девочка любит Крэддока. Если на то пошло, брак — настолько рискованное предприятие, что оправдывает этот риск одна лишь страсть.

Услышав последнее слово, мисс Гловер явно заволновалась.

— Да, мне известно, как вы все тут в Англии считаете, — продолжила мисс Лей, прочитав взгляд мисс Гловер. — По-вашему, причины для брака могут быть какими угодно, за исключением истинной, то есть инстинкта продолжения рода.

— Мисс Лей! — воскликнула сестра священни-

ка и покраснела.

— Послушайте, вы уже достаточно взрослая, чтобы трезво смотреть на вещи! — отрезала мисс Лей. — Берта — просто самка, которую влечет к самцу. Инстинкт продолжения рода — единственная достойная основа супружества; все остальное — сплошная порнография! Какая разница, что мужчина принадлежит к другому сословию? Общественный статус не имеет ни малейшего отношения к природному инстинкту. Если бы я полюбила, мне было бы все равно, кто мой избранник, и я бы вышла даже за трактирного слугу, предложи он мне стать его женой!

— Вот так разговор! — хмыкнул доктор.

Мисс Лей, однако, уже разошлась и не дала ему продолжить.

— Главное предназначение женщины — производить на свет себе подобных, и мудрая женщина выберет отцом для своих детей сильного и здорового мужчину. Терпеть не могу тех дамочек, которые выходят замуж за «умных». Что толку от мужа, который выполняет малопонятные математические расчеты? Женщине нужен мужчина сильный как бык и с таким же здоровым пищеварением.

— Мисс Лей, — вмешалась мисс Гловер, —

конечно, я не могу тягаться с вами в том, что касается ума, однако убеждена, что вы не правы. Мне не следует слушать ваши речи; уверена, Чарльз бы их тоже осудил.

— Милая, вас воспитывали так же, как большинство английских девушек, то есть растили из вас дурочку.

Бедная мисс Гловер покраснела еще гуще.

— Во всяком случае, меня учили почитать священные брачные узы. В земной жизни мы все должны умерщвлять плоть, а не потакать ее желаниям. Надеюсь, у меня никогда не появится искушения посмотреть на эти вещи так, как смотрите вы. Если в будущем мне суждено выйти замуж, мысли о чувственных наслаждениях будут для меня на последнем месте. Для меня супружество — это духовный союз, в котором мой долг — любить и почитать мужа, повиноваться ему, беречь и поддерживать, — то есть вести бок о бок с ним такую жизнь, чтобы быть готовыми к смерти, когда она за нами придет.

— Чепуха! — заключила мисс Лей.

— Я считал, что вы более остальных станете возражать против этого брака, — высказался доктор Рамзи.

— Они не будут счастливы! — воскликнула

мисс Гловер.

— Почему же нет? — возразила мисс Лей. — В Италии я знавала одну даму, леди Юстицию Шоу, которая вышла замуж за своего лакея. Благородная леди дала ему свою фамилию, и они пили как сапожники. Супруги прожили сорок лет в полной любви и согласии, а когда однажды он допился до смерти, бедная леди Юстиция так горевала, что первый же приступ белой горячки унес ее жизнь. Очень трогательная история.

— Думаю, что вы вряд ли мечтали бы о подобной судьбе для своей единственной племянницы, мисс Лей, — промолвила мисс Гловер, которая восприняла все всерьез.

— У меня есть еще одна племянница, — ответила мисс Лей. — У моей сестры, которая вышла замуж за сэра Джеймса Корта, трое детей.

— Полагаю, вам более не стоит беспокоиться, — вмешался доктор Рамзи, — поскольку я имею основания утверждать, что помолвка Берты и молодого Крэддока расстроена.

— Что? — воскликнула мисс Лей. — Я вам не верю!

— В самом деле? — одновременно с ней пискнула мисс Гловер. — О, какое облегчение!

Доктор Рамзи, сияя от удовольствия, потер

руки.

— Я должен был это сделать, — произнес он. — Ну, что вы теперь скажете, мисс Лей?

Замешательство мисс Лей доставляло ему явную радость, и это ее разозлило.

— Что я могу сказать, пока вы не объяснились? — пожала она плечами.

— Крэддок пришел ко мне вчера вечером — помните, он сам просил меня о встрече? — и я выложил ему все напрямик. Я сказал, что этот брак невозможен, что в Блэкстебле и Линхэме его будут называть охотником за приданым. Я просил его подумать о Берте. Крэддок — порядочный, честный парень, я всегда это говорил. Я убедил его, что он поступает неправильно, и под конец он пообещал разорвать помолвку.

— Крэддок не сдержит подобное обещание, — заявила мисс Лей.

— Еще как сдержит! — крикнул доктор. — Я знаю его с малых лет, он скорее умрет, чем нарушит слово.

— Бедняга, — сокрушенно промолвила мисс Гловер. — Должно быть, он ужасно страдал.

— Он держался как мужчина.

Мисс Лей поджала губы так, что они превратились в одну тонкую ниточку.

— И когда же Крэддок намеревается выполнить ваше нелепое указание, доктор Рамзи? — спросила она.

— Он сказал, что сегодня приглашен к вам на ленч и воспользуется этим случаем, чтобы просить Берту освободить его от клятвы.

— Идиот! — пробормотала мисс Лей вполне отчетливо.

— А я считаю, что мистер Крэддок повел себя весьма благородно, — сказала мисс Гловер, — и я обязательно скажу ему об этом.

— Я имела в виду не мистера Крэддока, — процедила мисс Лей, — а доктора Рамзи.

Мисс Гловер бросила взгляд на почтенного доктора, ожидая увидеть его реакцию на грубость, но в эту секунду дверь отворилась и в гостиную вошла Берта. Мисс Лей мгновенно уловила ее настроение. Берта явно не впала в отчаяние, слез не было и следа, но щеки раскраснелись ярче обычного, а губы были плотно поджаты. Тетушка без слов поняла, что племянница не на шутку рассержена. Тем не менее Берта моментально стерла с лица гневное выражение и поздоровалась с гостями, сияя приветливой улыбкой.

— Мисс Гловер, как мило, что вы к нам зашли! Как поживаете, доктор Рамзи? Кстати, вынужде-

на вас попросить впредь не вмешиваться в мои личные дела.

— Голубушка, — встряла мисс Гловер, — это ради вашего же блага.

Берта посмотрела на сестру викария, и ее щеки запылали еще сильнее.

— А, вижу, вы обсуждали эту тему. Прелестно! Эдвард просил меня расторгнуть помолвку.

Доктор Рамзи удовлетворенно кивнул.

— Но я отказала!

Доктор подскочил на стуле, а мисс Гловер, заломив руки, ахнула.

Это был один из тех редких случаев в жизни, когда мисс Лей позволила себе в открытую расхохотаться. Берта уже просто светилась от счастья.

— Он притворился, что хочет разорвать наши отношения, но я и слушать не стала этот вздор.

— То есть, когда мистер Крэддок попросил тебя дать ему свободу, ты ответила отказом? — изумился доктор.

— Вы вправду надеялись, что я позволю вам разрушить мое счастье? — презрительно проговорила Берта. — Мне стало известно о ваших происках, доктор Рамзи. Бедный мальчик, он счел, что честь не велит ему воспользоваться моей неопытностью. Я повторила Эдварду то,

что повторяла миллион раз: я его люблю и не могу жить без него. Стыдитесь, доктор Рамзи! На что вы рассчитывали, вставая между мной и Эдвардом?

Последние слова Берта произнесла с большим жаром, и теперь тяжело дышала. Доктор Рамзи оторопел, а мисс Гловер, которая подумала, что такие речи не к лицу молодой девушке, опустила глаза. Мисс Лей следила за всеми троими цепким взглядом.

— Вы на самом деле думаете, что мистер Крэддок в вас влюблен? — наконец произнесла мисс Гловер. — По-моему, если бы это было правдой, он не отказался бы от вас так легко.

Мисс Лей улыбнулась: ей показалось забавным, что это ангельски-кроткое создание выступило со столь коварным, поистине макиавеллиевским предположением.

— Эдвард предложил расстаться как раз потому, что дорожит мной, — с гордостью ответила Берта. — И за этот поступок я люблю его в тысячу раз сильней.

— Положительно, у меня уже нет никакого терпения! — воскликнул доктор Рамзи, не в силах дольше сдерживаться. — Он женится на тебе из-за денег!

Берта издала короткий смешок. Стоя у камина, она повернулась к зеркалу и посмотрела на свои руки, покоящиеся на краешке каминной полки: узкие, изящные, с тонкими пальчиками и ногтями нежнейшего розового оттенка — самые восхитительные руки в мире, созданные для ласк. Зная их красоту, Берта не носила колец. Она подняла взор и оглядела свое отражение. Сперва ее взгляд задержался на темно-карих глазах, в которых то теплился, то ярко вспыхивал огонь любви; затем двинулся дальше, к аккуратным розовым ушам, похожим на раковины. Глядя на них, возникало ощущение, что нет более благодатного материала для кисти художника, нежели человеческое тело. Волосы были тоже темными, невероятно густыми — Берта с трудом укладывала их в прическу — и волнистыми. Эти волосы хотелось потрогать, запустить в них руки, почувствовать их восхитительную шелковистую мягкость. Берта поправила выбившуюся прядь — пусть говорят что угодно, но волосы у нее великолепные.

Берта и сама удивлялась своей смуглости: оливковая кожа заставляла вспомнить юг с его обжигающими страстями. Цветом лица — необычайно чистым и прозрачным — Берта

напоминала женщин Умбрии. Один портретист как-то сказал ей, что в цвете ее кожи присутствуют все краски солнечного заката — те, что видны по краям, где великолепие заходящего светила сливается с небом. Кожа на лице Берты отливала сотней мягких оттенков — кремовых и молочно-белых, мерцала бледной желтизной, какую можно видеть в самой сердцевине розы, и тончайшим намеком на зелень молодой листвы, и при этом словно бы светилась изнутри жемчужным сиянием.

Берта посмотрела на свои полные алые губы, чувственные и влекущие; любой испытал бы томление только при мысли о том, как, должно быть, сладки поцелуи этих уст. Молодая женщина улыбнулась своему отражению и увидела ровные блестящие зубы. Критический осмотр собственных черт заставил щеки Берты порозоветь, и румянец еще сильнее оттенил великолепную белизну лица. Она медленно обернулась и поймала на себе три внимательных взгляда.

— По-вашему, мужчина не может влюбиться в меня из-за меня самой? Славное же у вас мнение обо мне, любезный доктор.

Мисс Лей сочла, что со стороны Берты весьма дерзко таким образом игнорировать мнение двух

дам, причем незамужних, однако не высказала этого вслух. Тетушка перевела глаза с точеной мраморной шеи племянницы на столь же прекрасные руки и стройную фигуру.

— Милая, ты просто красавица, — с улыбкой произнесла она.

Доктор Рамзи окончательно вышел из себя.

— Боже, мисс Лей, неужели вы ничего не можете сделать, чтобы предотвратить это безумие?

— Дорогой доктор, у меня достаточно забот с устройством собственной жизни, не заставляйте меня лезть еще и в чужую.

Глава VI

Берта целиком и полностью отдалась любовному наслаждению. Ее сангвинический темперамент не позволял заниматься чем-либо наполовину, и теперь она даже не трудилась скрывать свои чувства. Любовь была безбрежным морем, в которое Берта отважно бросилась, не раздумывая, выплывет или утонет.

— Я такая глупенькая, — говорила она Крэддоку. — У меня в голове до сих пор не укладывается, что раньше люди тоже любили. Жизнь для меня словно только сейчас началась.

Самая короткая разлука с ним была для Берты невыносима. С раннего утра она жила ожиданием ленча, на который Эдвард приходил в Корт-Лейз, после чего провожала его назад на ферму. Дальше день тянулся бесконечно, и Берта считала часы до новой встречи с возлюбленным. Зато какое блаженство она испытывала, когда по вечерам, закончив работу, Крэддок приходил к ней и они садились рядышком у камина, чтобы поболтать! Берта нарочно не включала лампу, и единственным источником освещения было

мягкое перемежающееся свечение углей. За исключением маленького пятачка, где они сидели, комнату окутывала темнота, а багряное пламя бросало отблеск на лицо Эдварда и порождало причудливые тени. Берта с обожанием смотрела на его правильные черты лица и кудрявые волосы, заглядывала в серые глаза. Ее страсть не знала границ.

— Закрой глаза, — шептала она и покрывала поцелуями смеженные веки, медленно приникала губами к его губам, и мягкое соприкосновение заставляло ее трепетать и тихонько смеяться.

Она зарывалась лицом в его одежду, вдыхая крепкие запахи деревни, которые всегда приводили ее в восхищение.

— Чем ты занимался сегодня, милый?

— Сейчас на ферме не много дел. Мы только вспахивали землю и убирали корнеплоды.

Берту завораживало, когда Крэддок рассказывал о сельском хозяйстве, она могла слушать его часами. Каждое слово Эдварда казалось пленительным и новым. Она не сводила с Крэддока глаз, и хотя ей нравилось его слушать, чаще просто наблюдала за мимикой, не вникая в смысл фраз. Эдварда порой озадачивала абсолютно счастливая улыбка, игравшая на лице Берты, в то

время как он говорил о способах дренирования почвы. Тем не менее она действительно интересовалась его делами и никогда не забывала спросить, поправился ли захворавший бычок. Ей было приятно представлять сильного человека, подчинившего себе крупных животных, и от этой мысли у нее самой напрягались мускулы. Берта решила выучиться верховой езде, теннису и гольфу, чтобы разделять с будущим мужем его увлечения. Собственные достоинства казались ей смехотворными и даже уничижительными. Глядя на Эдварда Крэддока, она осознавала, что человек — действительно царь природы. Берта смотрела, как он широким шагом идет по полю, раздает указания работникам, четко зная, что и как нужно делать, — мужественный, бесстрашный и свободный. Поразительно, сколько прекрасных качеств она находила, изучая его профиль.

Крэддок рассказывал о людях, которых нанимал на работу, и Берта не представляла себе большего счастья, нежели иметь такого хозяина, как Эдвард.

— Я бы хотела быть молочницей у тебя на ферме, — сказала она.

— Я не держу молочниц. У меня работает мо-

лочник, от него больше толку.

— Сокровище мое! — воскликнула Берта. — Какой же ты практичный!

Она взяла руки Эдварда в свои и принялась разглядывать.

— Знаешь, иногда я тебя боюсь, — со смехом призналась она. — Ты такой сильный, что рядом с тобой я чувствую себя совершенно беспомощной.

— Боишься, что я стану тебя колотить? — улыбнулся Крэддок.

Берта посмотрела ему в глаза, потом вновь опустила взгляд на крепкие руки, которые все еще держала в ладонях.

— Пожалуй, я бы не возражала. Наверное, я только полюбила бы тебя еще больше.

Крэддок расхохотался и поцеловал ее.

— Я не шучу, — настаивала Берта. — Теперь я понимаю тех женщин, которые питают слабость к грубым дикарям. Общеизвестно, что некоторые жены готовы сносить что угодно от своих мужей, и чем более жестоко те себя ведут, тем сильнее бедняжки к ним привязываются. Полагаю, мне бы это тоже понравилось. Правда, я ни разу не видела тебя в гневе, Эдди. Какой ты, когда разозлишься?

— Я никогда не злюсь, — ответил Крэддок.

— Мисс Гловер сказала, что у тебя лучший характер на свете. Меня пугает список твоих совершенств!

— Не ожидай от меня чересчур многого, Берта. Я совсем не идеальный человек.

— Это хорошо, — улыбнулась Берта. — Мне не нужен идеал. Разумеется, у тебя тоже есть недостатки, хоть я их пока не замечаю. А когда замечу, ты станешь для меня еще ближе. Говорят, если женщина влюбляется в уродливого мужчину, уродство делает его лишь более привлекательным, так что я полюблю твои недостатки, как и все остальное, что есть в тебе.

Некоторое время они сидели молча, и тишина была еще более чарующей, чем беседа. Берта так бы и покоилась в объятиях Крэддока целую вечность; она забыла, что скоро даст о себе знать его здоровый аппетит и он расправится с солидной порцией еды.

— Дай я посмотрю на твои руки, — попросила она.

Берта любила его руки. Крупные, грубо вытесанные, задубевшие от работы и ветра, они казались ей в десять раз красивее, чем изнеженные руки горожанина. Она находила их сильными и

невероятно мужественными; они напоминали Берте скульптурную руку из итальянского музея, вырезанную из порфира и почему-то незаконченную — необработанные линии создавали то же впечатление скрытой внутри силы. Руки Эдварда также вполне могли быть руками полубога или античного героя. Берта распрямила у себя на ладони его длинные сильные пальцы. Крэддок смотрел на нее со смесью удивления и радости; он чувствовал, что почти не знает девушку. Поймав его взгляд, она с улыбкой наклонилась и поцеловала повернутые кверху ладони. Ей хотелось подчиниться этому большому мужчине, быть покорной и смиренной. Она с радостью стала бы рабой Крэддока и была бы счастлива выполнять для него самую черную работу. Берта не знала, как выразить всю глубину своей страсти.

Берте нравилось ходить в Блэкстебл под руку с женихом и ловить на себе взгляды окружающих — она знала, какое любопытство вызывает у них предстоящий брак. Пусть себе удивляются, что она выбрала Эдварда Крэддока, которого они знают всю жизнь. Берта гордилась возлюбленным, гордилась тем, что вскоре станет его супругой.

Как-то раз, когда выдался особенно теплый для конца осени день, Берта отдыхала на приступке у

изгороди, а Крэддок стоял подле нее. Влюбленные не разговаривали и лишь взирали друг на друга в безмолвном обожании.

— Смотри-ка, — вдруг сказал Крэддок. — Вон идет Артур Брандертон. — Он бросил беспокойный взгляд на Берту, потом огляделся по сторонам, словно желая избежать встречи.

— Кажется, он недавно вернулся из поездки? — спросила Берта. — Я давно хотела с ним поболтать. — Она явно была не прочь продемонстрировать своего кавалера всему свету. — Добрый день, Артур! — поздоровалась она, когда молодой человек приблизился.

— Да это же Берта Лей! А, Крэддок.

Брандертон покосился на Эдварда, недоумевая, что тот делает в обществе мисс Лей.

— Мы ходили пешком в Линхэм, и я немного устала.

— А-а.

Брандертону-младшему показалось чудны́м, что хозяйка Корт-Лейз прогуливается вместе с Крэддоком.

Берта звонко рассмеялась.

— Ах, Эдвард, он же не знает! Единственный человек в округе, до которого еще не дошла новость.

— Что за новость? — осведомился Брандертон. — Я всю неделю провел в Йоркшире у зятя.

— Мы с Эдвардом женимся.

— Что, правда? Боже милостивый!

Брандертон посмотрел на Крэддока, затем неуклюже пробормотал положенные поздравления. Известие ошеломило молодого джентльмена, и, заметив это, Крэддок покраснел, ведь изумление Брандертона явно вызвал тот факт, что Берта снизошла до брака с безродным голодранцем.

— Рассчитываю получить приглашение на свадьбу, — произнес Брандертон, чтобы скрыть свое смущение.

— Церемония будет совсем скромной — только мы, доктор Рамзи, моя тетя и шафер Эдварда.

— Значит, мне нельзя прийти?

Берта бросила быстрый взгляд на Эдварда. Ей было неприятно думать, что дружкой жениха будет человек из простонародья. Если на то пошло, она — не кто-нибудь, а мисс Лей. Кроме того, Берта уже убедилась, что некоторые друзья ее будущего мужа не годятся для приличного общества. Теперь ей представился удобный случай преодолеть эту трудность.

— Боюсь, что нет. Разве что вы попросите Эдварда возложить на вас почетную должность

шафера.

Предложение Берты поставило обоих мужчин в неловкую ситуацию. Артур Брандертон вовсе не горел желанием оказывать Крэддоку одолжение. «Разумеется, — думал он, — Крэддок хороший малый и отличный спортсмен, но в женихи Берте Лей не годится». Крэддок молчал, понимая, какие чувства испытывает Брандертон. Однако последний все же имел представление об учтивости, поэтому первым нарушил возникшую паузу.

— Крэддок, вы уже выбрали себе шафера? — спросил он. Ничего другого на ум ему не пришло.

— Нет… Как-то не задумывался об этом.

Поймав взгляд Берты, Брандертон вдруг понял, чего она хочет и с чем связано ее желание.

— Возьмете меня? — быстро произнес он. — Смею утверждать, у меня хватит соображения справиться со всеми обязанностями.

— С большим удовольствием, — отозвался Крэддок. Вы очень любезны.

Брандертон вновь посмотрел на Берту, та одарила его признательной улыбкой. Он видел, что девушка довольна.

— Где вы собираетесь провести медовый месяц? — спросил Артур для поддержания раз-

говора.

— Не знаю, — ответил Крэддок. — У нас пока не было времени подумать об этом.

— Да, с планами у вас сплошная неопределенность.

Брандертон распрощался с влюбленной парой — напоследок Берта благодарно стиснула ему руку — и ушел.

— Неужели ты и вправду не думал про наше свадебное путешествие, глупыш? — ласково обратилась Берта к Крэддоку.

— Нет.

— Зато я подумала и уже все решила. Мы отправимся в Италию. Я покажу тебе Флоренцию, Пизу и Сиену. Поездка выйдет волшебная! Мы не поедем в Венецию, этот город слишком сентиментален. Не могут же приличные люди в конце девятнадцатого века предаваться любви в гондолах! О, и я так мечтаю побывать с тобой на юге, под лазурным небом и бесчисленной россыпью ночных звезд.

— Я никогда не выезжал за границу, — заметил Крэддок без особого воодушевления.

Энтузиазма Берты, однако, хватало на двоих.

— Знаю, знаю. Я с радостью открою для тебя новые места и буду наслаждаться их красотой

еще сильнее, чем раньше, ведь ты увидишь их впервые! Мы можем провести там полгода.

— Что ты, это невозможно! — воскликнул Крэддок. — Как же я брошу хозяйство?

— Бог с ним, с хозяйством. Речь о нашем медовом месяце, *sposo mio*[15].

— Я не смогу пробыть в отлучке дольше двух недель.

— Что за вздор! Нельзя же поехать в Италию на две недели. На ферме обойдутся и без тебя.

— Тем более в январе и феврале, когда должны ягниться овцы!

Крэддок не хотел огорчать Берту, но, с другой стороны, понимал, что половина ягнят просто погибнет, если он лично не проследит за их появлением на свет.

— Нет, ты должен поехать, я так мечтала об этом.

Некоторое время Крэддок стоял с несчастным видом, опустив голову.

— Может, хватит хотя бы месяца? — поднял он глаза на Берту. — Я сделаю все, как ты захочешь.

То, что ее план пришелся Крэддоку явно не по душе, поразило Берту. Она настаивала на

---

[15] Примечания: 15
Здесь: муженек *(ит.).*

своем только потому, что он сопротивлялся, но как только Эдвард проявил уступчивость, Берта мгновенно раскаялась в собственном упрямстве.

— Какая же я эгоистка! — воскликнула она. — Эдди, я совсем не хочу, чтобы ты страдал. Я думала, что тебе будет интересно отправиться в путешествие, и так чудесно все распланировала. Нет, мы не поедем за границу; ненавижу Италию. Давай лучше на две недели съездим в Лондон, словно парочка настоящих провинциалов.

— Да тебе это не понравится!

— Еще как понравится. Я люблю все, что любишь ты. Какая разница, куда ехать, лишь бы вместе с тобой. Ты ведь не сердишься на меня, душа моя, нет?

Мистер Крэддок недвусмысленно дал понять, что не сердится.

Мисс Лей вопреки своей воле и по инициативе мисс Гловер оказалась вовлечена в благотворительную деятельность и теперь вязала детские носочки (как самые маленькие предметы одежды, которые могла изготовить). Когда Берта сообщила тетушке об изменившихся намерениях, та уронила петлю. Мисс Лей благоразумно промолчала, а про себя подумала, не ждать ли конца света. Планы племянницы рушатся, будто

песочные замки, а она и довольна! Месяц назад Берта скорее переплыла бы море и одолела самую высокую горную кручу, нежели отказалась бы от завладевшей ею мысли. Воистину любовь — это умелый фокусник, который делает из льва агнца с той же легкостью, с какой превращает шейную косынку в цветочный горшок! Мисс Лей начала испытывать к Эдварду Крэддоку неподдельное уважение.

Последний, расставшись с Бертой, по дороге домой встретил линхэмского викария. Мистер Гловер был высоким угловатым мужчиной, худощавым, румяным и светловолосым. Он представлял собой несколько женоподобную копию своей сестры, но при этом распространял вокруг себя ощутимый запах антисептиков; мисс Лей божилась, что он пересыпает свою одежду йодоформом и каждый день принимает ванну с карболкой. Викарию было за сорок, он был энергичен, доброжелателен и ненавидел диссентеров.

— А, Крэддок, я как раз хотел с вами поговорить.

— Надеюсь, не насчет оглашения бракосочетания? Мы женимся по специальному разреше-

нию[16].

Как многие сельские жители, Эдвард находил священников забавными (дескать, не стоит на них обижаться, поскольку духовный сан — единственная шутка в их жизни) и имел привычку относиться к викарию с большей долей юмора, нежели проявлялась у него в других сферах жизни. Викарий расхохотался: одна из лучших черт сельского духовенства состоит в том, что они искренне радуются шутливости своих прихожан.

— Стало быть, свадьба — дело решенное? Молодой человек, да вы просто счастливчик!

Крэддок взял мистера Гловера под руку с безотчетным дружелюбием, которое позволяло ему завоевывать расположение множества людей.

— Да, я счастливчик, — подтвердил он. — Понимаю, людям кажется странным, что Берта выходит за меня замуж, но… Мы с ней очень привязаны друг к другу, и я постараюсь сделать для нее все, что в моих силах. Сами знаете, викарий, я никогда не был бездельником и гулякой.

— Верно, юноша, — ответил викарий, тронутый откровенностью Крэддока. — Всем известно, что

---

[16] Примечания: 16

Специальное разрешение — разрешение на венчание без оглашения имен вступающих в брак, в неустановленное время или в неустановленном месте.

вы — человек надежный.

— Конечно, она могла бы выйти за мужчину с более высоким положением, однако я постараюсь сделать ее счастливой. Кроме того, у меня в отличие от других нет никаких секретов. Я почти так же чист перед Бертой, как и она передо мной.

— Не многие могут этим похвастаться, — заметил викарий.

— Прежде я не любил ни одной женщины, а что до… остального — ну да, я молод и иногда езжу в город, но мне самому всегда от этого тошно. Сельская жизнь и тяжелый труд — первое средство против всякой скверны.

— Очень рад слышать от вас эти слова, — сказал мистер Гловер. — Желаю вам счастья и верю, что оно у вас будет.

Викарий почувствовал слабый укол совести: поначалу он и сестра назвали этот союз *mesalliance*[17] (произношение у обоих было ужасное), и только осознав его неизбежность, почувствовали, что в их отношении к предстоящему событию не хватает христианской терпимости. Прощаясь, мужчины пожали друг другу руки.

— Надеюсь, вы не против, что я излил перед

---

[17] Примечания: 17
Неравный брак *(фр.)*.

вами душу, — промолвил Крэддок. — В некотором роде это ведь ваша работа. Примерно о том же я хотел сказать мисс Лей, да все никак не получалось.

Глава VII

Ровно через месяц после совершеннолетия Берты, как и было объявлено, состоялось венчание, и молодожены отправились в Лондон, чтобы провести там медовый месяц. Берта, хоть и знала, что не сможет читать, все-таки взяла с собой книгу — «Размышления» Марка Аврелия, а Эдвард, находя поездки по железной дороге ужасно скучными, на этот случай приобрел «Тайну шестипалой дамы» — уж очень его привлекло название. Он твердо решил бороться со скукой и, разочарованный содержанием романа, купил на вокзале свежий номер «Спортинг таймс».

Когда поезд тронулся, Берта облегченно вздохнула:

— Уф, наконец-то мы одни. Теперь нам никто не помешает, и мы будем вместе до конца дней.

Крэддок опустил газету, которую по привычке развернул, расположившись в купе.

— Я тоже рад, что церемония закончилась.

— Знаешь, — сказала Берта, — по пути в церковь меня почему-то охватил страх! Я испугалась — а что, если тебя там нет? Вдруг ты передумал

и сбежал?

— С какой стати мне передумывать? — рассмеялся Крэддок.

— Послушай, я не могу чинно сидеть напротив тебя, как будто мы женаты уже сто лет. Ну-ка, муженек, подвинься. — Берта уселась на сиденье Эдварда и прижалась к его плечу. — Скажи, что ты меня любишь.

— Я очень тебя люблю.

Он наклонился и поцеловал Берту, потом обнял за талию и привлек к себе. Крэддок изрядно волновался и ничуть не сожалел бы, если бы кто-нибудь из персонала поезда проигнорировал табличку с надписью «Молодожены» и вошел. В роли супруга он чувствовал себя скованно и до сих пор не мог привыкнуть к мысли о переменившемся финансовом положении — между поместьем Корт-Лейз и фермой Бьюли действительно лежала пропасть.

— Я так счастлива, — призналась Берта, — что мне иногда даже страшно. Думаешь, наше блаженство может длиться вечно? У меня есть все, о чем я мечтала в жизни, я целиком и полностью удовлетворена. — Она немного помолчала, гладя руки Крэддока. — Скажи, Эдди, ты всегда будешь любить меня? Даже когда я состарюсь и стану

страшной?

— Я по натуре постоянен, — ответил он.

— Ах, ты даже не представляешь, как я тебя обожаю! — горячо воскликнула Берта. — Мои чувства к тебе никогда не переменятся, я буду любить тебя до последнего вздоха. Если бы ты только знал, что я испытываю!

С некоторых пор английский язык оказался бессилен выразить все богатство переполнявших Берту эмоций.

Они сняли номер в самом дорогом отеле. Крэддок благоразумно предложил выбрать что-нибудь поскромнее, но Берта и слышать ничего не хотела. Будучи аристократкой, она привыкла, чтобы все было по высшему разряду и, кроме того, так гордилась своей новой фамилией, что непременно желала записать ее в самом роскошном отеле Лондона.

Чем больше Берта узнавала характер мужа, тем сильнее им восхищалась. Ей нравились его простота и естественность. Она отбросила свои прежние взгляды, словно изношенный шелковый плащ, и завернулась в грубую домотканую материю, которая так шла ее супругу и повелителю. Берта находила очаровательным его детский восторг. Для Крэддока все было внове: он

разражался хохотом, просматривая юмористические журнальчики, а в ежедневных изданиях постоянно находил утверждения, которые казались ему необычайно оригинальными. Это было невинное дитя природы, далекое от миллиона пороков цивилизации. Познать его натуру, по мнению Берты, означало познать всю добродетель и чистоту, силу и великодушие настоящего англичанина.

Они часто посещали театр, и Берту восхищала наивная радость мужа. Душещипательные сцены, которые заставляли ее кривить губы в легкой презрительной усмешке, трогали Эдварда до слез, и он ободряюще стискивал в полумраке ладонь Берты, воображая, что она чувствует то же самое. Ах, если бы! Она возненавидела свое заграничное образование — знакомство с картинами, дворцами и людьми в чужих странах освободило ее разум от тьмы невежества, но при этом разрушило большую часть иллюзий. Теперь она мечтала бы вернуть себе неискушенность и бесхитростную простоту типичной пухленькой английской барышни. Какой прок от знаний? Блаженны нищие духом; все, что нужно женщине — праведность, доброта и, пожалуй, некоторые навыки в приготовлении несложной еды.

— Потрясающе, правда? — оборачивался Крэддок к жене.

— Ах, милый, — шептала та в ответ.

Его способность к сопереживанию искренне трогала Берту. Она еще сильнее любила Эдварда за то, что всколыхнуть его чувства почти ничего не стоило. О, как ненавидела она холодное пренебрежение циников, насмехающихся над жгучими слезами простодушных!

В конце первого акта любовники — раненая героиня и ложно подозреваемый герой — отыграли горестное прощание, занавес упал, и зал взорвался аплодисментами. Эдвард откашлялся и высморкал нос. В начале следующего акта, сгорая от нетерпения узнать, что же будет дальше, он моментально перестал слушать Берту, которая что-то говорила, и полностью отдался происходящему на подмостках. После сцены, призванной разбередить души зрителей, наступил черед репризы. Комик проделывал забавные штуки с различными предметами одежды, ронял столы и стулья, и Берта вновь радовалась, слыша раскаты непринужденного хохота мужа — Крэддок запрокинул голову назад и, держась за бока, едва не рыдал от смеха. «Характер у него замечательный», — подумала Берта.

У Крэддока были очень строгие понятия о нравственности, поэтому он наотрез отказывался вести жену в мюзик-холл. За границей Берта повидала много такого, чего Эдвард и вообразить себе не мог, однако она отнеслась к его чистоте с уважением. Ей нравилась твердость, с которой Крэддок придерживался своих принципов, а еще то, что он относился к ней, как к маленькой девочке. Супруги побывали во всех лондонских театрах. Раньше во время своих редких приездов в столицу Эдвард не позволял себе значительных трат на культурные развлечения, и теперь покупка билетов в партер и облачение во фрак доставляли ему огромное удовольствие. Берта с восхищением любовалась супругом, одетым в вечерний костюм: черный фрак подчеркивал его цветущий вид, а белая сорочка со стоячим воротничком оттеняла красоту загорелого обветренного лица. Эдвард выглядел невероятно сильным и мужественным, а еще он был супругом Берты, и разлучить их могла лишь одна смерть. Она его боготворила.

Крэддок наблюдал за действием на сцене с неослабевающим интересом. Он сгорал от нетерпения узнать, что произойдет дальше, и внимательно следил даже за невразумительным

сюжетом водевиля. На него ничто не наводило скуку. Самым блестящим острякам со временем приедаются шутки и музыкальные гармонии, звучащие в бурлесках театра «Гейети»[18] — они напоминают сливочные тянучки, которые мы обожали в детстве и к которым равнодушны теперь. Берта получила некоторое представление о музыкальном искусстве в странах, где оно — источник наслаждения, а не тягостный, навязанный приличиями долг, и от популярных мелодий с легко запоминающимся рефреном ее передергивало. Крэддока, напротив, они трогали до глубины души; он стучал ногой в такт пошлым современным мотивчикам, и лицо его менялось, едва оркестр начинал играть патриотический марш с непременным визгливым ревом духовых инструментов и громом барабанов. В течение последующих дней он с удовольствием напевал или насвистывал запомнившуюся мелодию.

— Я очень люблю музыку, — признавался он жене в антракте. — А ты?

Берта с ласковой улыбкой кивала и, дабы не расстраивать мужа, скромно умалчивала о том,

---

[18] Примечания: 18

Театр «Гейети» — английский театр развлекательного направления. Открыт в Лондоне в 1868 г. На сцене театра играли комедии, оперетты, фарсы.

что от той музыки, которую имеет в виду Крэддок, ее чуть не тошнит. Ничего страшного, что музыкальные вкусы Эдварда небезупречны. В конце концов, простые, невзыскательные мотивы, которые находят отклик в людских сердцах, тоже имеют свою прелесть.

— Я хочу, чтобы дома ты музицировала для меня, — сказал Крэддок.

— С удовольствием, — промурлыкала Берта, воображая долгие зимние вечера, которые они вместе будут проводить за фортепиано. Она будет играть, а Эдвард — переворачивать страницы. Берта поразит его, раскроет перед ним все богатство музыкального творчества великих композиторов. Она не сомневалась, что по большому счету вкус у Крэддока отличный.

— Моя мать оставила после себя много нот, — сообщил он. — Ей-богу, я не прочь снова послушать добрые старые мотивы. Мне они никогда не надоедают! «Последняя роза лета», «Дом, милый дом» и все такое прочее.

— Спектакль был просто отличный, — заметил Крэддок за ужином. — Я бы хотел еще разок сходить на него до нашего отъезда.

— Как пожелаешь, дорогой.

— Такие развлечения идут только на пользу.

Сразу как-то встряхиваешься, правда?

— А мне на пользу видеть тебя в хорошем настроении, — дипломатично отозвалась Берта.

Она сочла спектакль вульгарным, но перед лицом мужниных восторгов ей оставалось лишь обвинить себя в нелепой брезгливости. Кто она такая, чтобы судить о подобных вещах? Не вульгарно ли с ее стороны видеть пошлость в том, что доставляет радость простодушным? Берта корила себя за то, что похожа на *nouveau riche* — богатого выскочку, который страдает от всеобщего недостатка аристократизма. Нет, она устала от постоянной оценки всего и вся, от изысканности и прочих атрибутов декадентской цивилизации. «Ради всего святого, — подумала Берта, — нужно быть проще и довольствоваться простыми развлечениями».

Она вспомнила четырех полураздетых девиц в обтягивающих трико, отплясывавших на редкость неуклюжую джигу, которую восторженная публика заставила дважды повторить на бис.

Существует некоторая трудность в том, чтобы занять себя в Лондоне, если в этом городе нет ни дел, ни знакомых, которым можно наносить визиты. Берта охотно сидела бы день-деньской в гостиничном номере наедине с Эдвардом, тихо

наслаждаясь его близостью и своим счастьем. Крэддок, однако, был наделен здоровой энергией чистокровного англосакса — той самой потребностью в постоянной активной деятельности, которая подарила миру английских легкоатлетов, миссионеров и членов парламента. Едва приступив к завтраку, Крэддок задавал неизменный вопрос: «Куда мы сегодня пойдем?» Берта ломала голову и перелистывала путеводитель, выбирая места, достойные осмотра. Единственным способом времяпрепровождения для семейной четы стало подробное изучение английской столицы, как если бы они приехали в Лондон из другой страны.

Супруги посетили Тауэр, где разглядывали короны, скипетры и прочие регалии; побывали в Вестминстерском аббатстве. Присоединившись к группе американских и отечественных туристов, которых туда-сюда водил служитель в черном балахоне, Берта и Эдвард посмотрели на места захоронения монархов и на все прочее, что полагалось увидеть. У Берты вспыхнул неподдельный интерес к памятникам древности; ей нравилось ощущение наивного невежества, с каким турист, привезенный агентством Кука, отдается в руки музейного гида, смотрит, куда велено, и, раскрыв

рот, внимает самым недостоверным историям. Осознавая скудость собственных познаний, Берта желала ближе познакомиться с историей родной страны. Эдварду не все нравилось в одинаковой степени. Картины вызывали у Крэддока зевоту (живопись вообще нагоняла на него скуку), поэтому посещение Национальной галереи вышло неудачным. В Британском музее ему тоже не понравилось. Прежде всего Крэддоку стоило большого труда следить за тем, чтобы взор жены не натыкался на обнаженные статуи, расставленные повсюду без какого бы то ни было уважения к чувствам порядочных людей. Один раз она остановилась перед скульптурной группой, нагие фигуры в которой были крайне скудно прикрыты щитами и мечами, и принялась восторгаться их красотой. Эдвард беспокойно огляделся по сторонам и, коротко согласившись с Бертой, поспешно увел ее к более приличным экспонатам.

— Терпеть не могу эту гадость! — в сердцах воскликнул он, когда они стояли перед статуями трех богинь из греческого Парфенона. — Ни в жизнь сюда больше не приду.

Берте стало немножко стыдно, поскольку она втайне восхищалась этими скульптурами.

— Ну вот объясни мне, что красивого в этих

безголовых созданиях? — спросил Крэддок.

Берта не нашлась с ответом, и он утвердился в своей правоте. Эдвард был душкой, она любила его всей душой.

С другой стороны, Музей естествознания вызвал у Крэддока массу положительных впечатлений. Здесь он не ощущал стеснения и скованности, здесь не выставлялись разные непристойности, от которых следовало оберегать взгляд супруги, а животные — это то, что понятно любому человеку. Тем не менее звери и птицы сразу же напомнили ему о просторах Восточного Кента и привычной, милой сердцу жизни. В Лондоне было хорошо, однако Крэддок все равно чувствовал себя не в своей тарелке, и пребывание в чужом городе его уже тяготило. Берта тоже начала поговаривать о доме и Корт-Лейз; она всегда жила скорее будущим, нежели настоящим, и даже в этот счастливый период с нетерпением ожидала наступления тех дней в Линхэме, когда ее блаженство наконец будет полным.

Впрочем, Берта и сейчас была довольна. Со дня свадьбы прошла всего неделя, а ей уже страстно хотелось осесть на месте и осуществить все свои чаяния. Супруги живо обсуждали перестановки, которые необходимо сделать в доме; Крэддок

составил план по приведению в порядок сада и фермы при усадьбе. Заниматься хозяйством он был намерен лично.

— Я хочу домой, — сказала Берта. — Лондон мне надоел.

— Да, поскорее бы закончились эти две недели, — ответил Крэддок.

Он сам решил, что свадебное путешествие продлится четырнадцать дней и теперь не мог пойти на попятную. Крэддок не любил менять свои планы и придумывать что-то новое; он гордился, что никогда не отступает от принятых решений.

Неожиданно молодожены получили письмо от мисс Лей, в котором она извещала, что упаковала вещи и отбывает в Европу.

— Думаешь, нам не следует попросить мисс Лей задержаться? — обратился Крэддок к жене. — Не очень-то красиво получается: мы как будто ее выгоняем.

— Ты же не хочешь, чтобы она жила с нами? — встревожилась Берта.

— Вовсе нет, только не понимаю, почему ты выставляешь ее за дверь, точно служанку, с уведомлением за месяц.

— О, я попрошу тетушку остаться, — заверила Берта, желая повиноваться мужу во всем до ме-

лочей. К тому же повиноваться было нетрудно, поскольку Берта отлично знала, что мисс Лей ни за что не примет ее предложения.

Сейчас Берта не хотела кого-либо видеть, и менее всего — свою тетю, смутно ощущая, что присутствие действующих лиц из прошлого неким образом умалит ее нынешнее счастье. Вдобавок она вряд ли сумела бы скрывать переполнявшие ее эмоции, а выказывать их перед критическим взором мисс Лей Берте было бы стыдно. Зная спокойную насмешливость мисс Лей и ее сдержанное презрение ко многим вещам, отношение к которым Берта изменила ради Крэддока, молодая женщина пришла к выводу, что встреча с тетушкой сулит ей сплошное неудобство.

Из ответного письма мисс Лей стало ясно, что она, по-видимому, знает свою племянницу лучше, чем та предполагала.

> «Моя дорогая Берта!
>
> Выражаю крайнюю признательность твоему супругу за любезное предложение пожить в Корт-Лейз и все же тешу себя мыслью, что твое мнение обо мне достаточно высоко и потому не позволит тебе

допустить, что я отвечу согласием. Новобрачные, знаешь ли, дают массу поводов для смеха (а смех, как утверждают, — самое замечательное свойство человека и единственное, что отличает его от неразумных тварей), но поскольку я до странности бескорыстна, то не считаю возможным воспользоваться шансом, который вы с Эдвардом мне предоставляете. Вероятно, через год вы начнете замечать недостатки друг друга, и тогда общаться с вами будет интереснее, хотя и менее забавно. Итак, нет. Я отправляюсь в Италию, где вновь окунусь в водоворот пансионов и второразрядных отелей, в которых судьбой предопределено коротать жизнь незамужним дамам со средним достатком. С собой я беру бедекер, и если мне случится возомнить себя умнее прочих, его красная обложка всегда напомнит о том, что я — всего лишь человек.

Кстати, надеюсь, ты не показываешь свою корреспонденцию (и особенно мои письма) супругу. Мужчине никогда не понять женского общения в эпистолярной

форме, ведь он читает написанное, пользуясь своим примитивным алфавитом из двадцати шести букв, тогда как требуется по меньшей мере пятьдесят две, да и тех ему вряд ли хватит. Скверное правило — разрешать мужу читать чужие письма. Наблюдая за семейными парами, я уверилась в том, что это — кратчайший путь в бракоразводный суд. В сущности, для счастливых супругов чистой воды безумие делать вид, будто у них нет секретов друг от друга, потому что такое притворство еще сильнее толкает их на обман. Если же вопреки всему ты считаешь, что обязана показать Эдварду мое послание, возможно, он найдет его небесполезным в плане более близкого знакомства с моим характером, за изучением коего я сама провела немало увлекательных лет.

Своего адреса не оставляю, дабы тебе не пришлось искать причин, по которым мое письмо останется без ответа.

Любящая тебя тетя,

Мэри Лей».

Берта нетерпеливым жестом передала письмо

Эдварду.

— Что она имела в виду? — недоуменно спросил тот, закончив читать.

Берта пожала плечами.

— Тетя Полли верит исключительно в людскую глупость. Бедняжка не знает, что такое любовь. Но у нас с тобой не будет тайн друг от друга. Я знаю, Эдди, что ты никогда и ничего не станешь от меня скрывать, а я… Что такого я способна сделать, в чем не могла бы тебе признаться?

— Смешное письмо, — заметил Крэддок, снова бросив взгляд на листок бумаги.

— Зато теперь, милый, нам никто не помешает, — сказала Берта. — Дом в нашем распоряжении. Едем теперь же?

— Но ведь две недели еще не закончились, — возразил он.

— Какая разница? Мы оба устали от Лондона; поедем лучше домой. Зачем откладывать, если впереди нас ждет новая жизнь? Этот медовый месяц — такая глупость!

— Что ж, я не против. Вообрази, что было бы, если бы мы укатили в Италию на полтора месяца!

— Ну, я просто не знала, что такое медовый месяц. Представляла его совсем иначе.

— Теперь видишь, что я был прав?

— Конечно, конечно! — воскликнула Берта и обвила руками шею Эдварда. — Ты всегда прав, мой драгоценный супруг. Ах, как же я тебя люблю!

Глава VIII

Между Линхэмом и Блэкстеблом кентское побережье уныло и пустынно. Холодные ветры с Северного моря, властвующие на протяжении долгих зимних месяцев, гнут деревья; темные воды постоянно рождают пелену тумана, который сбивается в плотные облака. Это суровый край: порой мрачные тона и безмолвное море выражают покой и затаенную обиду, ледяные порывы ветра заставляют кровь быстрее бежать по венам, и тогда широкий шаг и порозовевшие щеки утверждают радость жизни, но, помимо этого, голая каменная пустыня может ввергнуть в самую черную меланхолию, а свинцовое небо — породить отчаяние, которое страшнее смерти. Человеческий настрой всегда находит отражение в окружающем пейзаже, и одновременно природа содержит в себе квинтэссенцию наших чувств.

Берта стояла на широкой дороге, что проходила мимо Корт-Лейз, и смотрела на принадлежавшие ей владения. Поблизости признаками обитания людей служили лишь два домишки, но время и

непогода почти полностью лишили их признаков того, что в строительство был вложен человеческий труд. Они стояли в стороне от дороги, среди плодовых деревьев, и выглядели частью природы, а не уродливым пятном, каким всегда казался Корт-Лейз. Вокруг расстилались поля, обширные участки вспаханной земли и пастбищные луга с сухим и жестким травяным покровом. Редкие деревья, стоящие вдалеке, сгибались под порывами ветра. Дальше лежал Блэкстебл — россыпь серых домов, которые отделялись полосой новых коттеджей, выстроенных для лондонцев, что приезжали сюда на лето. Это был рыбацкий городок, в море там и сям виднелись смаки[19].

Берта смотрела на открывающийся пейзаж, и в ее груди теснились неизведанные доныне чувства. Тяжелые низкие тучи словно бы создавали невидимый барьер, который отгораживал ее от остального мира. Вокруг расстилалась родина ее предков — здесь появилась на свет она сама, как прежде рождались они. Прожив свой век, один за другим они возвращались туда, откуда пришли, и вновь соединялись с землей. Берта отринула пышность и суету, чтобы жить так, как жили

---

[19] Примечания: 19
Смак — небольшое одномачтовое рыболовное судно.

отцы и деды, — пахать, сеять и жать, но ее дети, еще не рожденные потомки, будут принадлежать к другому поколению, более сильному и прекрасному. Семейная ветвь Лей ушла в небытие, и сыновья Берты будут носить другое имя. Все это она прочла, глядя на темные поля и серую дымку тумана. Легкое физическое утомление, которое передалось разуму, вдруг породило у Берты ощущение усталости целого рода, просуществовавшего чересчур долго; она подсознательно поняла, что сделала правильный выбор, решив добавить в кровь семьи Лей новую, свежую струю. Здоровая молодая кровь была необходима, чтобы возродить угасающий род. Мысли Берты перенеслись к отцу — человеку, лишь поверхностно знакомому с искусством, колесившему по Италии в поисках красивых предметов и чувств, которых не могла дать его родная страна. Она вспомнила и тетушку, чье отношение к жизни выражалось в легком пожимании плеч и тонкой улыбке, умело скрывавшей презрение. Разве не мудро поступила Берта, последняя из семьи? Слишком слабая, чтобы выстоять в одиночку, она нашла супруга, чья мощь и жизненная энергия станут надежной опорой ее хрупкому стеблю. В жилах мужа таится сила матери-земли, первобытная сила, которой

неведомы колебания слабаков. Он — властный повелитель, а она — его покорная раба.

Миссис Крэддок заметила у подножия холма фигуру, размахивающую зонтиком, и улыбнулась, узнав мужскую походку мисс Гловер. Решительность старой девы ощущалась даже на расстоянии. Мисс Гловер приблизилась. От быстрого подъема ее лицо раскраснелось больше обычного, отделанный тесьмой жакет облегал фигуру плотно, точно вторая кожа.

— Я собиралась навестить вас, Берта! — крикнула она. — Мне сказали, что вы вернулись.

— Да, мы дома уже несколько дней, отдыхаем с дороги.

Мисс Гловер энергично потрясла руку Берты, и они вместе двинулись к дому вдоль аллеи, обрамленной голыми черными деревьями.

— Итак, расскажите же про ваш медовый месяц. Мне ужасно не терпится обо всем узнать.

Берта, однако, оказалась неразговорчива. Она инстинктивно не хотела посвящать кого-либо в свои личные дела и, кроме того, никогда не жаждала поддержки и сочувствия посторонних.

— Да, собственно, рассказывать почти не о чем, — молвила она, когда хозяйка и гостья расположились в гостиной и Берта принялась

разливать чай. — Полагаю, все свадебные путешествия более-менее одинаковы.

— Ах, какая вы смешная! — воскликнула сестра викария. — Вам ведь понравилось?

— О да, — ответила Берта; на ее лице заиграла почти экстатическая улыбка. — Мы замечательно провели время, побывали во всех лондонских театрах!

Мисс Гловер почувствовала, что супружество изменило Берту, и, осознав эту перемену, немного занервничала. Она с беспокойством поглядывала на замужнюю даму и время от времени краснела.

— Вы счастливы? — неожиданно выпалила она.

Берта улыбнулась и порозовела, отчего стала выглядеть просто красавицей.

— Думаю, что да, счастлива.

— Вы разве не уверены? — придралась к слову мисс Гловер, которая во всем любила точность и с большим неодобрением относилась к людям, не способным разобраться в самих себе.

Берта взглянула на нее так, словно задумалась над вопросом.

— Видите ли, — сказала она, — счастье — это всегда не совсем то, чего ты ждал. Едва ли я

рассчитывала получить так много и все равно представляла себе счастье по-другому.

— Пожалуй, не стоит сильно углубляться в эти рассуждения, — чуточку строго ответила мисс Гловер, считавшая, что молодой замужней женщине не подобает заниматься самоанализом. — Нам следует принимать происходящие с нами события такими, какие они есть, и благодарить Бога за это.

— В самом деле? — весело переспросила Берта. — У меня так не выходит. Мне всегда мало того, что есть.

Хлопнула входная дверь, и Берта вскочила с дивана.

— Эдвард пришел! Я должна его встретить, не возражаете?

Она почти вприпрыжку выбежала из комнаты. Замужество удивительным образом развеяло присущую Берте серьезность, из-за которой окружающие почти не видели в ней ничего девического. Она казалась моложе и беспечнее.

«Что за странное создание! — думала мисс Гловер. — В девушках держалась, будто замужняя леди, а теперь скачет, будто школьница».

Сестра викария сомневалась, что подобное легкомыслие уместно в положении замужней

дамы и что необычные взрывы смеха Берты приличествуют этому таинственному состоянию, требующему степенности.

«Надеюсь, у нее все сложится хорошо», — вздохнула мисс Гловер.

Берта же порывисто бросилась на шею мужу и поцеловала его, а затем помогла снять куртку.

— Как я рада тебя видеть! — вскричала она, весело смеясь над собственным пылом, — супруги расстались не далее как после ленча.

— У нас гости? — осведомился Крэддок, заметив зонтик мисс Гловер, и немного рассеянно обнял жену.

— Сейчас увидишь, — ответила Берта. Взяв мужа под руку, она потащила его в гостиную. — Бедненький, ты, наверное, ужасно хочешь чаю!

— Мисс Гловер! — вскричал Крэддок. Они с обоюдной доброжелательностью пожали друг другу руки. — Как замечательно, что вы решили к нам заглянуть. Я искренне рад вас видеть. Сами видите, мы вернулись раньше, чем планировали. Нет места лучше, чем родной дом, верно?

— Вы правы, мистер Крэддок. Лично я не выношу Лондон.

— Ах, да вы просто его не знаете, — вставила Берта. — Для вас весь Лондон — это лишь

кондитерская, Эксетер-Холл[20] да церковные конгрессы.

— Берта! — удивленно посмотрел на жену Крэддок: он не понимал ее фривольного обращения с мисс Гловер.

Сестра викария, это кроткое создание, была слишком мягкосердечна и потому не обижалась на высказывания Берты. Мисс Гловер мрачно улыбнулась — по-другому она не умела.

— Мистер Крэддок, расскажите, как вы проводили время в Лондоне. Из Берты ничего не вытянешь!

Крэддок, напротив, оказался словоохотлив. Ему доставляло огромное удовольствие снабжать людей информацией, он всегда был готов поделиться своим знанием с целым миром. Если Крэддоку становилось известно нечто новое, то он сразу же спешил сообщить об этом кому-либо еще. Некоторые, узнав новость, моментально теряют к ней интерес и вовсе не желают ее обсуждать. Крэддок был не таков, и даже многократный повтор одного и того же факта не истощал его жгучего стремления просветить остальных. За день он мог сообщить известие сотне человек и с

---

[20] Примечания: 20

Эксетер-Холл — здание в Лондоне, место собраний различных религиозных и филантропических обществ.

таким же энтузиазмом рассказать о нем сто первому. Такое свойство характера — несомненный дар, поистине бесценный для школьных учителей и политиков, хотя и немного утомительный для их аудитории.

Крэддок представил гостье подробнейший отчет об их пребывании в Лондоне: перечислил виденные пьесы, пересказал все сюжеты и поименно перебрал актеров; назвал все музеи, церкви и светские заведения, которые они посетили. Берта смотрела на мужа, тихо улыбаясь его жаркому монологу. Не важно, о чем говорил Эдвард, — одни только звуки его голоса услаждали слух Берты. Она с радостью сидела бы и слушала супруга, даже если бы тот взялся прочесть от начала до конца «Альманах Уитакера»[21] (кстати, на это Крэддок был вполне способен). На взгляд мисс Гловер, Эдвард Крэддок гораздо больше соответствовал понятию молодого мужа, нежели Берта — понятию молодой жены.

— Очень приятный человек, — позже сообщила мисс Гловер брату. Викарий и его сестра восседали на противоположных концах длинного стола и ужинали холодной бараниной.

---

[21] Примечания: 21

«Альманах Уитакера» — политический, финансовый и статистический ежегодник, издаваемый в Англии с 1868 г. по настоящее время.

— Согласен, — ответил священник своим ровным, усталым голосом. — Думаю, из него выйдет хороший супруг.

Мистер Гловер был само смирение, что слегка раздражало мисс Лей, которая предпочитала мужчин, сильных духом, а силы духа в линхэмском викарии не было ни на грамм. Он смирился буквально со всем: со скверно приготовленной едой, с порочностью человеческой натуры, с мизерным жалованьем, с существованием диссентеров (почти); он являл собой покорность, доведенную до смертного порога. Мисс Лей сравнивала мистера Гловера с испанскими осликами, которые длинной цепочкой уныло бредут один за другим, неся на спинах тяжелую поклажу, — покорно, покорно, покорно… И все же, будучи не столь смиренным, как мистер Гловер, испанский ишак порой лягался; линхэмский викарий — ни разу!

— Я очень надеюсь, что они будут жить в ладу, Чарльз, — промолвила мисс Гловер.

— Я тоже, — кивнул викарий и после паузы спросил: — Ты узнала у Крэддоков, придут ли они завтра в церковь?

Пережевывая картофельное пюре, он многострадально отметил, что оно подгорело. Ему

всегда подавали подгорелый картофель, но викарий не возмущался.

— Ох, совсем забыла. По всей вероятности, должны прийти. Мистер Крэддок обычно не пропускает воскресную службу.

Священник ничего не ответил, брат и сестра закончили ужин в молчании. После трапезы викарий сразу же отправился в свой кабинет, чтобы закончить проповедь, а мисс Гловер достала из корзинки его шерстяные носки и принялась их штопать. Она трудилась более часа, и все это время чета Крэддоков не выходила у нее из головы. С каждым разом Эдвард Крэддок нравился ей все больше, она пришла к выводу, что на него можно положиться. Мисс Гловер немного корила себя за то, что поначалу осуждала этот брак. Она поступала не по-христиански и теперь размышляла, должна ли принести извинения Берте или Крэддоку. Сестру викария чрезвычайно привлекала мысль совершить нечто уничижительное для собственного достоинства. Берта, однако, отличалась от прочих девушек, и, подумав о ней, мисс Гловер почему-то смутилась.

Шорох стрелки в часах, готовящихся пробить новый час, заставил ее поднять глаза. Было без пяти десять.

— Надо же, как поздно!

Мисс Гловер встала, аккуратно отложила в сторону работу, взяла с фисгармонии Библию, большой молитвенник и поместила их на краешек стола. Выдвинула кресло для брата и села, спокойно дожидаясь его возвращения. Когда часы пробили десять, дверь кабинета открылась, вошел викарий. Не говоря ни слова, он взял книги, уселся, раскрыл Библию и нашел нужное место.

— Ты готов? — спросила мисс Гловер.

Священник на секунду поднял глаза.

— Да.

Мисс Гловер позвонила в колокольчик. Служанка внесла корзину с яйцами и поставила ее на стол. Мистер Гловер не сводил с нее глаз, пока она не устроилась на стуле, затем начал читать отрывок из Библии. Когда он завершил чтение, служанка зажгла две свечи, сказала «спокойной ночи» и удалилась. Мисс Гловер пересчитала яйца.

— Сколько сегодня? — спросил викарий.

— Семь, — отозвалась его сестра, один за другим помечая яйца и внося цифры в специальную книгу.

— Готова? — в свою очередь спросил мистер Гловер.

— Да, Чарльз, — промолвила она и взяла в руки свечу.

Он погасил лампу и, освещая путь при помощи второй свечи, вслед за ней поднялся наверх. У двери своей спальни мисс Гловер остановилась, чтобы пожелать викарию доброй ночи, он холодно поцеловал ее в лоб. Брат и сестра разошлись по комнатам.

По воскресеньям с утра в любом сельском доме царит особенное возбуждение, особая атмосфера, присущая только этому дню, ощущается некая готовность и предвкушение. Несмотря на то что ситуация повторяется из года в год каждую неделю, приготовления к посещению церкви все равно весьма волнительны. Пахнет чистым бельем, все одеты в накрахмаленные наряды и чувствуют себя немного скованно; куда-то пропадают молитвенники и псалтыри; дамы никогда не бывают готовы вовремя и в конце концов торопливо спускаются с крыльца, на ходу застегивая перчатки; мужчины сердятся и недовольно поглядывают на часы.

Эдвард, разумеется, оделся во фрак и цилиндр — самый подходящий костюм для сквайра, который воскресным утром идет в церковь (Крэддок, как никто другой, уделял внимание правилам

приличия). Он держался очень прямо, стараясь сохранять серьезный, хотя и немного напряженный вид, подобающий, по его мнению, случаю.

— Берта, мы опоздаем, — поторопил он. — Это будет выглядеть очень дурно. Мы ведь в первый раз идем в церковь как муж и жена.

— Уверяю тебя, дорогой, — ответила она, — даже если мистер Гловер опрометчиво решит нас не дожидаться, для прихожан главная церемония начнется не раньше, чем появимся мы.

Они подъехали в старомодной карете, которую брали только для выездов в церковь и на званые обеды. Новость о прибытии четы Крэддоков немедленно передалась от праздных зевак на крыльце к благочестивой пастве внутри. Пока мистер и миссис Крэддок шли между рядами и усаживались на скамью в первом ряду, издавна закрепленную за семьей Лей, толпа возбужденно шепталась.

— Держится, как будто так и надо, — шушукались местные жители. Крэддок интересовал их гораздо больше, чем его жена, чье высокое положение делало ее почти чужачкой.

Берта плыла по проходу с царственным пренебрежением к взглядам, обращенным на нее. Она была довольна собственным видом и чрез-

вычайно гордилась красавцем супругом. Миссис Брандертон, мать шафера на свадьбе Эдварда, навела на Берту лорнет и пристально разглядывала ее, как принято у важных леди. В этой глубинке миссис Брандертон, седовласая, хихикающая старушонка, считалась законодательницей мод. Она изрекала глупости скрипучим тоненьким голоском и выписывала чересчур легкомысленные для своего возраста шляпки из самого Парижа. Миссис Брандертон была знатной дамой, считала этот факт просто замечательным и чрезвычайно им гордилась, как и положено леди, а также любила приговаривать, что благородная кровь есть благородная кровь (весьма глубокомысленное замечание, если вдуматься).

— Когда закончится служба, я подойду и поздороваюсь с Крэддоками, — шепнула она на ухо сыну. — Это произведет благоприятное впечатление на жителей Линхэма. Бедняжка Берта, видимо, пока стесняется.

Самомнение миссис Брандертон было раздуто до невероятных пределов. Ей даже в голову не приходило, что кто-то, находясь в скверном или неудобном положении, может отвергнуть ее покровительство. Она раздавала советы налево и направо, и это не считая бульонов и варенья, ко-

торые отправляла беднякам, а если они хворали, посылала к ним свою кухарку, чтобы та читала им отрывки из Библии. Миссис Брандертон и сама навешала бы сирых и убогих, если бы не брезговала общаться с низшими классами, полагая, что от этого последние становятся дерзкими и грубыми. Почтенная дама ни на миг не сомневалась, что она и ей подобные созданы из другого теста, нежели простолюдины, но, как истинная аристократка, никогда этого не подчеркивала, кроме тех случаев, когда чернь начинала задирать нос и следовало поставить ее на место.

Не имея сколь-нибудь выдающихся кровей, ума или денег, эта женщина считала своим исконным правом устанавливать моды, заправлять делами и даже образом мыслей своих соседей и посредством одной лишь силы своего чванства уже тридцать лет заставляла их терпеть ее тиранию. В округе ее ненавидели, и все же приглашение на скверный обед к миссис Брандертон считалось особой привилегией.

Она провела серьезный диалог с собственной персоной относительно того, как все-таки следует относиться к Крэддокам.

— Мой долг — игнорировать этих людей, — промолвила она. — Эдвард Крэддок — не пара

мисс Лей. С другой стороны, по соседству почти не осталось людей благородного происхождения, и, конечно, в наши дни заключают такие браки, которых двадцать лет назад никто и представить не мог. Даже в высшем обществе теперь можно встретить кого угодно. Может, я и совершаю ошибку, но в данном случае все же лучше проявить терпимость.

Миссис Брандертон было немножко приятно думать, что представители рода Лей нуждаются в ее поддержке, — это стало очевидно после того, как они обратились к Артуру с просьбой быть шафером на свадьбе.

— Благородная кровь есть благородная кровь, — сказала она себе. — Теперь вокруг сплошные мясники да мебельщики, и нам нужно держаться вместе.

По окончании службы, пока прихожане еще не разошлись, миссис Брандертон в сопровождении Артура прошествовала по церковному двору к Крэддокам и своим визгливым, надтреснутым голосом завела беседу с Эдвардом. Она внимательно следила за тем, чтобы жители Линхэма не пропустили эту сцену. Миссис Брандертон разговаривала с Крэддоком в снисходительной манере знатной леди, которая принимает в обще-

ство человека хоть и не из простонародья, но не голубых кровей. Он был обрадован и польщен.

Глава IX

Через несколько дней, совершив должные приготовления, коими миссис Брандертон никак не могла пренебречь, она отправила Крэддокам приглашение на ужин. Берта прочла его и молча передала мужу.

— Интересно, кого еще она пригласит к нам в компанию? — произнес Эдвард.

— Хочешь пойти?

— А ты разве нет? У нас не назначено других визитов, так ведь?

— Ты когда-нибудь прежде обедал у Брандертонов?

— Нет. Я играл у них в теннис и всякое такое, но ни разу не переступал порог дома.

— По-моему, со стороны миссис Брандертон это наглость — приглашать тебя сейчас.

От удивления Эдвард разинул рот.

— Во имя всего святого, о чем ты?

— Ты что, сам не видишь? — воскликнула Берта. — Они приглашают тебя только потому, что ты мой муж. Это унизительно!

— Ерунда! — расхохотался Крэддок. — Но да-

же если ты и права, что с того? Я не настолько чувствителен, чтобы обращать на это внимание. Миссис Брандертон очень любезно разговаривала со мной в прошлое воскресенье. Наш отказ будет выглядеть странно.

— Любезно разговаривала? Неужели ты не видел, что она смотрит на тебя свысока, будто на прислугу? У меня внутри все кипело, я еле сдерживалась!

Крэддок опять рассмеялся.

— Я ничего такого не заметил. Это все твои фантазии, Берта.

— Я не собираюсь идти на этот мерзкий ужин.

— Тогда я пойду один.

Берта вздрогнула, словно от удара, и побелела. Нет, разумеется, Эдвард пошутил. Он не собирался поступать так, как сказал. Она поспешила согласиться с мужем:

— Хорошо, Эдди, если хочешь, я тоже пойду. Я отказывалась только ради тебя.

— Нам следует быть добрыми соседями. Я хочу подружиться со всеми, — сказал Крэддок.

Берта села на ручку его кресла и обняла за шею. Эдвард погладил ее ладонь, а она с обожанием посмотрела на него, затем наклонилась и поцеловала в волосы. Что за глупость пришла ей в

голову, будто он ее не любит!

Существовала и другая причина, по которой Берта не хотела идти к миссис Брандертон. Она знала, что Эдварда подвергнут тщательному изучению и острой критике, и от этой мысли внутри у Берты все переворачивалось. Обсуждать будут все: и внешний вид, и манеры ее мужа, и их семейные отношения. Берта достаточно хорошо представляла, какое положение Крэддок занимал в Линхэме прежде: Брандертоны и прочие сливки местного общества знали Эдварда с самого детства и считали его не более чем просто знакомым, ограничиваясь вежливым кивком. Только сейчас к нему впервые обратились, как к равному; его вводили в круг, который миссис Брандертон самодовольно именовала «первой десяткой Линхэма». У Берты действительно вскипала кровь в жилах, ее глубоко уязвляло пренебрежение, с которым к Крэддоку относились все эти годы.

«На его месте я бы лучше умерла, чем согласилась пойти, — думала она. — Эти люди столько лет считали Эдварда пустым местом, а теперь делают мне одолжение, принимая его!»

Крэддок же, казалось, начисто лишен гордости. Его не возмущало ни прежнее безразличие Брандертонов, ни их нынешнее бесстыдство.

Берту снедало беспокойство. Она гадала, кто будут остальные гости. Станут ли они насмехаться над Эдвардом? Разумеется, в открытую — нет. Миссис Брандертон, самая острая на язык, гордилась безупречными манерами. Эдвард, однако, был от природы стеснителен и в малознакомом обществе вел себя довольно неуклюже. В глазах Берты его застенчивость не была пороком и лишь делала Крэддока еще более очаровательным. Это робкое чистосердечие трогало Берту, она сравнивала его с глупой бездушностью воображаемого лондонца, чей разгульный образ жизни всегда противопоставляла добродетелям супруга. Увы, Берта знала, что злые языки по-другому назовут то, что сама она именовала прелестной *naïvete*[22].

Когда наконец знаменательный день настал и Крэддоки покатили по сельской дороге в старой карете, Берта была полна решимости смертельно обидеться на малейшее проявление неуважения к ее мужу. Сам лорд — верховный судья не мог бы с большим рвением блюсти доброе имя учредителя компании, чем миссис Крэддок оберегала чувствительность супруга. Эдвард, подобно

---

[22] Примечания: 22
Наивность, простодушие *(фр.).*

финансисту, относился к мероприятию с абсолютным равнодушием.

Для своего аристократического представления миссис Брандертон собрала знать со всей округи. Съехались гости не только из Блэкстебла, Теркенбери и Фаверсли, но и из окрестных имений и усадеб. Среди них была миссис Мэйстон Райл в великолепном черном парике и пышном платье из лилового шелка, а также леди Уаггетт.

— Всего-навсего вдова местного сэра-рыцаря, дорогая, — просветила Берту хозяйка насчет последней. — Ничего примечательного, зато добра сердцем, так что не нужно судить ее слишком строго.

Прибыл генерал Хэнкок с двумя туго завитыми дочерьми. Девицы были на редкость дурны собой, однако притворялись, что не знают об этом. Пыхтя, точно паровоз, старый вояка проковылял в залу, а его дочки (чей совокупный возраст составлял солидную цифру шестьдесят пять) задержались в передней, чтобы переобуться в туфли, привезенные с собой.

Чуть позже появился декан, кроткий и общительный старичок, ради которого пришлось пригласить мистера Гловера — разумеется, вместе с сестрой. В платье из черного, невероятно

блестящего атласа мисс Гловер выглядела почти нарядно.

— Бедняжка, — сказала миссис Брандертон кому-то из гостей, — это ее единственный вечерний туалет. Бог знает, сколько она его уже носит. Я бы охотно предложила ей что-то из моих старых платьев, но боюсь, что она оскорбится. Люди ее класса до смешного обидчивы.

Возвестили о прибытии мистера Аттхилла Бэкота. Когда-то он боролся за место в парламенте и с тех пор считался авторитетом в вопросах внутренней политики. Вслед за ним явились мистер Джеймс Лицетт и мистер Молсон — одинаково краснолицые сквайры с закоснелыми убеждениями, похожие как две капли воды. Последние тридцать лет ходила шутка, что различить этих двоих могут только жены. Миссис Лицетт была худощавой, спокойной и уравновешенной леди; вместо чепца она носила на голове две тонкие полоски кружев. Миссис Молсон была так незаметна, что никто не мог описать ее внешность.

Собрание у миссис Брандертон на этот раз вышло образцовым: верх нравственности в сочетании с безупречным аристократизмом просто обязаны были дать превосходный результат. Миссис Брандертон пребывала в отличном рас-

положении духа, ее надтреснутый голос звучал резко и пронзительно. Хозяйка позаботилась о соответствующем наряде: ее действительно недурное платье прелестно смотрелось бы на даме вдвое моложе.

Угощение, как всегда, было малосъедобным. Светская дама и модница, миссис Брандертон не признавала плотных блюд, привычных для деревенских званых обедов: супов-пюре, жареной камбалы, отбивных и жаркого из баранины, фазана, шарлотки со сливками и конфитюра. Утверждая, что следует проявлять утонченность, она потчевала гостей бульоном, *entrées*[23], выписанными из Лондона, рагу из цыпленка и каким-то пышно взбитым десертом, аппетитным на вид и мерзким по вкусу. Стол выглядел изысканно, однако не был сытным, что вряд ли могло порадовать почтенных сквайров со здоровым аппетитом.

— У Брандертонов вечно остаешься голодным, — возмутился мистер Аттхилл Бэкот.

— Я-то знаю старуху, — ответил мистер Молсон (миссис Брандертон, надо заметить, была его ровесницей; тем не менее этот волокита считал

---

[23] Примечания: 23
Закуски *(фр.).*

себя молодцом хоть куда и вовсю флиртовал с мисс Хэнкок — той из двух, что была менее дурна собой). — Да, я хорошо ее знаю и потому, прежде чем ехать сюда, всякий раз заправляюсь бокалом хереса с сырым яйцом.

— Право, вина скверны просто до неприличия, — заявила миссис Мэйстон Райл, гордившаяся тонким вкусом. — Так и хочется взять с собой фляжку доброго виски.

В отличие от угощения застольная беседа была обильна и разнообразна. Аксиома любого повествования заключается в том, что истина должна выглядеть правдоподобно, и посему для сторонников реализма безудержное преувеличение фактов всегда служит помехой. Дословный пересказ речей, которые велись на ужине у миссис Брандертон, показался бы читателю вопиющей пародией. Безусловное первенство принадлежало историям из жизни известных людей. Миссис Мэйстон Райл, специалист по рассказам о духовенстве, с большим успехом поведала о епископе Торольде-белоручке, а также о епископе Уилберфорсе и его чертовом посохе. (Это несколько потрясло дам, но миссис Мэйстон Райл не собиралась разрушить впечатление от своего повествования, пожертвовав бранным словом.)

Декан рассказал про самого себя, на что миссис Мэйстон Райл ответила историей про архиепископа Кентерберийского и занудного викария. Мистер Аттхилл Бэкот поделился политическими анекдотами: сначала про мистера Гладстона и стол палаты общин, затем про Диззи[24] и работника на ферме. Кульминацией стали знаменитые истории генерала Хэнкока о герцоге Веллингтоне. Эдвард от души хохотал над каждой байкой.

Взгляд Берты был прикован к Крэддоку, она страшно переживала. Какие гадкие мысли у нее в голове, со стыдом думала она, как унизительно для Эдварда, что они вообще пришли ей в голову! Разве не прекрасен ее супруг и внешне, и внутренне? Почему она трепещет перед мнением дюжины глупцов? Берта ничего не могла с собой поделать. Как ни презирала миссис Крэддок своих соседей, она находилась в позорной зависимости от их суждения. А как чувствует себя Эдвард? Тоже волнуется? Мысль о страданиях мужа причиняла ей невыносимую боль. Когда миссис Брандертон встала из-за стола, Берта пережила огромное облегчение. Она бросила взгляд на Артура, который уже распахнул дверь, и в эту

[24] Примечания: 24

Диззи — прозвище Бенджамина Дизраэли (1804–1881), английского государственного деятеля.

минуту отдала бы что угодно, лишь бы украдкой попросить его присмотреть за Эдвардом, но не осмелилась. Ее терзала мысль, что все эти ужасные старики будут его игнорировать и тем самым открыто унизят.

В гостиной мисс Гловер случайно оказалась рядом с Бертой в некотором отдалении от остальных дам. Сестра викария поняла, что само небо посылает ей шанс покаяться перед миссис Крэддок в том, что прежде она недооценивала Эдварда. Мисс Гловер давно переменила мнение о мистере Крэддоке и теперь чувствовала потребность извиниться, однако смертельно волновалась. Необходимость затронуть столь деликатную тему повергала ее в неописуемый ужас. С другой стороны, собственные мучения придавали мисс Гловер уверенности: чем неприятнее разговор, тем очевиднее ее долг объясниться. Однако слова застряли у нее в горле, и она начала говорить о погоде. Мысленно отругав себя за малодушие, мисс Гловер приготовилась к испытанию и густо покраснела.

— Берта, я хочу попросить у вас прощения! — неожиданно выпалила она.

— За что? — изумленно вытаращила глаза Берта.

— Я была несправедлива к вашему супругу. Считала, что он для вас неподходящая пара, и говорила о нем такое, что и вообразить стыдно. Я весьма сожалею. Мистер Крэддок — один из лучших людей, кого я знаю. Не сомневаюсь, что вы с ним будете очень счастливы.

Берта рассмеялась, но сквозь смех на ее глазах выступили слезы. Ей захотелось броситься на шею угрюмой сестре викария — в такую минуту слова мисс Гловер ее сильно поддержали.

— Конечно, я вас прощаю! Вы ведь ничего такого не думали.

— Думала, думала! — настаивала мисс Гловер, не желавшая преуменьшать тяжесть своего преступления.

— Считайте, что я уже обо всем забыла. Скоро вы просто влюбитесь в Эдварда!

— Моя милая Берта, вы, должно быть, шутите? — испугалась мисс Гловер, которая всегда воспринимала все буквально. — Как же это я могу влюбиться в вашего мужа?

Их перебила миссис Брандертон.

— Берта, дорогая, мне нужно с вами поговорить, — скрипуче произнесла она.

Берта с улыбкой села подле хозяйки, и та вполголоса продолжила:

— Я просто обязана вам это сказать. По общему признанию, вы и мистер Крэддок — самая красивая пара в округе. Мы все в восторге от вашего супруга.

— Он смеялся всем вашим шуткам, — заметила Берта.

— О да, — согласилась миссис Брандертон. Она, будто канарейка, задрала подбородок и повела головой по сторонам. — У него такой жизнерадостный характер! Знаете, дорогая, а ведь он всегда мне нравился. Я как раз говорила миссис Мэйстон Райл, что знаю Эдварда с самого рождения. Вас наверняка порадует тот факт, что мистер Крэддок пришелся всем по душе.

— Спасибо, весьма польщена. Надеюсь, у Эдварда сложится столь же благоприятное впечатление о здешнем обществе.

Вскоре прибыл экипаж Крэддоков. Берта предложила подвезти до дома викария и его сестру.

— Надо же, будто кочергу проглотила, — сказал мистер Молсон, едва за Бертой и ее спутниками закрылась дверь.

Девицы Хэнкок покатились со смеху от этой остроты, и даже декан позволил себе благожелательно улыбнуться.

— Откуда у нее брильянты? — полюбопытство-

вала старшая мисс Хэнкок. — Я думала, они бедны как церковные мыши.

— Брильянты да картины — вот и все, что осталось у рода Лей. Ее семья всегда отказывалась продать хоть одно украшение, хотя, конечно, это полный абсурд — в их плачевном положении иметь такие драгоценности!

— Крэддок — на редкость неплохой малый, — отметила миссис Мэйстон Райл своим густым, внушительным голосом. — И все же я согласна с мистером Молсоном: похоже, Берта действительно задирает нос.

— Все Леи испокон веку важничали, точно индюки, — прибавила миссис Брандертон.

— Во всяком случае, сейчас миссис Крэддок особенно гордиться нечем, — заявила старшая мисс Хэнкок. Благородных предков у нее не было, и всех родовитых людей она считала снобами.

— Возможно, она просто чуточку волновалась, — сказала леди Уаггетт, не самая знатная, но добросердечная дама. — По себе знаю, в молодости я тряслась на всех приемах как осиновый лист.

— Чушь! — отрезала миссис Мэйстон Райл. — Она ни капли не волновалась. На мой взгляд, молодой женщине не подобает держаться столь

самоуверенно.

— Только представьте, что она мне заявила, — всплеснула руками миссис Брандертон. — Я хотела приободрить бедняжку и сказала ей, что мы все сочли мистера Крэддока милым и приятным человеком, а она мне: надеюсь, его мнение о вас будет таким же благоприятным.

Миссис Мэйстон Райл на мгновение остолбенела.

— Какая прелесть! — воскликнула она, поднимаясь с кресла. — Ха-ха! Она надеется, что мнение мистера Крэддока о миссис Мэйстон Райл будет благоприятным!

— Ха-ха! — хором повторили обе мисс Хэнкок.

Когда объявили, что карета для миссис Мэйстон Райл подана, эта важная особа пожелала собранию доброй ночи и удалилась, громко шурша лиловым шелком. Теперь можно было смело считать, что ужин окончен, и остальные гости послушно разъехались по домам.

После того как Гловеры высадились из кареты, Берта прижалась к мужу.

— Хорошо, что все закончилось, — прошептала она. — Я счастлива только наедине с тобой.

— Отличный вечер, согласна? — отозвался он. — И люди потрясающие.

— Я рада, что тебе понравилось, милый. Я боялась, ты заскучаешь.

— Я? Заскучаю? Боже милостивый! Полезно время от времени слушать подобные разговоры. Очень взбадривает.

Берта слегка поежилась.

— Этот Бэкот здорово осведомлен, не находишь? Не удивлюсь, если он окажется прав в своих предположениях и к концу шестилетнего периода правительство уйдет в отставку.

— Да уж, его послушать, выходит, что сам премьер-министр делится с ним секретами, — съязвила Берта.

— Да и генерал — забавный старик! — прибавил Эдвард. — Такую уморительную историю рассказал о герцоге Веллингтоне!

Последнее замечание Крэддока произвело на Берту странный эффект: не в силах сдерживаться, она разразилась истерическим смехом. Решив, что жену насмешил анекдот, он тоже вовсю расхохотался.

— А помнишь байку про епископские гамаши? — гоготал Крэддок.

От раскатов его смеха истерика Берты усилилась. Всю дорогу до дома в безмолвной ночи они оба вопили, визжали и сотрясались в приступах

неукротимого веселья.

Глава X

Итак, мистер и миссис Крэддок отправились в путешествие по великому пути, который именуется Законным Браком. Пришла весна и вместе с ней — новые радости. Берта наблюдала за тем, как удлиняются дни, как из-под земли выскакивают подснежники и разноцветные крокусы. Теплый и сырой февраль подарил первоцветы, позже появились фиалки. Февраль — месяц сонного томления: сердце земли налито тяжестью, оно глухо и безразлично к волнующему гудению апреля и кипучей жизни мая. Природа пробуждается от зимней спячки и ощущает в себе биение жизни — так же, как женщина чувствует под сердцем первый толчок ребенка.

Туманы, поднимавшиеся над Северным морем, накрывали Кент влажной пеленой, белой и почти прозрачной, отчего нагие деревья казались причудливо искривленными — их ветви, словно длинные руки, извивались и корчились, стараясь избавиться от оков зимы. Болота покрылись изумрудной травой, и ягнята уже скакали и резвились на ней, тонким блеянием перекликаясь

с матерями. В перелесках щебетали дрозды. В мир ворвался шумный март, и облака, более пышные и высокие, чем обычно, неслись по небу, подгоняемые неистовым ветром. Они сбивались в огромные кучи, а затем вновь разлетались порознь и устремлялись на запад, в спешке наталкиваясь друг на дружку. Природа как будто отдыхала, переводила дух перед тем, как отдать все силы чуду рождения.

Постепенно Берта стала лучше узнавать мужа. Выходя за Крэддока, она знала лишь, что любит его. Обоими двигали одни только чувства: Берта и Эдвард были марионетками, которых природа свела вместе и сделала привлекательными в глазах друг друга во имя продолжения рода. Берта, обуреваемая пылким желанием, бросилась в объятия супруга. Она любила Крэддока так, как любят звери — и боги. Он был мужчиной, она — женщиной, а мир — Эдемским садом, сотворенным силой страсти. Познание мужа породило в Берте еще большую любовь. Постепенно проникая в мысли Эдварда, она, к своему восторгу, обнаружила в них удивительную чистоту. С радостным изумлением Берта убедилась в совершеннейшей непорочности своего супруга. Было видно, что прежде Крэддок никогда не любил, что

женщина для него — странное, почти неведомое существо. Она гордилась, что муж пришел к ней не запятнанным чужими объятиями, что губы, прикасавшиеся к ее губам, целомудренны. Супруги ни разу не затрагивали эту тему, но чутье Берты безошибочно говорило в пользу исключительной добродетели Крэддока. Его душа была поистине невинна. А если так, могла ли Берта не боготворить его?

Она чувствовала себя счастливой только рядом с мужем, ей доставляло особое удовольствие сознавать, что связующие их узы неразрывны, что она и Эдвард до самого конца, до последнего вздоха будут неразлучны. Берта с трогательной покорностью ходила за ним по пятам, как собачка; гордость ушла из ее сердца, она мечтала только о том, чтобы раствориться в Эдварде, сплестись характерами и существовать как одно целое. Она желала, чтобы он был ее единственной яркой чертой, и сравнивала себя с плющом, обвивающим ствол дуба, ведь Эдвард был мощным дубом, столпом и опорой, а она всего-навсего слабой женщиной.

Утром после завтрака Берта сопровождала мужа в обходе полей и ферм. Она оставалась дома и присматривала за хозяйством лишь тогда, ко-

гда ее присутствие могло ему помешать. Берта пробовала читать, но попытки заканчивались безуспешно, и она отшвыривала книгу в сторону. К чему ей читать? Для развлечения? Нет, поскольку она постоянно занята своим супругом, и если Берта знает, как любить, зачем нужны прочие знания? Частенько, ненадолго оставшись в одиночестве, она раскрывала ту или иную книгу, но довольно скоро опять уносилась мыслями к Эдварду и мечтала очутиться рядом с ним.

Берта жила, точно в волшебном сне, который длился без конца; ее счастье было не бурным, порождающим вихри и водовороты, но безмятежным и гладким. Она обитала в раю, расцвеченном всевозможными оттенками розового, где не было ни слепящего света, ни лиловых теней. Берта парила в небесах, и единственной связью с земной жизнью служила еженедельная поездка в Линхэм на воскресную службу. Было нечто восхитительно человеческое в этой бедной церквушке с ее сосновыми скамьями, густо покрытыми лаком, запахами помады для волос и бельевой синьки. Эдвард был одет в воскресный костюм, органист вымучивал ужасные звуки, фальшиво пел деревенский хор. Монотонное чтение молитв мистером Гловером напрочь лишало их всей кра-

соты, служба велась сухо и прозаично. Два часа в церкви опускали Берту на землю ровно в той степени, в какой требовалось для осознания того факта, что жизнь состоит не только из высокой духовности.

Наступил апрель. На вязах перед Корт-Лейз начали распускаться листья — почки усыпали ветви мелким дождем, нежной зеленой дымкой, которая была заметна издалека, но исчезала при приближении. Коричневые поля оделись в летний наряд: буйно поднялся сочный клевер, дружно двинулись в рост посевы. Стояли дни, когда в воздухе разливалось благоухание, пригревало солнышко и сердце сладко замирало, радуясь долгожданному приходу весны.

Благодатные дожди напитывали почву водой, и бессчетные капли, свисавшие с ветвей, сверкали на солнце, которое вскоре проглядывало из-за туч. Застенчивые тюльпаны раскрывали бутоны и устилали землю цветистым ковром. Облака над Линхэмом поднялись выше, раздвинув горизонт. Птицы, робко пробовавшие голос в марте, теперь пели в полную силу и наполняли воздух звонким щебетом. В зарослях боярышника позади Корт-Лейз продемонстрировал красоту своей песни первый соловей. Повсюду поднимался густой

дух земли — запах плодородной почвы и дождя, солнца и ласкового ветра.

Порой дожди заряжали без перерыва на несколько дней, и тогда Эдвард довольно потирал руки.

— Хоть бы лило всю неделю, полям обязательно нужна влага!

В один из таких дней Берта лежала на кушетке, а Крэддок стоял у окна, слушая ровный стук капель. Она вспомнила ноябрьский день, когда вот так же стояла у этого самого окна и глядела на унылый зимний пейзаж, а в ее сердце горел жаркий огонь любви и надежды.

— Эдди, милый, посиди со мной, — промолвила она. — Мы не виделись почти целый день.

— Мне нужно отъехать, — не оборачиваясь отозвался Крэддок.

— Нет, не нужно. Иди же ко мне.

— Хорошо, побуду с тобой пару минут, пока не подали двуколку.

Крэддок сел на кушетку, Берта обняла его за шею.

— Поцелуй меня, — попросила она.

Он поцеловал.

— Какой ты странный! — со смехом воскликнула Берта. — Тебе как будто все равно!

Крэддок ничего не ответил, потому что в этот момент к крыльцу подкатила двуколка, и он вскочил с кушетки.

— Куда ты едешь?

— На ферму Эрн, к старому Поттсу, договориться насчет покупки овец.

— И только-то? Неужели ты не можешь остаться со мной, когда я тебя об этом прошу?

— С какой стати? Что мне делать дома? Гостей, насколько я знаю, мы не ждем.

— Я хочу побыть с тобой, Эдди, — жалобно протянула Берта.

Крэддок рассмеялся.

— Боюсь, ради этого я не могу отменить встречу.

— Тогда можно мне с тобой?

— Это еще зачем? — удивился Эдвард.

— Хочу быть рядом. Мне ужасно плохо от того, что мы всегда порознь.

— Ничего не всегда, — возразил Крэддок. — Черт побери, по-моему, мы не расстаемся ни на минуту!

— Значит, ты не скучаешь по мне так сильно, как я по тебе, — тихо проговорила Берта, опустив глаза.

— На улице льет как из ведра! Ты насквозь

промокнешь.

— Какая разница? Зато я буду с тобой.

— В таком случае поехали.

— Тебя не волнует, поеду я или нет! Тебе это безразлично!

— Я считаю, очень глупо с твоей стороны выходить под дождь. Уверяю тебя, я сам ни за что бы не поехал, если б мог.

— Тогда поезжай.

Берта с трудом сдержала злые слова, готовые сорваться с языка.

— Будет гораздо лучше, если ты подождешь меня дома, — бодро сказал Крэддок. — Я вернусь к ужину. Ну, пока!

Эдвард мог выразить свою мысль иначе. Например, что будет счастлив, если Берта составит ему компанию, или что встреча может катиться к чертям, а он остается с любимой женой. Вместо этого он просто ушел, весело насвистывая. Ему было все равно. Щеки Берты запылали от унижения.

— Он меня не любит, — потерянно произнесла она и вдруг разрыдалась — впервые после свадьбы, впервые после смерти отца. Собственные слезы заставили ее устыдиться. Она попыталась их унять, но не сумела и продолжала горько

плакать.

Слова Эдварда показались ей невероятно жестокими. Как у него только язык повернулся!

— Этого следовало ожидать, — вслух сказала Берта. — Он меня не любит.

Она разозлилась на мужа, припомнив все маленькие проявления холодности, которые так ранили ее сердце. Нередко Эдвард почти отталкивал ее, когда она хотела приласкать его, а он в тот момент был занят чем-то другим; часто никак не отвечал на ее страстные заверения в вечной любви. Неужели Эдвард не понимает, что его поведение задевает Берту? Она говорит, как сильно обожает ненаглядного Эдди, а того интересует, не закончился ли завод у часов!

Пока Берта размышляла о своем несчастье, незаметно прошло два часа. Услышав за окном стук колес, она удивилась. Первым ее желанием было побежать в прихожую и встретить Эдварда, однако она сдержала свой порыв. Берта очень сердилась на мужа.

Крэддок вошел и, крикнув с порога, что должен переодеться в сухое, отправился наверх. Разумеется, он и внимания не обратил, что в первый раз за все время супружества Берта не встретила его у дверей, — он вообще ни на что не обращал

внимания!

Эдвард вошел в гостиную. На свежем воздухе его лицо раскраснелось.

— Ей-богу, хорошо, что ты со мной не поехала. Дождь сыплет стеной! Ужин готов? Я просто умираю от голода.

Он способен думать об ужине, в то время как Берта ждет от него смиренного раскаяния, робких оправданий и мольбы о прощении! Эдвард был весел, как обычно, и совершенно не подозревал, что жена довела себя рыданиями почти до истерики.

— Ну что, купил своих овец? — негодующе вопросила она.

Ей страстно хотелось, чтобы Эдвард заметил ее расстройство, и тогда она упрекнула бы его в грехах, но муж оставался слеп.

— Нет, — бодро ответил он. — Я бы не дал и пятерки за все стадо.

— С таким же успехом ты мог остаться дома, как я просила, — едко заметила Берта.

— Что касается дел — вполне, — согласился Крэддок. — Хотя поездка по свежему воздуху не помешала. — Этот человек в любой ситуации умел видеть хорошее.

Берта взяла книгу и принялась читать.

— А где газета? — спросил Крэддок. — Я сегодня еще не читал передовицу.

— Понятия не имею, — надулась Берта.

Они просидели в гостиной до ужина. Эдвард методично просматривал статьи в «Стандард», Берта переворачивала страницы книги и старалась вникнуть в содержание, однако все ее мысли сосредоточивались вокруг обиды. Ужин супруги провели почти в полном молчании. Эдвард не отличался разговорчивостью, беседы, как правило, заводила Берта. Крэддок лишь упомянул, что скоро появится молодой картофель и что по дороге он встретил доктора Рамзи. Берта отвечала односложно.

— Ты какая-то тихая, — чуть позже отметил Крэддок. — Что случилось?

— Ничего.

— Разболелась голова?

— Нет.

Больше вопросов он не задавал, успокоившись тем, что молчаливость Берты вызвана естественными причинами. По-видимому, Крэддок не замечал в состоянии жены ничего необычного. Берта сдерживалась до последнего, но в итоге ее все-таки прорвало.

— Какое тебе дело до того, болит у меня голова

или нет! — крикнула она в ответ на реплику часовой давности. Ее восклицание содержало в себе не вопрос, но горький упрек.

Крэддок удивленно посмотрел на нее.

— Что стряслось?

Берта бросила на мужа взгляд, полный боли, и отвернулась, раздраженно махнув рукой. Крэддок приблизился к ней и обнял за талию. Теперь в ее глазах стояли слезы, она судорожно всхлипнула.

— О, Эдди, приласкай меня, — пролепетала Берта, вдруг обмякнув.

— Ну, расскажи скорей, в чем дело.

Эдвард привлек Берту к себе и поцеловал в губы. Это прикосновение погасило обиду, бушующую в ее сердце вот уже целый час. Молодая женщина вновь разрыдалась.

— Не злись на меня, Эдди, — задыхаясь от слез, проговорила Берта. Оказалось, что это она оправдывается и просит прощения. — Я вела себя ужасно. Прости, я ничего не могла с собой поделать. Ты ведь не сердишься?

— Да за что же? — недоумевал Крэддок.

— Сегодня днем мне стало очень обидно, потому что я решила, будто не нужна тебе. Ты должен меня любить, Эдди, иначе я не смогу жить.

— Глупенькая, — засмеялся он.

Берта вытерла слезы и улыбнулась. Получив прощение, она совершенно утешилась и теперь чувствовала себя счастливой втройне.

Глава XI

Эдвард отнюдь не был страстным любовником. Берта не помнила, когда впервые обратила внимание на то, что муж весьма вяло отзывается на ее страсть. Поначалу она знала только, что любит Крэддока до безумия, и своей пылкостью сумела разжечь его слабое влечение, так что оно раскалилось, почти как ее собственное. Однако постепенно Берта начала замечать, что, щедро одаряя мужа роскошествами любви, получает взамен ничтожно мало. Поводы, ведущие к ее неудовлетворенности, почти не поддавались объяснению: легкий отстраняющий жест, равнодушие к жаркому проявлению чувств — тонкие штришки, казавшиеся почти комичными. Сперва Берте нравилось сравнивать Крэддока с Ипполитом из «Федры» — дикарем, которого пугали женские поцелуи. Бесстрастие, замаскированное под грубую неотесанность, умиляло, — Берта не раз повторяла, что ее страсть растопит лед в мужнином сердце. Вскоре, однако, пассивность Крэддока перестала казаться ей привлекательной. Иногда она укоряла его, а чаще, оставшись

наедине с собой, плакала.

— Если бы ты только знал, как больно иногда меня ранишь, — вздыхала Берта.

— Ничего такого я не делаю, — отвечал Крэддок.

— Ты просто не замечаешь. Когда я подхожу к тебе, чтобы поцеловать, ты не задумываясь отталкиваешь меня, как будто… как будто терпеть не можешь!

— Не говори ерунды.

Эдвард был уверен, что за четыре месяца семейной жизни ничуть не изменился.

— Ты ведь не думаешь, что мужчина всю жизнь будет таким же, как в медовый месяц? Не всегда же только нежничать и ласкаться, всему свое время.

После дневных трудов Крэддок любил спокойно почитать газету, поэтому, когда Берта подсаживалась рядом, он легонько ее отстранял.

— Умничка моя, сделай милость, не приставай, — просил он.

— Ты меня не любишь! — кричала Берта, чье сердце разрывалось от боли.

Крэддок никак не реагировал и продолжал внимательно изучать передовицу.

— Почему ты молчишь? — возмущалась Берта.

— Потому что ты говоришь чепуху.

Крэддок обладал редкостным добродушием, и Бертины вспышки гнева никогда не выводили его из равновесия. Он знал, что женщины порой бывают раздражительны; главное — дать им накричаться вволю, и тогда через некоторое время они успокоятся.

— Женщины — что куры, — говорил он приятелю. — Посади их в загон, огороженный прочной сеткой, чтоб не набедокурили, и не обращай внимания на кудахтанье.

Женитьба не произвела сколь-нибудь значительных перемен в жизни Крэддока. У него всегда были свои привычки, которым он продолжал следовать и после того, как обзавелся семьей. Разумеется, теперь у него появилось больше удобств.

— Что верно, то верно — мужчине нужна жена, чтобы за ним присматривала, — однажды сказал он доктору Рамзи, с которым порой встречался, когда тот обходил пациентов. — Раньше глазом моргнуть не успеешь, а рубашка уже сносилась до дыр, зато сейчас все по-другому. Как только увижу, что рукав обтрепался, — сразу к жене, а уж та все зашьет, и рубашка опять как новенькая.

— У вас, верно, прибавилось работы с хозяйской

фермой?

— Благословение Богу, доктор, это мне только в радость. Для меня не бывает много работы. В наши дни, если хочешь, чтобы хозяйство давало прибыль, нужно расширять масштабы.

Целыми днями Эдвард был занят — если не на фермах, то где-нибудь в Блэкстебле, Теркенбери или Фаверсли.

— Не люблю праздность, — сказал он. — Правду говорят, лень — мать всех пороков.

Мисс Гловер, к которой он обращался, естественно, полностью согласилась с этим утверждением. После того как Крэддок вышел, оставив ее в компании Берты, мисс Гловер воскликнула:

— Какой чудесный человек ваш муж! Вы не против, что я так говорю?

— Нет, если это доставляет вам удовольствие, — сухо ответила Берта.

— Я со всех сторон слышу о нем только добрые отзывы. Чарльз, разумеется, тоже очень высокого мнения о мистере Крэддоке.

Берта промолчала.

— Вы не представляете, как я радуюсь вашему семейному счастью! — прибавила сестра викария.

— У вас доброе сердце, Фанни, — улыбнулась

Берта.

Разговор не клеился, и, просидев пять минут в гнетущей тишине, мисс Гловер стала прощаться. Когда дверь за ней закрылась, Берта села в кресло и задумалась.

Сегодня выдался один из черных дней. Эдди ушел в Блэкстебл и не взял ее с собой.

— Не надо тебе со мной, — сказал он. — Я тороплюсь и пойду быстрым шагом.

— Я тоже могу идти быстрым шагом, — надулась Берта.

— Знаю я твой быстрый шаг. Если тебе так хочется, можешь встретить меня на обратном пути.

— Ты делаешь все, чтобы меня обидеть! Как будто нарочно ищешь повод!

— Будь же благоразумна, Берта! Неужели не видишь, что у меня нет времени прогуливаться и по пути нюхать цветочки?

— Давай возьмем повозку.

— Не получится. Кобыла прихворнула, а пони нужно дать отдых после вчерашних трудов.

— Ты просто не желаешь, чтобы я пошла с тобой. И так каждый день! Всякий раз выдумываешь причину, чтобы отделаться. Отпихиваешь меня даже тогда, когда я хочу тебя поцеловать.

Берта расплакалась. Она сознавала, что ее слова несправедливы, но все равно чувствовала, что с ней обошлись очень дурно. Эдвард широко улыбнулся с раздражающей снисходительностью.

— Когда успокоишься, сама будешь переживать, что наговорила ерунды, а потом станешь просить прощения.

— Считаешь меня глупым ребенком? — вспыхнула Берта.

— Нет, просто полагаю, что ты сегодня не в духе.

Насвистывая веселый мотив, Крэддок вышел. Берта слышала, как он давал распоряжения садовнику в своей обычной бодрой манере, словно ничего не произошло. Она знала, что муж уже выбросил из головы недавнюю сцену. Ничто не способно было испортить ему настроения: Берта могла задохнуться в рыданиях, вырвать из груди сердце и разбить его об пол (образно выражаясь), Крэддок не повел бы и бровью, сохраняя неизменное спокойствие. «Брань на вороту не виснет, — любил повторять он. — Женщины что куры; не обращай внимания на их кудахтанье».

По возвращении Эдвард даже не заметил скверного настроения жены. Он всегда пребывал в одинаково благодушном расположении и, кроме

того, не отличался наблюдательностью.

Берта отвечала односложно, а Крэддок говорил без умолку, довольный удачной сделкой в Блэкстебле. Берта жаждала, чтобы он встревожился ее состоянием, и тогда она осыпала бы его упреками, но Эдвард был безнадежно слеп или же, наоборот, все видел и намеренно лишал ее возможности высказаться. Берта, пожалуй, в первый раз испытывала такую жгучую злость на мужа и сама этого испугалась. Крэддок вдруг показался ей врагом, которому она стремилась причинить вред. Она не понимала саму себя. Что же будет дальше? Почему Эдвард молчит, не дает ей излить обиду и гнев, а затем помириться с ним?

День проходил, а Берта продолжала хранить угрюмое молчание; внутри у нее все ныло. Наступил вечер. Эдвард не показывал и виду, что что-то не так. Берта искала любого повода, чтобы устроить скандал, и не находила его. Когда супруги легли в постель, Берта повернулась к мужу спиной и сделала вид, что спит. Она лишила его поцелуя — сладкого поцелуя влюбленных, которым они каждую ночь обменивались перед сном. Эдвард обязательно это заметит, спросит Берту, чем та расстроена, и вот тогда-то она поставит его на колени.

Крэддок, однако, ничего не сказал. После тяжелого трудового дня он жутко устал и мгновенно провалился в сон. Через пять минут до Берты донеслось глубокое ровное дыхание. Услышав его, она потеряла остатки самообладания. Разве сможет она заснуть, не пожелав Эдди спокойной ночи, не поцеловав его на ночь?

«Он сильнее, чем я, — подумала Берта, — потому что не любит меня». Она тихонько всхлипнула: сколько можно злиться? Она согласна на все, лишь бы не проводить эту ночь в яростных метаниях, а завтрашний день — в таком же отчаянии, как сегодня. Она полностью повержена. В конце концов, не в силах дольше терпеть муку, Берта разбудила мужа.

— Эдди, ты не сказал мне спокойной ночи.

— Ах ты черт, я и забыл, — сонно отозвался Крэддок.

Берта сглотнула комок в горле.

— Эй, что случилось? Надеюсь, ты плачешь не из-за того, что я тебя не поцеловал? Знаешь, я сегодня устал как собака.

Эдвард действительно ничего не заметил. Пока Берта тонула в пучине страданий, он, как обычно, был доволен собой и целым светом. И все же эта новая вспышка гнева в ее душе быстро угасла.

Сейчас ей нельзя проявлять гордость.

— Ты на меня не сердишься? — робко спросила она. — Я не могу уснуть без твоего поцелуя.

— Глупышка! — шепнул Крэддок.

— Ты ведь любишь меня, правда?

— Конечно.

Он поцеловал Берту так, как ей всегда нравилось, и от этого экстаза ее гнев моментально улетучился.

— Я не могу жить без твоей любви, — всхлипывала она, уютно устроившись на плече Крэддока. — Если бы ты только знал, как я тебя люблю! Мы снова друзья, да?

— Мы с тобой всегда были и будем друзьями.

Берта облегченно вздохнула и, лежа в объятиях мужа, почувствовала себя совершенно счастливой. Еще через минуту равномерное дыхание Эдварда подсказало ей, что он уснул. Она не шевелилась, чтобы, не дай Бог, не разбудить его.

Лето принесло Берте новые развлечения, и она отдалась давно предвкушаемым радостям пасторальной жизни. Вязы в Корт-Лейз потемнели от листвы, и этот густой, плотный зеленый покров придавал дому величественный вид. Вяз — самое благородное дерево; пожалуй, немного помпезное, зато исключительно культурное,

и тень, которую он отбрасывает, — не простая тень, но солидная и уверенная, как положено дереву, растущему во владениях дворянского рода. Рухнувший ствол увезли; на свободных местах осенью планировалось посадить молодые деревца. Эдвард охотно взялся привести имение в порядок. Весной Корт-Лейз покрасили свежей краской, отчего дом стал выглядеть аккуратно и щеголевато, точно загородный особняк биржевого маклера. Клумбы, за которыми много лет никто не ухаживал, теперь резали глаз пестротой коврового цветника: квадраты кроваво-красных гераней контрастировали с ярко-желтыми кальцеоляриями, высаженными аккуратными кругами. Заросли самшита подровняли до нужной высоты. Живая изгородь из боярышника была обречена на выкорчевку; вместо этого Эдвард решил огородить владения дощатым палисадом и лавровыми деревьями.

Подъездную аллею засыпали свежим гравием, так что она стала настоящим предметом гордости наследников старинного, но нерадивого аристократического рода. Не прошло и двух недель с тех пор, как Крэддок воцарился в усадьбе, а чумазых овец уже изгнали с лужаек по обе стороны аллеи, после чего траву на газонах стали регулярно

косить и убирать. Специальное место отвели под теннисный корт, который, по словам Эдварда, добавлял поместью уюта. Чугунные ворота, выкрашенные в блестящий черный цвет и щедро покрытые роскошной позолотой, наконец обрели достойный вид, подобающий входу во владения благородного джентльмена, да и сам обновленный дом служил явным доказательством того, что Корт-Лейз находится в руках человека, который понимает, что к чему, и находит удовольствие в соблюдении должных приличий.

Берта питала отвращение к этим новшествам, однако покорно принимала все меры по благоустройству, проводимые Эдвардом, поскольку они служили нескончаемой пищей для разговоров между супругами, и вдобавок ее искренне восхищал энтузиазм мужа.

— Клянусь, твоя тетушка так и подскочит на месте, когда увидит перемены, — довольно потирал руки Крэддок.

— Да уж, — с улыбкой отвечала Берта, хотя внутренне содрогалась, представляя едкие замечания мисс Лей.

— Она просто не узнает Корт-Лейз! Дом смотрится словно только что выстроенный, а участок как будто разбили всего с полдюжины лет назад.

Дай мне еще лет пять, и даже ты не узнаешь собственных владений!

Мисс Лей наконец-то приняла одно из приглашений, которые по настоянию Эдварда отсылались ей в больших количествах. В письме она сообщила, что приедет погостить на неделю. Само собой, Крэддок был очень доволен. По его словам, он хотел установить дружеские отношения со всеми, и ему казалось неправильным, что единственная родственница Берты намеренно избегает общения с ними.

— Она ведет себя так, будто не одобряет наш союз. Уже всякие пересуды пошли!

Крэддок приехал на вокзал и, к полному смятению мисс Лей, устроил ей бурную встречу.

— Ну, наконец-то вы приехали! — обрадованно заревел он. — Мы уж думали, не дождемся! Эй, носильщик! — От его зычного голоса сотрясалась вся платформа.

Крэддок схватил мисс Лей за обе руки, и у нее пронеслась ужасная мысль, что сейчас он кинется целовать ее на глазах у всей толпы — шести человек. «Изображает из себя сквайра, — подумала она. — Лучше бы он этого не делал».

Крэддок всучил носильщикам бесчисленные чемоданы, с которыми путешествовала мисс Лей,

а по пути к экипажу даже предложил ей взять его под руку, но от этой чести она решительно отказалась.

— Будьте любезны, обойдите с той стороны, я помогу вам сесть в коляску. Багаж привезут позже.

Крэддок распоряжался уверенно и властно. Мисс Лей обратила внимание, что после женитьбы исчезла его застенчивость — черта, которую тетушка Берты находила весьма привлекательной. В добродушии Крэддока появилась некоторая грубоватость. Кроме того, Эдвард заметно раздался: достаток и сознание собственной важности распрямили его плечи, расширили грудь, обхват которой увеличился на три дюйма с тех пор, как мисс Лей в первый раз увидела его. Живот Крэддока тоже изрядно потолстел. «Если этот здоровяк и дальше будет так прибавлять, к сорока годам он сделается колоссом», — невольно подумала мисс Лей.

— Сами понимаете, тетя Полли, — начал Крэддок, дерзко опустив учтивое «мисс Лей», с которым неизменно обращался к ней прежде, хотя мало кто из мужчин осмеливался обращаться к его новой родственнице без должной почтительности, — ваши намерения уехать от

нас через неделю — полный вздор. Вы должны остаться по меньшей мере на два-три месяца.

— Вы очень любезны, дорогой Эдвард, но у меня другие планы, — сухо ответила мисс Лей.

— Стало быть, отмените их. Не могу же я допустить, чтобы гости уезжали из моего дома, едва переступив порог!

Мисс Лей удивленно вздернула брови и улыбнулась. Значит, это уже его дом? Ну и ну!

— Мой милый Эдвард, — промолвила она, — у меня есть правило не задерживаться где-либо дольше двух дней. В первый день я разговариваю с людьми, на второй слушаю их, а на третий уезжаю. В гостиницах я живу по неделе, получая таким образом *en pension*[25] и хорошо просушенное белье.

— Выходит, наш дом для вас все равно что гостиница, — засмеялся Крэддок.

— Между прочим, это серьезный комплимент. В частных пансионах отвратительно обслуживают.

— Ладно, не будем больше об этом. Только имейте в виду: я велю сложить ваши чемоданы в кладовой и заберу ключ.

---

[25] Примечания: 25
Полный пансион *(фр.).*

Мисс Лей издала короткий смешок, означавший, что ее позабавила не фраза собеседника, а какая-то собственная мысль.

Коляска подкатила к Корт-Лейз.

— Ну, видите, как все переменилось? — весело спросил Крэддок.

Мисс Лей поводила взглядом по сторонам и поджала губы.

— Прелестно, — сказала она.

— Я знал, что от удивления вы так и подскочите! — с довольным смехом воскликнул Крэддок.

Берта встретила тетю в прихожей и обняла ее с благопристойной сдержанностью, которая всегда отличала их отношения.

— Как умно с твоей стороны, Берта, — промолвила мисс Лей, — что тебе удалось сохранить чудесную фигуру.

С этими словами она приступила к тщательному анализу семейного счастья молодой пары.

Глава XII

Страсть к изучению ближних была самым увлекательным из всех пороков мисс Лей; упражнять свои таланты в этом искусстве ей не мешали ни родственные узы, ни личные привязанности. Во время ленча она внимательно наблюдала за Бертой и Эдвардом. Племянница была разговорчива и с подозрительной живостью болтала о соседях — о новых шляпках и прическах миссис Брандертон, об усердном труде мисс Гловер и о поездках в Лондон, которые совершал викарий. Крэддок изредка предлагал мисс Лей добавки, а в остальном держался молча. Ел он очень много. Старая дева обратила внимание на крупные куски, которые Эдвард клал в рот, и огромное количество выпитого им пива. Разумеется, это навело ее на определенные мысли. Свои выводы мисс Лей сделала и после того, как, умяв полфунта сыра и допив последний глоток, Крэддок откинулся на стуле с глухим утробным рыком, будто хищный зверь, насытившийся мясом, и произнес:

— Так, пора браться за работу. Дел полно, только успевай поворачиваться.

Он достал из кармана вересковую трубку, набил табаком и раскурил.

— Так-то лучше. Ну, все, счастливо оставаться. Я буду к ужину.

Выводы роем вились в голове мисс Лей, точно мошкара летним днем. Она собирала впечатления до самого ужина. Берта вела себя необычно оживленно, и мисс Лей неоднократно задавалась вопросом, служат ли разговорчивость племянницы и ее звонкий смех признаками беззаботности или скрывают под собой сознательное желание обмануть проницательную тетушку средних лет, обладающую кое-каким жизненным опытом.

После ужина Эдвард выразил надежду на то, что мисс Лей как член семьи не будет настаивать на строгом соблюдении этикета, и немедленно принялся читать «Стандард». Когда же Берта по просьбе тети села за фортепиано, Эдвард из благовоспитанности отложил газету и за четверть часа зевнул по меньшей мере дюжину раз.

— Пожалуй, мне не стоит больше играть, — решила Берта, — не то Эдди заснет. Да, дорогой?

— Не удивлюсь, если так и случится, — расплылся в улыбке Крэддок. — Честно сказать, пьески, что Берта играет при гостях, наводят на меня тоску.

— Эдвард согласен слушать только «Колокольчики Шотландии» или «Янки Дудл».

— И то верно. Признаюсь, терпеть не могу заграничную музыку. Постоянно говорю Берте: «Отчего ты не играешь английских песен?»

— «...если уж тебе так хочется бренчать», — закончила фразу Берта.

— Раз на то пошло, в «Колокольчиках Шотландии» хотя бы есть мотив, который можно подхватить.

— Дело в том, — парировала Берта, наигрывая первые аккорды «Правь, Британия», — что у меня от этого мотива сводит зубы.

— А я патриот своей родины, — заявил Крэддок, — и потому люблю старые добрые английские песни. Они наши, английские, понимаешь? Не постесняюсь сказать, что для меня самая лучшая музыка на свете — «Боже, храни королеву».

— Кстати, написанная немцем, — лукаво улыбнулась мисс Лей.

— Может, и так, — ничуть не смутился Эдвард, — но дух у нее истинно английский, а это главное.

— Нет, вы только послушайте! — воскликнула Берта. — Кажется, у Эдварда есть задатки политика. Чего доброго, к старости я буду женой

парламентария!

— Да, я патриот, — повторил Эдвард, — и горжусь этим.

— Правь, Британия, — пропела Берта. — Правь, Британия, морями! Британцам никогда не быть рабами. Та-ра-ра-бум — дам-да! Та-ра-ра-бум-дам — да!

— И так во всем, — продолжал оратор. — У нас полным-полно иностранцев и их товаров. Это просто возмутительно! Английские мелодии вам не хороши, вы предпочитаете брать музыку из Германии и Франции. Откуда у вас масло? Из Франции! А мясо? Из Новой Зеландии! — Последние слова Крэддок произнес с большим презрением, и Берта подчеркнула их звучным аккордом. — Что до масла, так это вовсе и не масло, а маргарин. Откуда везете хлеб? Из Америки. И овощи оттуда же.

— А рыбу — из моря, — вставила Берта.

— Все одно к одному! У английского фермера нет никаких шансов.

Берта сопроводила эту тираду живой бурлеской, пародийным аккомпанементом, который менее толстокожему человеку показался бы обидным; Крэддок лишь добродушно расхохотался.

— Моя жена не воспринимает эти проблемы

всерьез, скачал он и нежно провел рукой по ее волосам.

Она вдруг убрала руки с клавиш. Беззлобность Эдварда в сочетании с ласковым жестом заставили Берту устыдиться. К глазам подступили слезы.

— Эдвард, ты у меня такой милый, — голос ее дрогнул, — а я настоящее чудовище.

— Эй, не говори так при тете Полли. Сама знаешь, она посмеется над нами.

— Мне все равно, — счастливо улыбнулась Берта. Она встала и взяла мужа за руку. — У Эдди самый замечательный в мире характер, он просто душка.

— Вероятно, так и есть, — заметила мисс Лей, — если за полгода семейной жизни ты в нем не разочаровалась.

Старая дева, однако, насобирала такое количество самых разнообразных впечатлений, что ощутила острую необходимость уединиться в своей комнате и рассортировать их. Она поцеловала Берту и протянула руку Эдварду.

— Нет уж, раз вы целуете Берту, целуйте и меня, — со смехом сказал Крэддок, наклоняясь вперед.

— Боже милостивый! — воскликнула мисс Лей,

которая несколько растерялась. Видя, что Крэддок не отступится, она легко коснулась щекой его щеки и заметно покраснела.

В результате всестороннего анализа мисс Лей заключила, что и на этот раз семейный путь не оказался усыпан розами. Лежа на подушке, она вдруг подумала, что доктор Рамзи непременно придет навестить ее и с видом победителя укажет на свою правоту. Мужчины ведь всегда используют возможность поглумиться над поверженным противником. «Еще станет утверждать, что этот брак состоялся исключительно по моей вине. Мой конфуз приведет дражайшего доктора в такой восторг, что хоть беги. Держу пари, завтра же заявится».

И действительно, Крэддок вовсю постарался, чтобы новость о приезде мисс Лей разошлась по округе. На следующий день миссис Рамзи поспешила облачиться в выходное платье из синего бархата, вместе с доктором села в карету, и они отправились в Корт-Лейз. По прибытии супруги Рамзи обнаружили, что территория уже занята мистером и мисс Гловер. Линхэмский викарий похудел и постарел с тех пор, как мисс Лей встречала его в последний раз. Вид у него был еще более утомленный и забитый. Мисс Гловер

выглядела, как всегда, в одной поре.

— Приход? — повторил священник, отвечая на вежливый вопрос мисс Лей. — Боюсь, дела в приходе плохи. У диссентеров новая молельня. Говорят, Армия спасения собирается строить так называемые ночлежные дома. Жаль, что правительство не хочет вмешаться. В конце концов, официальная церковь зиждется на законе, и закон обязан защищать нас от всяческих посягательств.

— Вы не поддерживаете свободу вероисповедания? — подначила мисс Лей.

— Дорогая мисс Лей, — устало проговорил священник. — Все имеет свои пределы. Я считаю, что государственная религия предоставляет достаточно свободы для каждого человека.

— В Линхэме творится что-то ужасное, — вставила мисс Гловер. — Почти все лавочники ходят в молельню к диссентерам. Это очень осложняет наше положение.

— Да, — тяжко вздохнул викарий. — В довершение ко всему я слыхал, что Уокер перестал посещать церковь.

— Ох, Боже мой, Боже мой, — запричитала мисс Гловер.

— Уокер? Булочник? — спросил Эдвард.

— Он самый. Теперь единственный булочник в Линхэме, который ходит в церковь, это Эндрюс.

— Чарльз, но с ним невозможно иметь дело, — испугалась мисс Гловер. — Его хлеб совсем плох.

— Никуда не денешься, — простонал викарий. — Я не могу поступиться принципами и покупать хлеб у торговца, который подался в раскольники. Скажи Уокеру, что мы отказываемся от его услуг, если он не пообещает регулярно посещать приходскую церковь.

— Но, Чарльз, от выпечки Эндрюса у тебя всегда делается несварение! — воскликнула мисс Гловер.

— Я должен с этим смириться. Будь все наши страдания столь же пустячными, нам не на что было бы жаловаться.

— Почему бы вам не покупать хлеб в Теркенбери? — предложила миссис Рамзи, отличавшаяся необычайной практичностью.

Брат и сестра одновременно горестно всплеснули руками.

— Тогда Эндрюс тоже уйдет к диссентерам. К великому сожалению, этих людей в официальной церкви удерживает либо боязнь, что приходской священник перестанет покупать у них товар, либо надежда заполучить его в клиенты.

Некоторое время спустя мисс Лей очутилась наедине с сестрой викария.

— Должно быть, вы очень рады встрече с Бертой, мисс Лей, — любезно сказала мисс Гловер.

«Ну вот, заквохтала», — подумала та, вслух же произнесла:

— Конечно.

— Для вас, наверное, огромное облегчение видеть, как замечательно все обернулось.

Мисс Лей бросила внимательный взгляд на сестру священника, но не уловила в ее лице и тени иронии.

— Счастливая молодая пара — это так прекрасно! У меня внутри все поет, когда я вижу этих влюбленных голубков.

— Да, приятное зрелище, — холодно сказала мисс Лей, мысленно обозвав мисс Гловер идиоткой.

Она поискала взглядом доктора Рамзи, предвкушая — вопреки своей позиции проигравшей стороны — предстоящую схватку. Мисс Лей от природы обладала бойцовскими качествами и, даже зная, что поражение неминуемо, никогда не уклонялась от поединка. Доктор Рамзи приблизился к ней.

— Итак, мисс Лей, вы снова к нам вернулись.

Мы все счастливы видеть вас в Корт-Лейз.

«Надо же, какая сердечность», — сердито подумала мисс Лей, ожидая, что за этой репликой доктора последует колкость или упрек.

— Пройдемся по саду? — предложила она. — Полагаю, вам не терпится затеять со мной ссору.

— С превеликим удовольствием. Я имею в виду прогулку по саду. Само собой разумеется, никто не посмеет затевать ссору с такой очаровательной дамой, как вы.

«Он ни за что не сыпал бы любезностями, если бы не собирался потом как следует нагрубить», — решила мисс Лей.

— Я рада, что вам нравится сад, — учтиво сказала она.

— Крэддок все так чудесно обустроил! Прямо глаз радуется.

Тетушка Берты сочла эту реплику насмешкой и, не найдясь с ответом, промолчала. Мисс Лей была мудрой женщиной. Они прошли еще несколько шагов, и вдруг доктор Рамзи выпалил:

— Что ж, мисс Лей, вы все-таки оказались правы!

Она остановилась и в упор посмотрела на своего спутника. Лицо доктора было совершенно серьезным.

— Да, и я готов это признать. Я ошибался. Торжествуете?

Он посмотрел на мисс Лей и затрясся от добродушного смеха.

Мисс Лей почти с отчаянием спросила себя, не издевается ли над ней доктор Рамзи. Впервые за все время она не понимала не только слов доктора, но и его сокровенных мыслей.

— Вы считаете, поместье привели в порядок?

— Просто не представляю, как этому человеку удалось столько сделать за такое короткое время! Да сами посмотрите!

Мисс Лей поджала губы.

— Даже в самые черные дни Корт-Лейз выглядел благородно; теперь же все это, — она огляделась по сторонам, задрав подбородок, — можно принять за вотчину колбасника!

— Мисс Лей, голубушка, вы меня простите, но усадьба выглядела просто неприлично!

— Зато сейчас «прилично»! Именно это меня и возмущает. Мой дорогой доктор, в прежние времена любой прохожий видел, что хозяева Корт-Лейз — достойные люди. Было ясно, что они не могут свести концы с концами — вероятно, потому, что слишком быстро их сожгли, как свойственно тонким натурам (мисс Лей смешала

в кучу выражения). Глядя на все это, любой прохожий извлекал соответствующую мораль. Для дворянина существует только два подобающих состояния: полная нищета или ослепительное богатство; все, что между ними, вульгарно. Теперь же прохожий видит достаток и ухоженность, концы сведены с концами, да, но сделано это чересчур напоказ, как будто тут есть чем гордиться! Боже правый, наследники семьи Лей нынче служат примером того, как разумно следует распоряжаться средствами! Предки славного рода, которые проматывали целые состояния за карточным столом, покупали брильянты, не имея денег на хлеб, и закладывали эти брильянты, чтобы устроить прием для короля, — теперь образец экономности, идеал огородников, торгующих зеленью на базаре!

Мисс Лей обладала недюжинной способностью к фразерству: если начатое ею предложение завершалось красиво, ее не волновало, присутствует ли в нем глубокий смысл, или, напротив, оно представляет собой полную ерунду. Закончив разглагольствовать, мисс Лей взглянула на собеседника, ожидая, что тот выразит свое неодобрение (кстати, справедливое), но доктор Рамзи лишь расхохотался.

— Понимаю, вы хотите, чтобы я еще глубже почувствовал свою неправоту.

«Да о чем он, в конце концов?» — мысленно недоумевала мисс Лей.

— Видите ли, я всерьез считал, что дело примет скверный оборот, — продолжал доктор. — Вполне логично было предположить, что Крэддок поддастся искушению и пустит свое новое богатство на ветер. Сейчас, однако, я готов открыто признать, что ваша племянница сделала наилучший выбор. Эдвард — прекрасный человек. Мы и не подозревали, что у него окажется столько достоинств, да и кто знает, как далеко он еще пойдет.

Будь мисс Лей мужчиной, в этот момент она бы легонько присвистнула; будучи леди, она лишь удивленно подняла брови. Выходит, доктор Рамзи разделяет мнение мисс Гловер?

— А что говорят соседи? — поинтересовалась она. — Несносная миссис Брандертон, миссис Райл (та, что нахально прибавила к фамилии «Мэйстон»), Хэнкоки и остальные?

— Эдвард Крэддок завоевал единодушную любовь. Вся округа отзывается о нем очень лестно. При этом он не задрал нос — в Крэддоке сроду не было ни капли высокомерия — и совершенно не переменился. Не подумайте, что я охотник

признаваться в собственных ошибках, и все же искренне уверяю вас: Эдвард — именно то, что надо. Просто удивительно, с каким уважением к нему все относятся. Клянусь Богом, у Берты есть все основания поздравлять себя с удачным браком. Такие мужья, как Эдвард, на дороге не валяются.

Мисс Лей улыбнулась. К счастью, выяснилось, что она не глупее большинства прочих людей (по ее скромному выражению), поскольку в последнее время сомнения в этом вопросе доставляли ей изрядное беспокойство.

— Значит, все полагают, что Берта и Крэддок счастливы, как голубки?

— Они и есть влюбленные голубки! — воскликнул доктор. — Неужели вы думаете иначе?

Мисс Лей никогда не считала нужным рассеивать заблуждения ближних и, обладая каким-либо знанием, однозначно предпочитала им не делиться.

— Я? — переспросила она. — Я благоразумно присоединюсь к мнению большинства. Это единственный способ заслужить репутацию мудрой особы. — И все же мисс Лей была обычным человеком. — Как по-вашему, кто в этой паре главный? — с колючей улыбкой спросила она.

— Муж, как и полагается, — буркнул доктор Рамзи.

— Считаете, у него больше мозгов?

— А, так вы — феминистка, — презрительно протянул доктор.

— Любезный доктор, я ношу перчатки шестого размера, а туфли — вот, взгляните. — Она продемонстрировала почтенному джентльмену остроносую туфельку на высоком каблуке, одновременно выставив на обозрение кусочек щиколотки, обтянутой ажурным шелковым чулком.

— Я должен воспринимать ваш довод как доказательство мужского превосходства?

— Бог мой, как же вы любите спорить! — рассмеялась мисс Лей, почувствовав себя в своей стихии. — Я знала, знала, что вы намерены со мной поссориться. На самом деле хотите услышать мое мнение?

— Да.

— На мой взгляд, если вы поставите исключительно умную женщину рядом с заурядным мужчиной, то этим ничего не докажете. Как обычно рассуждаем мы, женщины? Берем Джордж Элиот (в которой, кстати, от женщины — лишь юбки, и то не всегда), ставим ее в пару к како-

му-нибудь Джону Смиту и трагическим голосом спрашиваем, можно ли считать, что по своему развитию она ниже его. Согласитесь, это чепуха. Вопрос, которым я задаюсь в последние двадцать пять лет, звучит иначе: действительно ли среднестатистическая неумная женщина глупее среднестатистического неумного мужчины?

— И к какому же ответу вы пришли?

— Честно говоря, разница между ними небольшая.

— Получается, у вас вообще нет никакого мнения? — вскричал доктор.

— Поэтому я и излагаю вам свою теорию.

— Хм, — пробурчал доктор, — а какое отношение это имеет к Крэддокам?

— Никакого. Берта отнюдь не дура.

— Естественно, учитывая, что ей посчастливилось родиться вашей племянницей, так?

— Доктор, по-моему, вы начинаете дерзить, — с улыбкой произнесла мисс Лей.

Когда они вернулись с прогулки по саду, миссис Рамзи в гостиной прощалась с Бертой.

— Нет, в самом деле, мисс Лей, — сказал доктор, — Берта и Эдвард абсолютно счастливы. Все так считают.

— «Все» всегда правы.

— А вы как полагаете?

— Боже милостивый, доктор, до чего ж вы настырны! Скажу так: для Берты книга жизни от начала до конца написана курсивом, а для Эдварда — большими круглыми буквами, как в прописях. Вам не кажется, что это некоторым образом может затруднить процесс чтения?

Глава XIII

Берта давно и с нетерпением предвкушала забавы на свежем воздухе, и летом Эдвард начал учить ее благородной игре в лаун-теннис. Долгими вечерами, когда Крэддок, закончив работу, переодевался во фланелевый костюм, который очень ему шел, супруги отыгрывали на корте сет за сетом. Эдвард гордился своим мастерством и, само собой, находил скучным играть против новичка, но в целом был очень терпелив и надеялся, что со временем супруга приобретет достаточные навыки и станет достойным партнером. Для Берты забава оказалась не такой увлекательной, как она ожидала; обучение продвигалось медленно и с трудом. Тем не менее совместное времяпрепровождение с мужем доставляло ей удовольствие. Берте нравилось, когда он поправлял ее ошибки, показывал различные виды удара; она восхищалась его добродушием и неисчерпаемым оптимизмом. Вместе с Эдвардом она могла без конца играть даже в такие примитивные игры, как банкрот и багатель. Теперь же Берта поджидала ясных дней, чтобы беспрепят-

ственно предаваться общему развлечению. Такие вечера были всегда чудесны, но больше всего она любила по окончании игры лежать в шезлонге, наслаждаясь приятной усталостью, и болтать о разных пустяках, которые любовь делала ужасно интересными и важными.

Мисс Лей уговорили остаться. Тетушка Берты божилась, что уедет в конце недели, однако Эдвард в своей властной манере забрал ключ от кладовой и наотрез отказался его выдавать.

— Нет уж, — говорил он. — Я не могу заставить людей приехать ко мне, зато могу не отпустить. В этом доме все выполняют мои приказы, не так ли, Берта?

— Как тебе будет угодно, милый, — отвечала его жена.

Мисс Лей любезно уступила просьбам племянницы, тем более что в Корт-Лейз ей предоставлялся всяческий комфорт, неотложных планов у нее не было, и вдобавок она собралась более глубоко изучить семейную жизнь своих родственников. Мисс Лей не стала упорствовать в своем намерении уехать, сочтя это недостойной слабостью.

Почему в течение многих дней ее племянница и Крэддок являли собой счастливую пару, а затем ни с того ни с сего Берта едва не набрасыва-

лась на мужа, тогда как он неизменно оставался благодушным и приветливым? Напрашивался очевидный ответ: между супругами порой случались маленькие ссоры, без которых со времен Адама и Евы не обходилось ни в одной семье. Однако мисс Лей менее всего была склонна доверять очевидному. Прямых причин для конфликта не существовало, поскольку Берта соглашалась со всем, что говорил Крэддок. Полная покорность с одной стороны, искреннее добродушие с другой — что же такое могло служить яблоком раздора?

Мисс Лей давно сделала для себя вывод: когда с приближением осени зеленая листва жизни окрашивается в золото и багрянец, можно получить гораздо больше удовольствия, разумно сочетая простоту даров природы с благами цивилизации. По вечерам она устраивалась в удобном кресле подле корта и наслаждалась прохладой, которую давали сень деревьев и большой красный зонт. Рукоделие ее не занимало, поэтому она брала с собой томик любимого Монтеня. Прочитав страницу, мисс Лей переводила внимательный взгляд на игроков. Эдвард, несомненно, был красив. Крэддок отличался большой чистоплотностью и относился к тем мужчинам, каждая черточка которых дышит свежестью ежеднев-

но принимаемой ванны. Сразу было видно, что душистое мыло для него так же свято, как вера в Консервативную партию, скачки в Эпсоме и кризис сельского хозяйства.

Как часто повторяла Берта, энергия била из Крэддока ключом. Несмотря на все возрастающие вес и объем, он сохранял удивительную подвижность и постоянно демонстрировал — хотя его об этом не просили — чудеса силы и ловкости: то перемахивал через изгородь, то на вытянутой руке поднимал за ножку стул.

«Если здоровье и отменное пищеварение — это все, что требуется от мужа, Берта должна себя чувствовать самой счастливой женщиной на свете», — мысленно усмехалась мисс Лей. Тетушка Берты никогда не поклонялась собственным теориям настолько, чтобы утратить возможность посмеяться над ними. Обладая беспристрастным суждением, она четко видела две практически равнозначные стороны вопроса и соответственно была готова с равным пылом отстаивать обе точки зрения.

Игра закончилась, и Берта, тяжело дыша, рухнула в шезлонг.

— Милый, будь добр, собери мячи! — крикнула она.

Эдвард отправился искать укатившиеся теннисные мячи; Берта проводила его восхищенным взглядом.

— Ну разве он у меня не умница? — обратилась она к тете. — Иногда мне просто стыдно за себя.

— Образец добродетели. Доктор Рамзи, мисс Гловер и даже миссис Брандертон прожужжали мне все уши, расхваливая Эдварда.

— Да, он всем очень нравится. Артур Брандертон часто спрашивает у него совета. Такой молодец!

— Кто, Артур Брандертон?

— Да нет же, Эдди.

Берта сняла шляпку и вытянулась в шезлонге. Волосы ее немного растрепались, пышные завитки выбились на лоб и шею так соблазнительно, что привели бы в упоение любого мало-мальски сносного поэта моложе семидесяти лет. Мисс Лей обвела взором изящный профиль племянницы и в который раз восхитилась цветом ее лица — сочетанием нежнейших оттенков заката. Глаза Берты в томной тени длинных ресниц блестели любовью; полные, чувственные губы полуоткрылись в улыбке.

— Волосы совсем разлохматились? — спросила она, прочитав взгляд тетушки.

— По-моему, напротив, тебе идет не слишком гладкая прическа.

— Эдвард терпеть не может, когда я растрепана, он любит, чтобы волосок лежал к волоску. Ну а для меня главное, чтобы он был доволен. Он настоящий красавец, правда?

Не дожидаясь ответа, Берта задала следующий вопрос:

— Тетя Полли, вы, наверное, думаете, что я совсем дура, раз так сильно влюблена в Эдварда?

— Милочка, это совершенно правильное поведение по отношению к законному супругу.

Улыбка Берты погрустнела.

— Эдвард считает меня чересчур привязчивой. — Она следила глазами за тем, как муж поднимает мячики, закатившиеся в кусты; сегодня Берта была настроена на откровенность. — Ах, тетушка, если бы вы только знали, как изменился мир с тех пор, как я полюбила. Он словно бы стал больше, полнее. Любовь — единственное состояние, в котором стоит жить. — Завидев, что Эдвард с восемью мячами на ракетке приближается к ним, она крикнула: — Скорей иди сюда, Эдди, я тебя поцелую!

— Раз так, не подойду! — засмеялся он. — Берта — сплошной кошмар. Мечтает, чтобы я всю

жизнь только и делал, что целовал ее. Это не кажется вам неразумным, тетя Полли? Мой девиз — всему свое время и свое место.

— Один поцелуй утром, — пояснила Берта, — и один на ночь — вполне хватит, чтобы твоя жена сидела тихо, а все остальное время можешь посвящать работе и чтению газет.

Берта вновь обворожительно улыбнулась, но радости в ее глазах мисс Лей не заметила.

— Можно объесться даже самым вкусным блюдом, — сказал Крэддок, балансируя ракеткой, поставленной на кончик носа.

— В том числе общепринятой философией, — заметила Берта.

Через несколько дней, когда гостья объявила о своем окончательном отъезде, Эдвард предложил устроить в ее честь теннисный турнир. Мисс Лей отнюдь не горела желанием тратить время на пустую болтовню со сливками линхэмского общества, но Крэддок был решительно настроен оказать тетушке все возможные почести, а внутренний голос подсказал ему, что в данном случае необходимо устроить хотя бы скромный прием. Итак, гостями вечера стали: мистер и мисс Гловер, Брандертоны, мистер Аттхилл Бэкот — великий политик (местного масштаба) и Хэн-

коки. Мистер Аттхилл Бэкот блеснул не только политическими познаниями, но и галантностью, взявшись развлекать мисс Лей. Достопочтенный джентльмен пустился в обсуждение грехов правительства, а также затронул тему плохой боеспособности армии.

— Больше солдат, больше штыков, — говорил он. — Для офицеров — начальное образование в широком смысле и, при наличии времени, обучение основам грамматики.

— Боже правый, мистер Бэкот, как вы можете произносить такие слова? Я считала вас консерватором.

— Мадам, я участвовал в выборах в восемьдесят пятом, и если бы кандидату от Консервативной партии суждено было пройти в парламент, поверьте, я бы там был. Все дело в ограничениях. Самые стойкие консерваторы меняют взгляды. Взять хотя бы генерала Хэнкока!

— Пожалуйста, потише, — попросила мисс Лей, забеспокоившись. Мистер Бэкот непроизвольно взял свой ораторский тон, и его голос разносился по всему саду.

— Я говорю, взять хотя бы генерала Хэнкока, — повторил он, не обращая внимания на ее просьбу. — Разве это тот человек, под чье коман-

дование вы спокойно отдали бы десять тысяч своих сыновей?

— Надо отдать справедливость, — рассмеялась мисс Лей, — не все генералы так безнадежно глупы, как наш бедный Хэнкок!

— Уверяю вас, мадам, все! Как только выясняется, что человек ни к чему не способен, его тотчас производят в генералы, просто в пример остальным. И легко понять почему. У родителей, отправляющих своего отпрыска в армию, всегда должна быть возможность сказать: «Может, наш сын и дурак, зато из него получится отличный генерал».

— Пожалуйста, не разгоняйте генералов, — сказала мисс Лей. — Они очень кстати на чаепитиях.

Мистер Бэкот открыл рот, чтобы горячо возразить, но тут его окликнул Крэддок:

— Мы хотим включить вас в команду. Сыграете в паре с мисс Хэнкок против моей жены и генерала? — Обернувшись к супруге, он позвал: — Берта, иди сюда!

— Нет, нет, Эдди, сегодня я пропускаю игру, — отозвалась Берта. Она поняла, что муж намеренно поставил всех слабых игроков в одну партию, рассчитывая побыстрее избавиться от них. — Мне

не хочется.

— Ты должна играть, иначе разобьешь следующие пары, — настаивал Крэддок. — Все уже расписано: мисс Гловер и я играем против мисс Джейн Хэнкок и Артура Брандертона.

Берта гневно сверкнула глазами, но Крэддок, конечно, не заметил ее раздражения. Он предпочитал брать в пару мисс Гловер. Сестра священника играла превосходно, и ради хорошей игры Крэддок легко мог пожертвовать чувствами жены. Неужели он не знает, что Берту вообще не интересует теннис, что она участвует в этой забаве только затем, чтобы побыть рядом с ним? Рядом с Крэддоками в этот момент находились только мисс Гловер и Артур Брандертон, и Эдвард в своей обычной добродушной манере пошутил:

— Берта у нас неумеха! Конечно, она пока только новичок. Дорогая, ты не против сыграть в паре с генералом Хэнкоком?

Артур Брандертон засмеялся, Берта тоже улыбнулась мужниной остроте, но при этом покраснела.

— Я совсем не буду играть. Необходимо проследить, чтобы подали угощение, и потом еще не все гости собрались, надо их принять.

— Ах да, я и забыл, — беззаботно ответил Эдвард

и, взяв под руку молодого Брандертона, двинулся прочь. — Идем, старина. Нужно подыскать замену в команду начинающих. — Мысли о жене он уже выбросил из головы.

Эдвард обладал невероятно дружелюбной, открытой манерой общения, так что окружающие моментально проникались к нему симпатией. Берта, бледнея, проводила обоих мужчин взглядом.

— Мне нужно на минутку заглянуть в дом. Фанни, голубушка, займите миссис Брандертон, — сказала она мисс Гловер и поспешно удалилась.

Берта вбежала в спальню, бросилась на кровать и залилась слезами. Унижение казалось ей смертельным. И как только Эдди — любовь всей ее жизни! — мог обойтись с ней так жестоко? Что плохого она ему сделала? Он знает, да, прекрасно знает, какое счастье способен подарить Берте, и нарочно повел себя грубо. Берта горько рыдала, ревность к мисс Гловер (не к кому иному!) внезапно острой болью пронзила ее сердце.

— Он меня не любит! — простонала она, и слезы еще сильнее хлынули из ее глаз.

В дверь постучали.

— Кто там? — крикнула Берта.

Ручка повернулась, в спальню вошла мисс Гловер, от волнения покрывшаяся красными пятнами.

— Прошу прощения, Берта, но мне показалось, что вам нехорошо. Могу я чем-нибудь помочь?

— Ничего страшного, — ответила Берта, вытирая слезы. — Жара плохо действует на меня, вот голова и разболелась.

— Попросить Эдварда подняться к вам? — сочувственно предложила мисс Гловер.

— Зачем мне Эдвард? — раздраженно ответила Берта. — Через пять минут я буду в полном порядке. У меня часто бывают похожие приступы.

— Я уверена, что он не хотел вас обидеть. Он сама доброта!

— Что вы такое вообще говорите, Фанни! — вспыхнула Берта. — Кто не хотел меня обидеть?

— Я подумала, что вы расстроились, когда Эдвард назвал вас неумехой и новичком в игре.

— Милая, вы, должно быть, считаете меня совсем дурочкой! — нервно рассмеялась Берта. — Совершенно очевидно, что я и есть неумеха. Говорю же, всему виной погода. Хорошенькая жизнь у меня была бы, если бы я огорчалась всякий раз, когда Эдди скажет что-либо подобное!

— Может быть, все-таки прислать Эдварда

к вам? — с сомнением в голосе спросила мисс Гловер.

— Боже милостивый, зачем? Видите, мне уже лучше. — Берта промокнула глаза и провела по лицу пуховкой. — Дорогая, мне всего лишь сделалось дурно из-за жары. — Она сделала над собой усилие и звонко расхохоталась, так что сестра викария почти поверила в правдивость ее слов. — Ну, пора идти к гостям, не то миссис Брандертон станет жаловаться на мои скверные манеры больше обычного.

Берта обняла добродетельную деву за талию и почти бегом потащила ее за собой вниз по лестнице, к ужасу и изумлению последней.

За оставшийся вечер Берта ни разу не бросила взгляда на Крэддока, однако блистала очарованием, весело щебетала и смеялась. Все собравшиеся отметили приподнятое настроение хозяйки и сошлись на том, что она совершенно счастлива.

— Глаз радуется, когда видишь такую замечательную пару, — выразил общее мнение генерал Хэнкок. — Полное благополучие в семье!

Однако недавняя сцена не ускользнула от острого взора мисс Лей. С щемящим сердцем она видела, как мисс Гловер побежала вслед за Бертой. К сожалению, в ту минуту мисс Лей не могла

остановить сестру викария, поскольку была связана разговором с миссис Брандертон. «До чего же навязчивы эти добросердечные души! Лучше бы оставила бедную девочку в покое!» — пронеслось у нее в голове.

Чуть позже мисс Лей озарило прозрение, она поняла всю картину. «Какая же я бестолковая! — мысленно отругала она себя и, обмениваясь сладко-завуалированными дерзостями с миссис Брандертон, продолжила обдумывать произошедшее. — Все стало ясно с первого раза, когда я увидела их вместе. Как я могла забыть?»

Мисс Лей пожала плечами и пробормотала себе под нос максиму Ларошфуко:

— *Entre deux amants ily a toujours un qui aime et un qui se laisse aimer*[26].

Помолчав, она на том же языке произнесла еще одну фразу; не зная автора, мисс Лей осмеливалась приписывать ее себе. Ей показалось, что эти слова как нельзя лучше подходят к ситуации.

— *Celui qui aime a toujours tort*[27].

---

[26] Примечания: 26

Из двух любящих один любит, а другой позволяет себя любить *(фр.).*

[27] Примечания: 27

Тот, кто любит, всегда не прав *(фр.).*

Глава XIV

Берта и мисс Лей провели беспокойную ночь. Эдвард же после дневных трудов и сытного ужина, разумеется, спал сном праведника. Берта, лелея свою обиду, с трудом заставила себя поцеловать мужа на ночь, после чего тот, по обыкновению, повернулся к ней спиной и захрапел. Мисс Лей, знавшая о сложностях, которые ожидают семейную чету, спрашивала себя, может ли чем-то помочь. Но чем? Муж и жена читали книгу жизни по-разному: она — курсивом, он — большими круглыми буквами, как в прописях. Возможно ли было подобрать для них общие символы? Естественно, первый год супружества нелегок, и к прочим разочарованиям обычно добавляется пресыщение плоти. В каждом браке неизбежны моменты полного отчаяния, и здесь опаснее всего сторонний наблюдатель, который придает им преувеличенное значение и своим вмешательством обращает преходящую трудность в постоянную, то есть еще туже затягивает узел, вместо того чтобы дождаться, пока его ослабит время.

Эти размышления привели мисс Лей к довольно логичному выводу, который более всего соответствовал ее натуре: в подобных обстоятельствах лучше ничего не предпринимать — пусть все идет своим чередом. Тетушка Берты не стала откладывать свой отъезд и на следующий день покинула родственников, как и собиралась.

— Вот видите, — на прощание сказал ей Эдвард, — я же обещал, что уговорю вас задержаться подольше.

— Эдвард, вы замечательный человек, — сухо ответила мисс Лей. — Я никогда в этом не сомневалась.

Крэддок с удовольствием выслушал комплимент, не уловив иронии. Расставаясь с племянницей, мисс Лей ощущала какую-то подозрительную нежность, неловкую и очень странную. Проявлять чувства она не любила и не умела. Тем не менее ей искренне хотелось сказать Берте, что в трудной ситуации та всегда может рассчитывать на ее дружескую поддержку. Вслух, однако, мисс Лей произнесла лишь следующее:

— Если захочешь приехать в Лондон за покупками, можешь остановиться у меня. И вообще, почему бы тебе для разнообразия — если Эдвард отпустит — не провести месяц-другой в компа-

нии тетушки?

После того как Крэддок увез мисс Лей на вокзал, Берте вдруг стало очень одиноко. Все эти недели тетушка служила барьером между ней и Эдвардом; приезд мисс Лей оказался очень кстати, когда после первых месяцев безумной страсти Берта понемногу начала понимать, что связана узами брака с мужчиной, которого совсем не знает. Присутствие в доме третьего лица заставляло сдерживать свои порывы, теперь же Берта смотрела в будущее почти со страхом. Любовь к Эдварду причиняла ей горькие душевные страдания. Нет, она по-прежнему любила мужа горячо и страстно, а он… он испытывал к ней всего лишь легкую, спокойную привязанность. Одна мысль об этом приводила Берту в ярость.

Зарядили дожди, в течение двух дней о теннисе не могло быть и речи. На третий день проглянуло солнышко, земля быстро подсохла. Эдвард уехал в Теркенбери, но к вечеру возвратился.

— Эй, — воскликнул он, обращаясь к жене, — ты почему еще не оделась для тенниса? Поторопись!

Только этого Берта и ждала. Ей надоело постоянно уступать и унижаться; надо наконец выяснить отношения.

— Ты хороший игрок, — сказала она, — но я больше не хочу с тобой играть.

— Господи, это почему же?

Берту прорвало:

— Потому что я до смерти устала быть для тебя удобной вещью! У меня есть своя гордость, я не позволю с собой так обращаться! И не смотри на меня, будто не понимаешь. Ты играешь со мной только тогда, когда больше не с кем, разве нет? И так во всем! Ты готов общаться с кем угодно, хоть с распоследним болваном, лишь бы не со мной! Всем своим поведением выказываешь презрение к собственной жене!

— Что еще я натворил?

— Конечно, ты уже не помнишь! Тебе и в голову не приходит, что из-за тебя я страшно несчастлива. Думаешь, мне нравится, что ты прилюдно насмехаешься надо мной, будто я какая-нибудь дурочка?

Крэддок прежде не видел жену в таком бешенстве, и на этот раз у него не было возможности уйти от разговора. Берта стояла, стиснув зубы; щеки ее гневно пылали.

— Ты имеешь в виду то, что произошло позавчера? Я заметил, что ты разозлилась.

— И отнесся к этому с полным равнодушием!

— Глупенькая ты у меня, — рассмеялся Крэддок. — Не можем же мы играть в паре, когда у нас гости. Люди обхохочутся, видя, что мы словно приклеены друг к дружке.

— Жаль, что они не догадываются о твоем истинном отношении ко мне!

— Если бы ты не надула губки и не отказалась играть совсем, я мог бы сыграть с тобой позже.

— Да тебе бы это даже в голову не пришло! Можно подумать, я не знаю, какой ты эгоист.

— Погоди, Берта, — беззлобно воскликнул Крэддок, — это что-то новенькое! Эгоистом меня еще никто не называл.

— Ну еще бы! Тебя считают очаровашкой. В округе думают, раз ты всегда такой добренький, раз улыбаешься всем и каждому, значит, у тебя прекрасный характер. Если бы они изучили тебя так хорошо, как я, то поняли бы, что твое дружелюбие — только маска! Тебе плевать на людей. Ты обращаешься с человеком, как с лучшим другом, а через пять минут после расставания напрочь забываешь о нем. И хуже всего то, что я значу для тебя не больше, чем все остальные!

— Не может быть, чтобы ты на самом деле считала меня таким страшным грешником.

— Ты ни разу и мелочью не поступился, чтобы

выполнить даже самое горячее мое желание!

— Послушай, ты сама знаешь, что я не стану делать то, что считаю неразумным.

— Если бы ты меня любил, то не задумывался бы, разумно или неразумно то, чего я хочу. Я не слишком-то думала о благоразумии, когда выходила за тебя.

Эдвард промолчал. Естественно, это разозлило Берту еще больше. Она гневно отшвырнула букет, который собиралась поставить в вазу. Эдвард все так же молча двинулся к двери.

— Куда ты? — осведомилась она.

— Ну, раз ты не хочешь составить мне пару, я потренируюсь один.

— Почему бы тебе не послать за мисс Гловер? Она придет и сыграет с тобой.

Крэддоку в голову пришла новая идея (дабы не нарушать душевного равновесия, мысли посещали его сравнительно не часто), однако ее нелепость заставила Эдварда расхохотаться.

— Уж не ревнуешь ли ты меня, Берта?

— Я? — с величайшим презрением переспросила та, затем передумала: — Ты предпочитаешь играть с ней, а не со мной!

Крэддок мудро пропустил часть обвинения мимо ушей.

— Посмотри на нее и на себя. Неужели ты считаешь, что я могу предпочесть ее тебе?

— У тебя хватит глупости.

Слова сорвались с языка Берты помимо ее воли, а язвительный тон сделал их еще более оскорбительными. Побледнев от страха, она взглянула на мужа.

— Ох, Эдди, извини…

Господи, и зачем только она это брякнула! Берта страшно сожалела о своей несдержанности. Крэддок с безразличным видом перелистывал страницы книги. Она подошла к нему.

— Ты ведь не обиделся, милый? Прости, я не хотела этого говорить.

Берта вложила пальцы в ладонь Эдварда, он молчал.

— Не сердись на меня, — робко повторила Берта и, не выдержав, зарылась лицом в его грудь. — Я ничего такого не думала, просто сильно разозлилась. Ты просто не представляешь, как унизил меня позавчера. Я не спала всю ночь!.. Поцелуешь меня?

Крэддок отвернул лицо, но она не отставала, пока наконец не нашла его губы.

— Скажи, что ты на меня не сердишься.

— Я на тебя не сержусь.

— О, Эдди, мне очень нужна твоя любовь, — промурлыкала Берта. — Особенно теперь, когда я… жду малыша.

В ответ на его изумленный возглас она продолжила:

— До сегодняшнего дня я не была уверена… Ах, милый, я так рада. Именно это мне и нужно для полного счастья.

— Я тоже рад, — сказал Крэддок.

— Пожалуйста, Эдди, будь добрее ко мне и потерпи, если я буду нервничать и злиться. Сам знаешь, это случается помимо моей воли, и, кроме того, потом я всегда сожалею о своем поведении.

Крэддок поцеловал жену со всей страстностью своей апатичной натуры и вернул покой измученному сердцу Берты.

Берта намеревалась до последнего хранить в секрете свою новость — маленькая тайна служила ей утешением в горести и преградой против нарастающего разочарования. Она еще не была готова примириться с открытием, пока смутным, что Эдвард с его холодным темпераментом не способен удовлетворить ее бурную страсть. Для нее любовь была ярким пламенем, поглощающим всю жизнь; для него — удобным и нужным явлением Божьего промысла, и волноваться по

поводу этого явления стоило не более, чем, к примеру, при заказе костюма у портного. Жаркая любовь Берты некоторое время заслоняла собой холодность мужа; она упорно не замечала, что виной всему ее собственная чрезмерная пылкость. Берта обвиняла Крэддока в безразличии и терзала себя вопросом, как завоевать его сердце. Гордость молодой женщины страдала от того, что она любила с большей силой, нежели любили ее. Целых шесть месяцев она слепо обожала Эдварда, но, даже прозрев, отказывалась признать очевидный факт и по-прежнему видела лишь то, что хотела видеть.

Тем не менее правда, пробившая себе путь сквозь сонм иллюзий, доставляла ей страшные муки. Она боялась, что Эдвард не просто разлюбил ее, но и вообще никогда не любил. Берта колебалась между прежней горячей привязанностью и новой, столь же лютой ненавистью. Она говорила себе, что ничего не делает наполовину — либо любовь, либо отвращение, но в любом случае — от всего сердца. Однако теперь ситуация полностью менялась — появление ребенка все искупало. Теперь уже не имело значения, любит ее Эдвард или нет. Берта больше не страдала, сознавая, как наивны были ее надежды, как быстро

рухнул идеал. Она уже чувствовала, как крохотные ручки сына одну за одной разрывают нити, привязывавшие ее к Крэддоку. Когда Берта заподозрила, что беременна, она издала ликующий возглас, в котором, помимо радости предстоящего материнства, звучало предвкушение близкой свободы. Когда же подозрения переросли в уверенность, чувства ее — всегда непостоянные, как апрельские ветра, — изменились. Навалившаяся слабость заставила Берту желать поддержки и сочувствия со стороны мужа, и тайну пришлось раскрыть. В тот самый день во время безобразной ссоры она бросала ему горькие упреки и обвинения, а сама только и мечтала о том, как Эдвард заключит ее в объятия и скажет, что любит. Чтобы возродить угасающую страсть Берты, требовалось совсем чуть-чуть; она нуждалась в помощи Эдварда и не могла жить без его любви.

Неделя проходила за неделей, и Берта с растроганным сердцем стала замечать перемены в поведении Эдварда, еще более очевидные на фоне его прежнего равнодушия. Теперь он относился к жене, как к тяжелобольной, требующей некоторого внимания. У Крэддока на самом деле было доброе сердце; в этот период он делал для Берты все, что не вынуждало его жертвовать собствен-

ным комфортом. Когда врач велел побаловать ее каким-то деликатесом для усиления аппетита, Эдвард охотно поехал за этим лакомством в Теркенбери. В присутствии Берты он старался говорить и ходить тише. Вскоре он настоял на том, чтобы сносить ее по лестнице на руках, и хотя доктор Рамзи уверял Берту, что в этом нет никакой необходимости, она не позволила Крэддоку отказаться от этой процедуры. В его сильных руках она чувствовала себя маленькой девочкой и с удовольствием прижималась к широкой груди мужа. С приходом зимы, когда было слишком холодно, чтобы выезжать на прогулку, Берта долгими часами лежала на кушетке у окна, разглядывая аллею вязов, опять безлистых и унылых, наблюдая за тяжелыми тучами, что приходили с моря, — в ее душе царили мир и покой.

В один из дней нового года она, как обычно, сидела у окна и увидела Эдварда, гарцующего верхом по аллее. Крэддок остановился перед окном и взмахнул хлыстом.

— Как тебе мой новый жеребец? — крикнул он Берте.

В этот момент конь попятился и едва не угодил задними копытами в клумбу.

— Тихо, дружок! — осадил его Крэддок. — Стой

смирно, я сказал!

Жеребец встал на дыбы и злобно прижал уши. Эдвард спешился и подвел коня к окошку.

— Ну разве не красавец? Только погляди, каков! — Он провел рукой по передней ноге коня, погладил лоснящуюся шерсть. — Отдал за него всего тридцать пять гиней. Сейчас отведу его в конюшню и приду домой.

Через несколько минут Эдвард присоединился к жене. Костюм для верховой езды сидел на нем превосходно, в высоких сапогах с отворотами он выглядел лучше и значительнее, нежели обычный охотник-сквайр, чей образ всегда был для Крэддока идеалом. Покупка привела его в отличное расположение духа.

— Это тот самый зверь, что на прошлой неделе сбросил Артура Брандертона. Артур сломал ключицу и потянул лодыжку, теперь хромает. Говорит, что ему еще никогда не приходилось объезжать эдакого стервеца. Вряд ли он отважится на вторую попытку! — презрительно расхохотался Крэддок.

— Надеюсь, ты не купил эту лошадь? — встревоженно спросила Берта.

— Еще как купил. Нельзя же было упускать такую возможность! Настоящий красавчик, только

с норовом — впрочем, как и все мы.

— Но ведь на него опасно садиться!

— Самую малость. Поэтому он достался мне задешево. Артур отдал за этого жеребчика сто гиней, а мне предлагал за семьдесят. «Нет уж, — говорю, — даю тебе тридцать пять и беру на себя риск сломать шею». Он, конечно, согласился. Зверь заработал дурную славу в округе, вряд ли Брандертону удалось бы легко его спихнуть. А я умею укрощать таких лошадок, меня попробуй сбрось из седла!

Берта затряслась от страха.

— Эдди, ты же не собираешься на нем ездить? А если что-то случится? Господи, и зачем только ты его купил!

— Это отличный жеребец, — сказал Крэддок. — Если кто и сможет его объездить, то это я, и, клянусь Богом, я намерен рискнуть. Не для того же я купил этого коня, чтобы он простаивал в стойле! А иначе меня просто поднимут на смех.

— Эдди, умоляю, не надо. Какая разница, что скажут люди? Я ужасно за тебя боюсь. Пожалуйста, хоть разочек сделай, как мне хочется. Я ведь так редко тебя о чем-то прошу!

— Когда ты обращаешься ко мне с разумными просьбами, я всегда стараюсь их удовлетворить.

Я не могу пустить животное под нож после того, как выложил за него тридцать пять гиней.

— Вот так всегда: ты готов выполнить мою просьбу, только если она не противоречит твоим собственным желаниям.

— Что ж, все мы таковы, верно? Ну-ну, Берта, не капризничай. — Крэддок шутливо ущипнул жену за щеку. — Как известно, женщинам подавай все подряд, даже луну с неба; знают, что ее не достать, и все равно выпрашивают. — Эдвард сел рядом с Бертой, взял за руку. — Расскажи-ка лучше, как ты сегодня провела день. К нам кто-нибудь заходил?

Берта тяжело вздохнула: она абсолютно не имеет влияния на мужа. Ни слезы, ни мольбы не помешают ему осуществить задуманное. Сколько бы она ни спорила, Эдвард всегда докажет, что она не права, и, довольный, уйдет по своим делам. Ладно, теперь она не одна, у нее будет ребенок.

— Благодарение Господу, — вполголоса пробормотала она.

Глава XV

Крэддок выехал на новом жеребце и вернулся с победоносным видом.

— Он вел себя смирно, как ягненок. Я мог бы ехать с завязанными за спиной руками. А уж как прыгуч! Запросто берет барьер из пяти перекладин.

Берта злилась на мужа за то, что заставил ее изрядно понервничать, и на себя за излишние переживания.

— Удачно, что я решил выехать на нем сегодня. Старый лорд Филип Дирк, который там был, спросил обо мне у Брандертона, а потом сказал: «Передайте ему, что на своем веку я повидал не много людей, которые так хорошо бы держались в седле». Брандертон чуть не позеленел: он уже жалеет, что отдал мне жеребца за тридцать пять гиней. А мистер Молсон подошел ко мне и говорит: «Я знал, что рано или поздно этот дикарь попадет в ваши руки. Кроме вас, в здешних местах с ним никто не управится. Правда, можете считать себя счастливчиком, если не свернете шею, объезжая его», — с удовольствием переска-

зывал полученные комплименты Крэддок. — Да, славно мы сегодня покатались. А как твои дела, дорогая? — продолжил он. — Хорошо себя чувствуешь? А, вспомнил! Ты знаешь Роджерса, егеря? Так вот он мне сказал: «Знатный у вас жеребчик, хозяин, да больно норовистый». А я ему: «Это верно, только уж поверьте, я знаю толк в лошадях». Все ждали, что конь меня сбросит, а я знай себе держался в седле и нарочно еще покрасовался, чтобы они видели — я не трус.

Крэддок подробно изложил события с дотошностью немецкого историка; он относился к тем людям, которые уделяют особенное внимание мелочам и гордятся тем, что всегда доводят начатое до конца.

У Берты разболелась голова, рассказ мужа ей наскучил; она решила, что с ее стороны очень глупо так переживать о его безопасности.

Месяц шел за месяцем, и с каждым днем мисс Гловер становилась все более заботливой. Сестра викария считала беременность таинственным и волнующим процессом, но при этом, как и полагалось благовоспитанной особе, усиленно делала вид, что ничего не замечает. В ее отношении к приятельнице появилась нелепая застенчивость, и всякий раз, когда Берта с присущей ей

откровенностью заговаривала о предстоящем событии, мисс Гловер от смущения краснела как мак. Самым большим мучением в жизни мисс Гловер как хозяйки в доме викария было попечительство над «Материнским приданым» — благотворительным обществом, которое снабжало младенцев из бедных семей пеленками и одеждой, а их матерей — фланелевым бельем. Задавая обычные вопросы получательницам помощи, она непременно краснела и, в глубине души убежденная, что подобные темы вообще не следует обсуждать, всякий раз отводила глаза, что вызывало бурное негодование у добродетельных беднячек.

— Лучше совсем не брать эти ее тряпки, чем терпеть такое обращение, — жаловалась одна из них. — Смотрит на меня, будто… будто я какая безмужняя!

— Вот и я о том же, — соглашалась другая. — Так и хочется ткнуть ей в нос свидетельством. Я честная женщина, и мне нечего стыдиться. Чего там стесняться, коли уже шестнадцать детишек родила!

Само собой разумеется, чем неприятнее была обязанность, тем ревностнее относилась к ее выполнению мисс Гловер. Она считала своим

долгом регулярно навещать Берту и мужественно сносила настойчивость, с которой молодая женщина возвращалась к неприятному предмету разговора. В своем героизме сестра священника дошла до того, что стала вязать носочки для будущего малыша, хотя сердце ее во время этого занятия беспокойно сжималось, а когда за вязанием сестру застал священник, щеки у той вспыхнули огнем.

— Берта, голубушка, — сказала она однажды, собравшись с духом и выпрямив спину, как делала всегда, когда укрощала плоть, — я хочу с вами серьезно поговорить.

— Не утруждайте себя, Фанни, — улыбнулась Берта, — вам ведь это не по душе.

— Я должна, — серьезно промолвило кроткое создание. — Знаю, вы надо мной посмеетесь, но я не отступлюсь.

— Я вовсе не буду над вами смеяться, — мягко сказала Берта, которую тронуло смирение подруги.

— Берта, вы много говорите о том… что вскоре должно произойти, — мисс Гловер зарделась, — однако я думаю, что вы еще как следует не готовы.

— И всего-то? — воскликнула Берта. — Аку-

шерка приедет через две недели; доктор Рамзи говорит, что она очень опытная.

— Я имела в виду не мирскую подготовку, — возразила мисс Гловер, — а иную. Вы уверены, что приближаетесь к… событию в должном состоянии духа?

— Чего вы от меня хотите?

— Вопрос не в том, чего от вас хочу я, а в том, что вам следует сделать. Я — никто и ничто. Скажите, вы задумывались о божественном смысле того, что вас ожидает?

Берта издала роскошный чувственный вздох.

— Я думала о том, что у меня будет сын от Эдди, и за это я безмерно благодарю небеса.

— Не хотите, чтобы я время от времени читала вам Библию?

— Боже мой, Фанни, вы говорите так, будто я скоро умру.

— Никто не знает, что ему суждено, — мрачно ответствовала мисс Гловер. — Я считаю, что вам следует подготовиться. Среди жизни мы смертны.

Берта взглянула на нее с легким беспокойством. В последнее время она заставляла себя бодриться и отгонять участившиеся дурные предчувствия. Сестра викария даже не подозревала, что всем

своим поведением только расстраивает будущую мать.

— Я захватила с собой мою личную Библию, — сказала она. — Хотите, почитаю?

— Хочу, — ответила Берта, по спине которой пробежал холодок.

— Предпочитаете какую-то определенную главу? — уточнила мисс Гловер, извлекая книгу из маленькой черной сумочки, которую всегда носила при себе.

Узнав, что предпочтений у Берты не имеется, она предложила открыть Библию наугад и начать с первой строки, попавшейся на глаза.

— Чарльз, правда, этого не одобряет, говорит, что такой способ отдает суеверием. Но мне он все равно нравится, да и первые протестанты постоянно к нему обращались.

Мисс Гловер зажмурилась, открыла Библию, потом опустила взгляд и начала читать:

— «Сыновья Фареса: Есром и Хамул. Сыновья Зары: Зимри, Ефан, Еман, Халкол и Дара; всех их пятеро… — Мисс Гловер откашлялась. — …Сын Ефана: Азария. Сыновья Есрома, которые родились у него: Иерахмеил, Арам и Хелувай. Арам же родил Аминадава; Аминадав родил Наассона, князя сынов Иудиных».

Ей попалось генеалогическое древо из Первой книги Паралипоменон. Глава была очень длинная и сплошь состояла из имен, непривычных и труднопроизносимых. Однако мисс Гловер удалось не исковеркать ни одного. Тягучим и немного напыщенным тоном, позаимствованным у викария, его сестра зачитывала нескончаемый список. Берта изумленно смотрела на нее, а мисс Гловер размеренно продолжала.

— Конец главы, — сказала она некоторое время спустя. — Хотите, прочту еще одну?

— С удовольствием, — ответила Берта. — Только, по-моему, та, что вы выбрали, не совсем к месту.

— Дорогая, не хочу вас укорять — мой долг не в этом, — но вся Библия от начала до конца всегда к месту.

По мере того как приближался срок, Берта все больше падала духом, ее часто охватывал панический страх. Сердце без всякой причины начинало сжиматься, она с ужасом думала о предстоящих родах. Она была уверена, что умрет, и спрашивала себя, что же будет дальше. Как будет жить без нее Эдвард? Слезы подступали к глазам Берты при мысли о его безутешном горе, но затем молодую женщину вдруг охватило подозрение, что

Крэддок вовсе не станет убиваться по ней, и губы ее задрожали от жалости к самой себе. Эдвард не способен на острые переживания, радостные или горькие. Он не будет плакать; самое большее — его жизнерадостность на несколько дней притухнет, а потом он встряхнется, и жизнь пойдет своим чередом. Берта с горечью представила, как Эдвард будет купаться во всеобщем сочувствии. Через полгода он почти забудет свою покойную супругу, да и оставшиеся воспоминания будут не слишком приятны. Он женится снова. Эдвард ненавидит одиночество и в следующий раз несомненно выберет женщину иного склада, менее далекую от его идеала, чем Берта. Внешняя красота не имеет для него значения, и ее преемница будет либо страшилищем, как мисс Хэнкок, либо бесцветной молью, как мисс Гловер, причем, по злой иронии, и та, и другая лучше Берты подойдет ему в качестве спутницы жизни.

Берта растравляла себя, воображая, что Эдвард охотно предпочел бы ее красоту какому-нибудь более практичному достоинству, например, умению шить. В глазах Крэддока ее изысканный вкус, ум и образованность — ничто, а порывистая страстность — и вовсе изъян. «Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто для

дела гож», — говаривал он. Эдвард — простой, непритязательный мужчина, и жена ему нужна такая же.

Берта гадала, действительно ли ее смерть станет для мужа ударом. Овдовев, он получит по завещанию все, чем она владеет, и будет жить-поживать на эти денежки с новой женой. Ее вдруг охватила безумная ревность.

— Нет, я не умру! — простонала она сквозь стиснутые зубы. — Не умру!

Однажды, когда Эдвард уехал поохотиться, Бертой вновь завладели черные мысли. А вдруг она все-таки не выживет? Размышляя об этом, Берта испытывала безотчетный ужас и одновременно какой-то сладкий восторг; она никак не могла отогнать картины, которые со странной отчетливостью рисовало ей воображение. *Вот она сидит за фортепиано и слышит у крыльца топот конских копыт. Эдвард вернулся! Раздается звонок в дверь. С чего бы Эдварду звонить? Снаружи слышится приглушенный гул голосов, входит Артур Брандертон.* Мысленным взором Берта ясно видела каждую деталь. *На Артуре охотничий костюм… Что-то случилось! Она уже знает, что именно, и все же лихорадочно перебирает в уме различные варианты. Артур нервничает, он*

хочет что-то сказать и не осмеливается. Берта смотрит на него, и ее вдруг охватывает такая страшная слабость, что подгибаются колени.

Сердце Берты часто забилось. Что за глупость — воображать всякие ужасы! Однако, пока она убеждала себя, разум вновь рисовал ей жуткие сцены. Она словно писала отвратительную пьесу, в которой сама же играла главную роль. Что же она сделает, когда ей все-таки сообщат о гибели Эдварда? Наверное, закричит или рухнет без чувств. *«Произошел несчастный случай, — молвит Брандертон. — Ваш муж серьезно ранен». Берта заламывает руки; ее страдания мучительны. «Пожалуйста, успокойтесь», — продолжает Артур, стараясь смягчить трагическое известие.*

Внезапно, без каких-либо промежуточных деталей, Берта обнаруживает себя подле супруга. Он лежит на полу мертвый. Берта в точности представляла, как он будет выглядеть: иногда Эдвард спал так крепко и беззвучно, что она пугалась и прикладывала ухо к его груди, чтобы убедиться в том, что он жив. Отчаяние накрыло Берту холодной волной. Она снова попыталась прогнать фантазии и даже села за фортепиано и сыграла несколько нот, но болезненные видения

неудержимо влекли ее, и пьеса продолжилась. *Бездыханный Эдвард уже не может отвергнуть или оттолкнуть ее, теперь он беспомощен, и она осыпает его поцелуями со всей своей страстью, проводит руками по волосам, гладит лицо (при жизни он терпеть не мог этих ласк), целует губы и закрытые глаза.*

Воображаемое горе было настолько сильным, что Берта разрыдалась. *Она не отходит от тела, отказывается покидать комнату…* Берта зарылась лицом в подушки, чтобы полностью отдаться иллюзии, с которой уже перестала бороться. *Ах, как она любила мужа! Любила и не могла без него жить. Зная, что вскоре умрет, она боялась кончины. Но теперь все изменилось, теперь смерть для нее желанна. Берта целует руки Эдварда — он уже не может их отнять — и, трепеща, приоткрывает один глаз покойного: остекленевший взгляд пуст и недвижен. Обливаясь слезами, Берта кидается Крэддоку на грудь, сердце ее разрывается от любви и боли. Она никому не позволит прикасаться к телу; для нее утешение — обрядить в последний путь того, кто составлял всю ее жизнь. Она и сама не подозревала, что любила Эдварда так сильно.*

Берта раздевает покойного, обмывает тело:

аккуратно обтирает влажной губкой и нежно промокает полотенцем. Соприкосновение с холодной плотью вызывает у нее сладострастную дрожь: она вспоминает, как Эдвард обнимал ее сильными руками и целовал в губы. Берта накрывает тело белой простыней и обкладывает цветами. Усопшего кладут в гроб, и внутри у нее все обрывается. Она не может расстаться с ним после того, как провела рядом весь день и всю ночь, глядя на спокойное, умиротворенное лицо. Доктор Рамзи и мисс Гловер настаивают, чтобы она покинула комнату, но Берта отказывается. К чему теперь беспокоиться о ее здоровье? Она жила только ради Эдварда. Гроб накрывают крышкой, перед Бертой проплывают лица могильщиков. Она больше не увидит своего возлюбленного. Сердце ее каменеет, невыносимая давящая боль заставляет схватиться за грудь.

Картины быстро сменяют друг друга: дорога в церковь, отпевание, гроб, усыпанный цветами, и, наконец, могила. Берту уговаривают остаться дома, но она игнорирует глупый и жестокий обычай, запрещающий ей поехать на кладбище. Разве хоронят не того, кто был светом ее жизни, супругом и повелителем? Людям не понять тоски и безысходного отчаяния молодой вдовы. Лежа

в своей спальне, в сумраке зимнего дня Берта отчетливо услышала глухой звук, с которым гроб опустили в могилу; стук комьев земли о крышку.

Каково отныне будет ее существование? Она постарается жить, окружит себя вещами Эдварда, чтобы вечно хранить память о нем. Корт-Лейз опустел, Берта страдает в глухом одиночестве. Серые дни тянутся унылой бесконечной вереницей; и лето, и зима одинаково тоскливы — над головой Берты постоянно висят тяжелые тучи, на деревьях нет листвы, все черно и безотрадно. Уезжать бессмысленно, путешествие не принесет облегчения. Жизнь угасла. Берте уже не нужны шедевры живописи и архитектуры, не нужно синее небо Италии. Утешение она находит только в слезах.

Берта рассеянно подумала о самоубийстве. *…Жизнь для нее слишком тягостна. Лучше совсем распрощаться с этим миром, лучше могильный холод, чем непрерывная ноющая боль. Это совсем просто: немного морфия, и книга горестей будет закрыта. Отчаяние придаст ей смелости, только и вытерпеть, что один укол иглы…* Видение потеряло четкость, Берте пришлось напрячься, чтобы удержать его. Мысли утратили связность, вновь вернулись к похоронам и чувственному

удовольствию, испытанному во время обмывания тела.

Картины были настолько яркими, что появление Эдварда стало для Берты полной неожиданностью. В следующий миг, однако, на нее нахлынуло огромное облегчение, которое было не передать словами. Она словно пробудилась от страшного кошмара, Когда Крэддок приблизился к ней, чтобы поцеловать, она бросилась ему на шею и крепко прижала к груди.

— Хвала Господу! — воскликнула она.

— Эй, а что стряслось?

— Даже не знаю, что со мной. Эдди, мне было так плохо! Я думала, что ты умер.

— Вижу, ты плакала.

— О, это было ужасно! Я никак не могла выкинуть из головы эту гадкую мысль. Меня тоже ждет скорая смерть.

Казалось, Берта не сознает, что муж стоит рядом, живой и здоровый.

— А ты будешь горевать, если я умру? — спросила она.

— Конечно же, ты не умрешь, — бодро заверил Крэддок.

— Иногда мне становится так страшно! Я не верю, что справлюсь.

Эдвард расхохотался, и его веселый смех подействовал на нее особенно успокаивающе. Она усадила мужа рядом с собой и взяла за руки. Берта гладила эти руки, бывшие для нее воплощением силы и мужественности, целовала ладони. От недавних переживаний она совсем обессилела — ее пальцы дрожали, в глазах блестели слезы.

Глава XVI

С приездом акушерки мрачные предчувствия Берты усилились. Эта немолодая женщина уже двадцать лет принимала на свет младенцев окрестной знати и держала в запасе уйму страшных историй. По ее словам, деторождение было связано с неисчислимыми ужасами, и свои истории она рассказывала с леденящим душу вдохновением. Сама она считала, что таким образом действует во благо. Берта нервничала, и повитуха не нашла лучшего способа успокоить бедную женщину, чем описывать бесконечные случаи, когда ее пациентки, от которых отказались все доктора, по нескольку дней находились на грани смерти, но в итоге выздоравливали и с тех пор жили долго и счастливо.

Богатая фантазия Берты многократно усилила степень предстоящих мук, так что в конце концов от страха она почти лишилась сна. Не представляя, что именно ее ждет, она пугалась еще сильнее и воображала лишь долгую и страшную агонию, а затем смерть. Ей непременно хотелось, чтобы Эдвард все время был рядом.

— Ты прекрасно справишься, — убеждал он жену. — Поверь, тут абсолютно нечего пугаться.

Крэддок много лет разводил скот и совершенно спокойно воспринимал процесс, благодаря которому снабжал местных мясников телятиной, бараниной и говядиной. Суета, которую люди поднимали вокруг рядового, естественного явления, казалась ему нелепой.

— Дина, мой ирландский терьер, помню, щенилась, как патроны отстреливала, и через десять минут уже вовсю бегала по двору.

Берта лежала лицом к стене и вспотевшей от волнения рукой стискивала пальцы Эдварда.

— Ох, я так боюсь боли. Я точно знаю, что не вытерплю. Лучше бы мне не проходить через эти круги ада.

Позже она начала видеть свое спасение в докторе Рамзи.

— Вы же не допустите, чтобы мне было больно? Я просто не вынесу боли. Вы ведь дадите мне хлороформ, правда? — умоляла она.

— Боже праведный! — возмущался доктор. — Можно подумать, до вас в целом свете никто не рожал!

— Пожалуйста, не смейтесь надо мной. Разве вы не видите, как я напугана?

Берта приставала к акушерке с расспросами, как долго продлится боль. Она лежала в кровати белая как полотно, с расширенными от ужаса глазами и маленькой вертикальной морщинкой между бровями.

— Нет, я не вытерплю, — шептала она. — Я предчувствую скорую смерть.

— Я не видел еще ни одной женщины, которая бы не предчувствовала скорую смерть, — заметил доктор Рамзи, — даже если она всего лишь прищемила палец.

— Смейтесь, смейтесь, — жалобно промолвила Берта. — Не вам же терпеть.

Мысль о том, что она умрет в родах, не оставляла ее.

На следующий день акушерка велела срочно послать за доктором. Берта взяла с Эдварда обещание, что он не оставит ее ни на минуту.

— Мне будет не так страшно, если ты возьмешь меня за руку, — сказала она Крэддоку.

— Ерунда! — отрезал доктор Рамзи, когда Эдвард передал ему слова Берты. — Не хватало еще, чтобы под ногами путался муж.

— Согласен, — кивнул Крэддок. — Просто я пообещал Берте, что буду ее успокаивать.

— Главное — сами сохраняйте спокойствие,

ничего иного от вас не требуется.

— За меня не волнуйтесь, я понимаю в этих вещах. Держу пари, дорогой доктор, за свою жизнь я принял больше родов, чем вы!

Эдвард был чрезвычайно здравомыслящим мужчиной, предметом восхищения любой дамы. Вот и сейчас он не впадал в истерику, не нервничал. Спокойный, выдержанный, приземленный, Крэддок обладал именно теми качествами, которые важны в трудной ситуации.

— Не вижу смысла торчать дома целый день, — сказал он. — Я буду только мешаться. Если потребуется, за мной всегда можно послать.

Крэддок велел передать Берте, что отправляется на ферму Бьюли посмотреть на захворавшую корову, чье состояние его беспокоило.

— Это самая удойная корова из всех, что я видел. Прямо не знаю, что и делать, если с ней что-нибудь случится. Она дает так много молока, что уже сто раз окупила деньги, которые я за нее заплатил.

Он шел по дороге своей непринужденной походкой, которая так нравилась Берте, окидывая взглядом окрестные поля. Один раз он остановился, чтобы поближе рассмотреть фасоль, растущую на участке другого фермера.

— Почва плохая, — покачал головой Крэддок. — На такой земле хороших бобов не дождешься.

Добравшись до фермы Бьюли, он подозвал работника, который ухаживал за больной коровой.

— Ну, как она?

— Все так же, хозяин.

— Плохо дело. Томпсон ее смотрел?

Томпсоном звали местного ветеринара.

— Да толку-то! Говорит, у ней абсес, только не очень-то я верю этому мистеру Томпсону. Его папаша был простым работником, вот как я, только не за скотиной ходил, а камень клал. Уж не знаю, чего там его сын понимает в коровьих хворях.

— Идем, проведаем ее, — сказал Крэддок.

В сопровождении работника он зашагал к хлеву.

Бедное животное, опустив голову и сгорбив спину, понуро стояло в углу.

— Я думал, Томпсон даст ей какое-нибудь лекарство, — произнес Крэддок.

— Он сказал, ее надо отвесть на бойню, — презрительно отозвался работник.

Эдвард негодующе хмыкнул.

— Еще чего! Я его самого на бойню отведу.

Он вошел в фермерский дом, много лет бывший ему родным. Встреча с прежним жильем не

вызвала у этого практичного и приземленного человека никаких чувств, никаких воспоминаний.

— Добрый день, миссис Джонс, — поздоровался Крэддок с женой арендатора. — Как поживаете?

— Сносно, сэр. А как дела у вас и миссис Крэддок?

— У меня все хорошо, а жена скоро должна родить.

Крэддок разговаривал веселым, беззаботным тоном, который притягивал к нему людей.

— Батюшки-светы, да неужели, сэр! А я ведь знала вас еще мальчишкой. Когда ждете первенца?

— С минуты на минуту. Может статься, что я вернусь к ужину счастливым отцом.

— Надо же, как скоро!

— Самое время, миссис Джонс. Мы женаты уже шестнадцать месяцев, так что пора.

— Ну что ж, сэр, через это проходят все женщины. Надеюсь, у вашей миссис хорошо со здоровьем.

— Да, отлично. Правда, она маленько капризна. У женщин в голове вечно какие-то фантазии, уж как чего выдумают! Только сегодня рассказывал доктору Рамзи про мою собаку. Была у меня сука терьера, так она щенилась целой дюжиной и тут же вскакивала как ни в чем не бывало. Отчего

женщины не такие? Поднимают вокруг родов столько шума и суеты, что поседеть можно.

— Вы держитесь молодцом, хозяин, — сказал фермер Джонс, знавший Эдварда еще бедняком.

— Я-то? — засмеялся Крэддок. — Уж кому-кому, а мне все про это известно. Посмотрите, сколько телят я принял. Между прочим, за все время, что я развожу скот, у меня лишь раз или два корова не растелилась. Ладно, пойду погляжу, как там моя женушка. До свидания, миссис Джонс.

— Чем мне нравится наш хозяин, так это своей простотой, — заметила жена фермера. — Ни капельки не чванлив и не побрезгует выпить с тобой чашку чая, хоть и выбился в господа.

— Да уж, лучший сквайр за последние тридцать лет, — подтвердил Джонс. — И верно говоришь, голубушка, всегда прост и приветлив, не то что его половина.

— Ну, она еще молоденькая, — ответила миссис Джонс. — Правду люди говорят, теперь он настоящий хозяин. Научит жену, как себя вести.

— Да уж, спуску не даст. Крэддок не потерпит всяких глупостей.

Эдвард шагал по дороге, помахивая тростью, насвистывая и разговаривая с собаками, которые бежали следом. Он был настроен на лучшее и

надеялся, что забивать лучшую корову в стаде не придется. Своей интуиции Крэддок доверял больше, чем ветеринару: животное обязательно поправится.

Он миновал подъездную аллею Корт-Лейз, радуясь тому, что молодые вязы, посаженные им на месте прогалов, хорошо принялись и пошли в рост. Крэддок вошел в дом и повесил шляпу на крючок. Неожиданно до его слуха донесся пронзительный крик.

— Так-так, — произнес он себе под нос. — Кажется, пошло.

Он поднялся наверх, постучал в спальню. Доктор Рамзи открыл дверь, но загородил проем своей крупной фигурой.

— Не беспокойтесь, — сказал Эдвард, — я не намерен входить. Понимаю, когда лучше держаться подальше. Как она?

— Боюсь, все идет не так гладко, как я предполагал, — шепотом сообщил доктор. — Но волноваться пока рано, дело просто чуть-чуть затягивается.

— Если что, я буду внизу.

— Она все спрашивала про вас, но акушерка сказала, что вы только расстроитесь, если придете, поэтому Берта не велела вас впускать. Говорит:

«Я перетерплю в одиночку».

— Хорошо, хорошо. В такие минуты мужу лучше подождать в другой комнате.

Доктор Рамзи закрыл дверь и мысленно похвалил Эдварда: «Разумный малый! Он нравится мне все больше и больше. На его месте многие мужчины тряслись бы от страха да вытворяли бы бог знает что».

— Это был Эдди? — спросила Берта дрожащим от недавно перенесенной боли голосом.

— Да, приходил справиться о вас.

— Ох, бедненький! — простонала она. — Он не сильно огорчился? Не говорите ему, что у меня все плохо, иначе он совсем упадет духом. Я справлюсь без его помощи.

Спустившись, Эдвард справедливо рассудил, что нервничать бессмысленно, а потому уселся в самое удобное кресло и развернул газету. Перед ужином он еще раз поднялся наверх, чтобы выяснить, как идут дела. Доктор Рамзи, вышедший за дверь, сказал, что дал Берте опия и какое-то время она пролежит тихо.

— Удачно, что вы дали ей лекарство сейчас, доктор, — со смехом произнес Эдвард. — Мы с вами как раз сможем перекусить.

Мужчины сели за стол и начали есть. Оба мог-

ли похвастаться завидным аппетитом, и доктор, который уже полюбил Эдварда, точно родного, признался, что ему приятно смотреть на человека, который ест как следует. Не успели они взяться за пудинг, как служанка принесла известие от акушерки о том, что Берта пришла в себя. Доктор Рамзи с сожалением встал из-за стола, Эдвард невозмутимо продолжил трапезу. Наконец, с удовлетворенным вздохом сытого человека, помнящего о добродетели, он раскурил трубку, вновь устроился в кресле и через несколько минут начал клевать носом. Вечер тянулся долго, Крэддок заскучал. «Пора бы ей уже родить, — сказал он себе. — Чего доброго, придется не спать всю ночь».

Когда Эдвард поднялся наверх в третий раз, доктор Рамзи выглядел встревоженно.

— Боюсь, случай серьезный, — сообщил он. — Весьма сожалею. Бедняжка сильно мучается.

— Могу ли я чем-то помочь? — осведомился Крэддок.

— Вряд ли. Просто сохраняйте присутствие духа.

— Разумеется. Смею сказать, выдержкой я не обделен.

— Вы — молодчина, — промолвил доктор Рам-

зи. — Мне нравятся люди, которые высоко держат голову в трудной ситуации.

— Собственно, я хотел узнать, есть ли необходимость в том, чтобы я бодрствовал? Конечно, если что-то нужно, я все выполню, но если моей помощи не требуется, я лучше лягу.

— Да, идите спать. Если понадобится, вас разбудят. Но прежде зайдите на минутку к Берте, ободрите ее парой слов.

Крэддок вошел. Берта лежала с открытыми глазами, в которых застыл страх перед чем-то новым, увиденным впервые в жизни; их взор стеклянно блестел. Лицо ее было бледнее обычного, губы обескровели, щеки запали, как у умирающей. Она приветствовала Эдварда еле заметной улыбкой.

— Как ты, девочка моя? — спросил он.

Его присутствие словно вернуло Берту к жизни: на щеках затеплился слабый румянец.

— Хорошо, — с трудом проговорила она. — Не волнуйся за меня, милый.

— Тяжко тебе, да?

— Нет, — храбро ответила она. — Мне не так уж и больно. Тебе нечего волноваться.

Едва Крэддок вышел, Берта позвала доктора Рамзи.

— Вы не говорили ему о моих мучениях? Не

надо, чтобы он знал.

— Нет, нет, все нормально. Я отправил его спать.

— О, замечательно. Эдди обязательно должен выспаться. Скажите, как долго это еще продлится? Кажется, будто меня выкручивает уже целую вечность, и конца этому не видно.

— Надеюсь, скоро все закончится.

— Я наверняка умру, — прошептала Берта. — Я чувствую, как жизнь постепенно уходит из меня. Знаете, я бы с радостью умерла, если бы не Эдди. Моя смерть станет для него ударом.

— Что за чепуху вы мелете! — возмутилась акушерка. — Все вы говорите, что умрете, а через несколько часов будете в полном порядке.

— Думаете, это займет еще несколько часов? О нет, я больше не могу. Доктор, пожалуйста, не заставляйте меня страдать!

Эдвард спокойно лег в постель и вскоре заснул, однако сон его оказался беспокойным. Обычно он спал крепко и безмятежно, как спит человек со здоровыми нервами после хорошей физической нагрузки; в эту ночь его посещали сновидения. Ему снилось, что заболела не одна корова, а все стадо. Сгорбленные коровы уныло взирали на него мутными глазами. Ясно было, что их внут-

ренности поражены какой-то опасной болезнью. Быков «раздуло» — распухшие вдвое, они лежали на спинах и беспомощно болтали в воздухе копытами.

— Ничего тут не сделаешь, — мрачно сказал ветеринар. — Всех на бойню.

— Господи, спаси и помилуй, — охнул Крэддок. — Мне не дадут и четырех шиллингов за стоун[28].

Сквозь сон послышался стук в дверь. Эдвард проснулся от того, что доктор Рамзи тряс его за плечо.

— Вставайте, дружище. Одевайтесь поскорей.

— Что случилось? — воскликнул Крэд док, вскакивая с кровати и хватая одежду. — Который час?

— Половина пятого. Нужно съездить в Теркенбери за доктором Спенсером. Берта очень плоха.

— Хорошо, я сейчас его привезу.

Эдвард быстро оделся.

— Пойду разбужу конюха и велю подать повозку, — сказал доктор Рамзи.

— Нет-нет, я сам, так будет быстрее, — ответил Эдвард, аккуратно зашнуровывая ботинки.

---

[28] Примечания: 28

Стоун — английская мера веса; 1 стоун равен 6,35 кг или 14 фунтам.

— Прямого риска для жизни Берты нет, но я обязан проконсультироваться. Пока есть надежда, что Берта разрешится от бремени благополучно, — произнес доктор.

— Надо же, — покачал головой Крэддок. — Я не знал, что дело так обернется.

— Не волнуйтесь раньше времени, держите себя в руках. Сейчас важно, чтобы вы как можно быстрее привезли Спенсера. Еще не все потеряно.

Рассудок Эдварда был совершенно ясен. Он проворно собрался и, не мешкая, принялся запрягать лошадь, но сперва, вспомнив поговорку «Поспешишь — людей насмешишь», зажег все фонари. Через две минуты он выехал на дорогу и взмахнул хлыстом. Пустив лошадь ровной рысью, Крэддок поехал сквозь безмолвную ночь.

Доктор Рамзи вернулся к роженице и вновь подумал, как хорошо иметь под рукой человека, на которого всегда можно положиться и который не теряет головы ни при каких обстоятельствах. Его уважение к Крэддоку возрастало с каждой минутой.

Глава XVII

Эдвард Крэддок был сильным мужчиной, не склонным к фантазиям. На ночной дороге он не поддавался гнетущим мыслям, не позволял тревоге взять над ним верх и все внимание отдавал управлению повозкой, глядя прямо перед собой. Лошадь шла в хорошем темпе, мильные столбы проносились один за другим. В Теркенбери Эдвард позвонил в дверь дома, где жил доктор, и через слугу передал записку. Доктор Спенсер вскоре спустился — маленький плотный человечек с писклявым голосом и привычкой бурно жестикулировать. Он подозрительно покосился на Эдварда.

— Полагаю, вы — муж? — спросил он, когда повозка с грохотом покатилась по мостовой. — Если хотите, я могу править лошадью. Вы, наверное, чересчур взволнованы.

— Нет, и не собираюсь волноваться, — засмеялся Крэддок.

К городским жителям он относился немного свысока и уж тем более не доверял коротышке ростом меньше шести футов и притом грузному.

— Я побаиваюсь нервных мужей, которые посреди ночи на бешеной скорости везут меня бог знает куда, — сказал доктор Спенсер. — Их так и тянет в канаву.

— Я совершенно спокоен, доктор, и до ваших страхов мне нет никакого дела.

Выехав на открытую местность, Крэддок пустил лошадь во весь опор. Высказанное доктором желание взять поводья его позабавило. Какой нелепый человечек!

— Крепко держитесь? — спросил он с беззлобной насмешкой.

— Вижу, вы неплохо управляетесь.

— Не в первый раз, — скромно ответил Эдвард. — Ну вот, приехали.

Он провел врача в спальню и спросил у доктора Рамзи, нуждается ли тот далее в его услугах.

— Нет, прямо сейчас вы мне не нужны, но на всякий случай не ложитесь. Боюсь, состояние Берты действительно очень тяжелое. Приготовьтесь к худшему.

Эдвард удалился в соседнюю комнату и сел в кресло. Он искренне беспокоился за жену, но даже теперь не мог осознать, что она находится на грани жизни и смерти. Соображал он медленно, представлять, что произойдет в будущем, не

умел. Более эмоциональный человек на его месте давно побелел бы от страха, нервы у него были бы натянуты, как струны, а в голове вертелись бы десятки самых страшных мыслей. Такой человек не мог бы принести никакой пользы, тогда как Эдвард держался наготове. Его без опасений можно было опять отправить за десять миль, чтобы привезти необходимое снадобье, и в любом деле он оказался бы ценным помощником, спокойным и хладнокровным.

— Не стану вас отвлекать, — сказал Крэддок доктору Рамзи. — Если от меня будет какой-то толк у постели Берты, не стесняйтесь, зовите. Обещаю, что в обморок не упаду.

— Думаю, вряд ли вы сможете чем-то помочь. Акушерка опытная, ей можно доверять.

— Женщины вечно нервничают и суетятся, — заявил Эдвард. — Если можно совершить какую-то глупость, непременно ее совершат.

Однако после ночной поездки по свежему воздуху его начало клонить в сон. Просидев в кресле с полчаса, в течение которых он пытался читать книгу, Крэддок задремал, но проспал недолго. Забрезжившее утро наполнило комнату холодным серым светом. Он посмотрел на часы.

— Н-да, долгое это дело, — пробормотал он себе

под нос.

В дверь постучали, вошла акушерка.

— Идемте, сэр.

В коридоре его ждал доктор Рамзи.

— Слава Богу, все. Она, конечно, намучилась.

— С ней все в порядке?

— Ваша жена вне опасности, но ребенка, к сожалению, спасти не удалось.

У Крэддока кольнуло сердце.

— Он умер?

— Родился мертвым. Этого я и боялся. Сейчас пойдите к Берте, вы ей нужны. Она еще не знает про ребенка.

Берта выглядела крайне изможденной. Она лежала на спине, руки были безвольно вытянуты по бокам. Лицо посерело от перенесенной физической боли; потухшие глаза были полуприкрыты, нижняя челюсть обозначилась резко, почти как у покойницы. Увидев Эдварда, Берта попыталась улыбнуться, но настолько ослабла, что едва сумела пошевелить губами.

— Не разговаривайте, голубушка, — сказала акушерка, видя ее старания.

Эдвард наклонился и поцеловал Берту. На ее щеках заалел слабый румянец, по лицу покатились безмолвные слезы.

— Подойди ближе, Эдди, — прошептала она.

Крэддок, внезапно растрогавшись, опустился на колени возле кровати. Он взял Берту за руку, и это прикосновение словно вернуло ее к жизни. Она глубоко вздохнула, на губах появилась усталая улыбка.

— Хвала небу, все закончилось, — простонала Берта. — Милый, ты не представляешь, что мне пришлось вытерпеть. Было так больно…

— Ну-ну, все позади, — успокоил ее Эдвард.

— Ты тоже волновался, да, дорогой? Я знала, что ты разделяешь мою боль, и это придавало мне сил. Какой ты молодец, что ради меня отправился в Теркенбери.

— Берта, вам нельзя разговаривать, — сказал вошедший доктор Рамзи. Он проводил доктора Спенсера и вернулся в спальню.

— Мне лучше, — сообщила Берта. — Я посмотрела на Эдди и сразу почувствовала себя лучше.

— Вам нужно отдохнуть.

— Мне еще даже не сказали, кто родился — мальчик или девочка? Говори, Эдди, ты ведь уже знаешь!

Крэддок с тревогой посмотрел на врача.

— Мальчик, — коротко ответил доктор Рамзи.

— Я не сомневалась, — пробормотала Берта.

По ее лицу разлилось выражение блаженства, мертвенная серость исчезла. — Какая радость! Эдди, ты уже видел малыша?

— Нет.

— Подумать только, это наш с тобой ребенок! Ради этого стоит вынести любые страдания. Я так счастлива.

— Тебе нужно поспать.

— Я совсем не хочу спать, я хочу видеть моего сына.

— Сейчас не время, — сказал доктор Рамзи. — Ребенок спит, его нельзя будить.

— Я только посмотрю одним глазочком. Не надо никого будить.

— Посмóтрите после того, как поспите, — успокоил Берту доктор. — Сейчас вы только разволнуетесь.

— Разрешите хотя бы Эдди взглянуть на нашего мальчика. Эдди, иди и поцелуй его, и тогда я смогу заснуть.

Берте страстно хотелось, чтобы если не она, то хоть отец увидел ребенка, и акушерка отвела Крэддока в соседнюю комнату. На комоде лежало нечто, накрытое полотенцем. Акушерка подняла полотенце, Эдвард увидел свое дитя: маленькое голое тельце, неприятное и мало чем напомина-

ющее человека, но в то же время вызывающее невероятную жалость. Глаза были закрыты — эти глаза так и не увидели мир. Несколько мгновений Эдвард разглядывал мертвого младенца.

— Я обещал поцеловать его, — прошептал он.

Крэддок наклонился и тронул губами холодный лоб. Акушерка накрыла трупик полотенцем, и они вернулись к Берте.

— Он спит? — спросила та.

— Да.

— Ты его поцеловал?

— Да.

Берта улыбнулась:

— Вот ведь как, ты поцеловал малыша раньше, чем я.

Снотворное, которое ввел доктор Рамзи, наконец подействовало, и Берта почти моментально погрузилась в спокойный сон.

— Давайте прогуляемся по саду, — предложил доктор Рамзи. — Когда она проснется, я должен быть рядом.

Воздух был свежим, напоенным запахами весенних цветов и земли. После душной комнаты оба с наслаждением вздохнули полной грудью. Доктор Рамзи взял Эдварда под руку.

— Крепитесь, мой мальчик, — сказал он. — Вы

с честью выдержали трудную ситуацию. Ни разу не видел человека, который умел бы держать себя в руках лучше вас. Да и сейчас вы выглядите бодрым и полным сил, как будто отлично выспались.

— Да, я в порядке, — кивнул Крэддок. — Как поступить с… ребенком?

— Полагаю, Берта лучше перенесет известие, когда отдохнет. Я просто не осмелился сказать, что младенец родился мертвым — побоялся, что для нее это станет слишком большим ударом.

Мужчины вернулись в дом, умылись, позавтракали и принялись ждать, пока Берта проснется. Наконец акушерка их позвала.

— Бедненькие! — воскликнула Берта, когда они вошли в спальню. — Наверное, глаз не сомкнули! Я прекрасно себя чувствую, и мне нужен малыш. Акушерка говорит, что ребеночек спит, но я от нее не отстану. Я хочу видеть своего сыночка, хочу, чтобы он спал со мной.

Эдвард и акушерка посмотрели на доктора Рамзи, но тот вдруг смутился.

— Берта, лучше вам на него сегодня не смотреть. Вы только расстроитесь.

— Нет, нет, и слышать ничего не хочу. Акушерка, принесите мне ребенка!

Эдвард вновь опустился на колени подле кровати и взял руки жены в свои.

— Берта, пожалуйста, не волнуйся, но с ребенком не все хорошо и…

— О чем ты? — Берта резко села в постели.

— Лягте, лягте! — в один голос воскликнули акушерка и доктор Рамзи, укладывая Берту обратно на подушки.

— Что с моим ребенком? — в страхе вскрикнула она.

— Как и говорит Эдвард, с ним не все хорошо.

— Он ведь не умрет, правда? Я столько вынесла… — Она переводила растерянный взор с одного на другого. — Ради Бога, не молчите, скажите, в чем дело! Я готова услышать любую правду.

Доктор Рамзи тронул Эдварда за рукав и кивнул.

— Милая, у нас печальные новости. Ребенок…

— Он жив? Жив? — пронзительно крикнула Берта.

— Мне очень жаль, дорогая… Ребенок родился мертвым.

— Господи-и! — взвыла Берта.

Издав горестный вопль, она залилась слезами. Берта рыдала долго и бурно — молодая женщина оплакивала свою жизнь, надежды на счастье,

мечты и желания. Ей казалось, что сердце в груди вот-вот лопнет. В отчаянии она закрыла лицо руками.

— Значит, я мучилась напрасно? Боже, Эдди, если бы ты только знал, какая это нестерпимая боль! Всю ночь я думала, что умираю. Я отдала бы все на свете, только бы кончились мои страдания. И вот теперь оказывается, все было зря!

Берта судорожно всхлипывала. Воспоминание об испытанных муках и осознание их тщетности сокрушили ее.

— Лучше бы мне умереть!

Эдвард со слезами на глазах целовал руки Жены.

— Держись, моя милая, — промолвил он, не находя слов утешения. Голос его дрогнул.

— О, Эдди, — проговорила Берта, — ты страдаешь не меньше моего. Прости, я об этом забыла. Дайте мне взглянуть на младенца.

Доктор Рамзи подал знак акушерке, та принесла мертворожденного ребенка и, откинув полотенце, показала Берте его личико. Быстро взглянув, Берта потребовала:

— Покажите целиком.

Акушерка убрала материю. Берта молча смотрела на тельце, затем отвернулась. Акушерка

унесла ребенка.

Слезы на глазах Берты высохли, но на лице пролегла неизгладимая печать скорби.

— Я уже любила его всем сердцем… — еле слышно произнесла она.

Эдвард склонился над ней.

— Не убивайся, дорогая.

Она обвила шею мужа руками, как часто делала раньше.

— Люби меня всем сердцем, Эдди! Мне так нужна твоя любовь.

Глава XVIII

Долгое время Берта была раздавлена горем. Она постоянно думала о ребенке, искра жизни в котором угасла, прежде чем он появился на свет, и сердце ее беспомощно сжималось. Но более всего Берту терзала мысль о напрасно перенесенных мучениях. Ей до сих пор снились кошмары, в которых она раз за разом переживала ужасную, разрывающую тело боль, и все это было зря, зря. Роды так сильно подорвали ее здоровье, что она уже не надеялась полностью поправиться. Берта утратила душевную энергию, живость и жизнерадостность, украшавшие ее прежде; она словно превратилась в старуху. Усталость страшно изматывала — Берте казалось, что никакой отдых не сможет избавить ее от этого невыносимого утомления. День за днем она проводила в состоянии безнадежного изнурения: голову поддерживали подушки, вытянутые руки лежали поверх одеяла; все ее члены полностью обессилели.

Восстановление шло медленно. Эдвард предложил выписать мисс Лей, но Берта отказалась.

— Не желаю никого видеть, — сказала она. —

Просто хочу лежать в тишине.

Разговоры с людьми ее раздражали, и даже чувства на время угасли. На мужа Берта смотрела, как на чужого, присутствие и отсутствие Крэддока ее почти не волновали. Она ощущала лишь усталость и мечтала только о покое. Сочувствие было излишним и бесполезным — Берта знала, что никто не сможет постичь всей глубины ее скорби, и потому предпочитала страдать в одиночестве.

И все же мало-помалу силы к ней возвращались. Берта начала видеться со знакомыми, которые приходили ее навестить — одними двигало неподдельное сожаление, другими — лишь чувство долга или злорадное любопытство. Визиты мисс Гловер были сущей пыткой. Сестра викария испытывала к Берте самое искреннее сочувствие, однако эмоции — это одно, а осознание того, что хорошо и что дурно, — совсем другое. Мисс Гловер считала, что молодая женщина принимает свое горе без должного смирения. Полную прострацию, владевшую Бертой вначале, со временем сменило бурное возмущение. Несправедливость судьбы приводила ее в бешенство. Сестра священника приходила каждый день с цветами и разумными советами, но Берта

упорствовала в своем бунтарстве и отказывалась принимать благие утешения мисс Гловер. Когда это кроткое создание вслух читало Берте отрывки из Библии, та слушала, угрюмо поджав губы.

Иногда мисс Гловер осведомлялась:

— Дорогая, вам нравится слушать Библию?

Однажды терпение Берты лопнуло, и она не смогла сдержаться.

— Вижу, вас это развлекает, — едко ответила она на вопрос.

— Берта, вы относитесь к религии без должного почтения! Нельзя быть такой непокорной, это очень, очень скверно!

— Все мои мысли только о ребенке, — хрипло ответила Берта.

— Отчего вы не помолитесь Богу? Берта, милая, давайте помолимся вместе, прямо сейчас!

— Нет, я не собираюсь молиться. Ваш Бог либо бессилен, либо жесток.

— Берта! — в страхе воскликнула мисс Гловер. — Вы сами не понимаете, что говорите! Молите Бога, чтобы он избавил вас от упрямства, молите его о прощении!

— Мне не нужно его прощение, я ничего плохого не делала. Это Бог нуждается в том, чтобы я его простила!

— Дорогая, вы не в себе и не знаете, что говорите, — сурово и печально произнесла мисс Гловер.

Берта все еще была больна, поэтому мисс Гловер не решилась продолжить разговор, хотя и серьезно встревожилась. Она раздумывала, не обратиться ли за помощью к брату — из-за своей нелепой застенчивости она лишь в крайних случаях осмеливалась обсуждать с викарием духовные вопросы. Тем не менее она безгранично верила в мистера Гловера: брат олицетворял для нее идеал христианского священника. Несмотря на то что силой характера мисс Гловер превосходила викария, он служил для нее символом опоры, и в прежние времена, когда плоть еще не была укрощена, сестра часто находила поддержку и утешение в его весьма посредственных проповедях.

В конце концов мисс Гловер отважилась поговорить с братом. В результате она целую неделю избегала поднимать религиозные темы в беседах с больной, а затем, когда Берта немного окрепла, без предупреждения привела брата в Корт-Лейз.

Она вошла в комнату Берты одна, в своем горячем стремлении к пристойности побоявшись, что та, лежа в постели, может быть недостаточно прилично одета для встречи с духовным лицом.

— Я сегодня не одна, — сообщила она. — Внизу ждет Чарльз, он хочет с вами увидеться. Я решила сперва проверить, готовы ли вы его принять.

Берта сидела в кровати, окруженная горой подушек. Яркий красный капот резко контрастировал с темными волосами и бледным лицом. Услышав о приходе викария, она поджала губы и слегка нахмурила лоб. Ее реакция не укрылась от мисс Гловер.

— По-моему, она не в восторге от твоего визита, — сказала она брату (дабы ободрить его), — однако это твой долг.

— Да, это мой долг, — отозвался мистер Гловер. Викарию предстоящая беседа нравилась еще меньше, чем Берте.

Это был честный человек, которого глубоко угнетало нашествие диссентеров, однако его священнические обязанности сводились лишь к церковным службам, сбору пожертвований и посещению набожных бедняков. Встреча с аристократкой, впавшей в ересь, была для него чем-то совершенно новым, он с трудом представлял, как следует повести разговор.

Мисс Гловер открыла дверь спальни и пропустила брата вперед. Викарий вошел, за ним ощутимо повеяло холодом с примесью карболки.

Мисс Гловер торжественно поставила для него стул у постели Берты, а второй — на некотором расстоянии, для себя.

— Фанни, пока вы не сели, велите, пожалуйста, подать чаю, — попросила Берта.

— Если не возражаете, Чарльз хотел бы сначала поговорить с вами, — смущенно заметила мисс Гловер. — Верно, Чарльз?

— Да, дорогая.

— Берта, я взяла на себя смелость рассказать брату то, о чем мы с вами недавно говорили.

Губы миссис Крэддок вытянулись в тонкую ниточку, она промолчала.

— Надеюсь, вы на меня не рассердитесь. Я посчитала своим долгом это сделать. Чарльз, можешь начинать.

Линхэмский викарий откашлялся.

— Я вполне понимаю, — промолвил он, — что вы чрезвычайно остро переживаете свое горе. То, что с вами случилось, очень печально. Разумеется, мы с Фанни соболезнуем вам от всего сердца.

— Да, да, — закивала его сестра.

Поскольку Берта хранила молчание, мисс Гловер слегка растерялась. Священник вновь откашлялся.

— В то же время я полагаю, что мы должны

быть благодарны Богу за крест, который каждый из нас несет. Можно сказать, Господь дает человеку столько испытаний, сколько тот способен выдержать.

Берта упорно молчала, и священник вопросительно глянул на сестру. Мисс Гловер поняла, что хождение вокруг да около пользы не принесет.

— Видите ли, Берта, — нарушила она тягостную тишину, — мы с Чарльзом очень хотели бы, чтобы вы прошли обряд воцерковления. С позволения сказать, будучи гораздо старше вас, мы оба уверены, что это пойдет вам на благо. Мы рассчитываем на ваше понимание и согласие, но, помимо этого, Чарльз как приходский священник пришел напомнить вам, что это ваш христианский долг.

— Надеюсь, мне не придется использовать это в качестве последнего довода, миссис Крэддок, — вставил мистер Гловер.

Берта, помолчав еще секунду, попросила молитвенник. На лице мисс Гловер появилась почти что сияющая улыбка.

— Я давно собиралась сделать вам маленький подарок, — объявила она. — Мне пришло в голову, что вам понравился бы молитвенник с хорошим крупным шрифтом. Я обратила вни-

мание, что книжечка, которую вы держите в руках в церкви, слишком мала и вам, видимо, приходится напрягать зрение, отчего вы испытываете искушение не следовать за молитвой глазами. Сегодня я принесла вам именно то, что надо, и вы доставите мне огромное удовольствие, если примете мой скромный дар.

Мисс Гловер извлекла из сумочки увесистый том, обтянутый мрачной черной материей и источающий запах антисептиков, которые насквозь пропитали дом викария. Шрифт оказался действительно крупный, но поскольку благотворительное общество, на чьи средства печаталось издание, настаивало на сочетании дешевизны и практичности, бумага была прескверной.

— Большое спасибо, Фанни, — поблагодарила Берта, протягивая руку за подарком. — Вы очень добры.

— Хотите, я найду «Воцерковление женщин»? — предложила мисс Гловер.

Берта кивнула, и сестра священника подала ей раскрытую книгу. Прочитав несколько строк, Берта захлопнула молитвенник.

— У меня нет ни малейшего желания «возносить многажды благодарение Господу», — заявила она почти свирепо. — Простите, что не

разделяю ваших предрассудков, но мне кажется нелепым «падать ниц, преисполнившись благодарности».

— Миссис Крэддок, надеюсь, на самом деле вы так не думаете, — произнес викарий.

— О чем я тебе и говорила, Чарльз, — подхватила мисс Гловер. — Берта еще не совсем здорова, но все равно, слышишь, какие ужасные вещи она говорит?

Берта нахмурилась, с трудом сдерживая язвительные замечания, готовые сорваться с губ; терпение ее было на исходе. Мисс Гловер замялась.

— Мы должны быть благодарны Господу не только за ниспосланную благодать, но и за испытания, — после паузы произнесла она.

— Я не червь, чтобы ползать по земле и благодарить ногу, которая меня давит!

— Берта, не богохульствуйте, — сказала мисс Гловер.

— Фанни, вы просто несносны! — вспыхнула Берта. — Неужели вы не понимаете, через что мне пришлось пройти? Мне даже теперь хочется кричать от страха, когда я вспоминаю ту боль. Знаете, каково это? Твое тело словно разрывают на куски острыми крючьями! Ты стараешься дер-

жаться, стискиваешь зубы, но боль невыносима, и ты кричишь, кричишь!..

— Берта, Берта! — Мисс Гловер попыталась остановить этот поток слов, испугавшись, что столь интимные подробности могут оскорбить целомудренный слух линхэмского викария.

— …и это длится целую вечность! Все стоят вокруг тебя, как привидения, и ничего не делают. Говорят, что надо потерпеть, что скоро все закончится, а оно не кончается и не кончается! Боль накатывает волнами снова и снова, и кажется, что уже не выдержишь, и мечтаешь только о смерти…

— Страданиями душа совершенствуется, — сурово произнесла мисс Гловер. — Страдание — это Божье пламя, выжигающее все низменное из материальной природы человека.

— Что за чушь вы несете! — возмутилась Берта. — Вы утверждаете так, потому что сами не страдали. Говорят, что страдание возвышает, но это ложь! Страдание лишь огрубляет. Я готова была вытерпеть что угодно ради счастья быть матерью, но все оказалось зря, абсолютно зря. Доктор Рамзи сказал мне, что ребенок умер еще в утробе. Если Бог нарочно послал мне эти муки, с его стороны это бесчестно! Удивляюсь, как вам

не стыдно прославлять вашего Бога! Как можно быть таким глупым, таким жестоким? Даже самый отъявленный мерзавец на свете не стал бы так издеваться над женщиной ради собственной потехи. Ваш Господь — подлый негодяй на петушиных боях, упивающийся видом крови; он грубо хохочет, глядя, как несчастные создания бьются из последних сил!

Мисс Гловер вскочила на ноги.

— Берта, болезнь не оправдывает вашего поведения! Либо вы сошли с ума, либо совершенно развращены и порочны!

— Нет, Фанни, я более терпима и милосердна, чем вы. Я знаю, что Бога нет.

— В таком случае мне с вами не о чем говорить!

Щеки мисс Гловер пылали, внезапный приступ негодования затмил ее всегдашнюю робость.

— Фанни, Фанни, — воскликнул ее брат, — держи себя в руках!

— Нет, Чарльз, сейчас не время отмалчиваться. Иногда нужно открыто высказывать свое мнение. Вот что, Берта, если вы записались в атеистки, я не желаю иметь с вами ничего общего!

— Она говорила в пылу гнева, — вступился за Берту викарий. — Мы не вправе судить ее.

— Наш долг — не допускать богохульства. Если ты считаешь, что положение Берты оправдывает ее гадкие речи, то тебе следует стыдиться, Чарльз. Лично я не боюсь говорить вслух то, что думаю. Берта, я давно знала, что вы гордячка и упрямица, но надеялась, что время вас исправит. Я всегда верила в вас, поскольку думала, что в глубине души вы добрая женщина. Но если вы дошли до того, что отрицаете своего Создателя, моя дорогая, то вы безнадежны!

— Фанни, Фанни, — попытался урезонить сестру викарий.

— Не затыкай мне рот, Чарльз! Берта, вы гадкая, испорченная особа, и я уже не испытываю к вам сочувствия, потому что вы заслужили все, что выпало на вашу долю! У вас нет сердца, а бессердечная женщина — это худшее, что только может быть на свете.

— Милая Фанни, — с улыбкой промолвила Берта, — мы обе ведем себя глупо, будто играем в дешевой пьесе.

— Речь идет об очень серьезных вещах, и я не вижу в них ничего смешного. Идем, Чарльз, оставим Берту наедине с ее ужасными идеями.

Мисс Гловер решительно направилась к двери, но в этот момент ручка повернулась снаружи

и на пороге показалась миссис Брандертон. Ситуация вышла неловкая, однако викарий счел появление гостьи почти что знаком провидения, поскольку он в отличие от сестры не мог молча покинуть комнату и в то же время не отважился бы на прощание пожать Берте руку, будто ничего не произошло.

Миссис Брандертон вошла в спальню, по обыкновению, жеманно улыбаясь и стреляя глазами по сторонам; при каждом шаге на ее новой шляпке тряслись побрякушки.

— Я сказала прислуге, что сама найду дорогу, — промолвила она. — Берта, дорогая, я так хотела вас повидать!

— Мистер и мисс Гловер уже уходят, — сказала Берта. — Как мило, что вы решили меня навестить!

Мисс Гловер вылетела из комнаты, изобразив на лице жуткую улыбку. Священник, как всегда, робкий, учтивый и насквозь пропахший антисептиками, обменялся рукопожатием с миссис Брандертон и последовал за сестрой.

— Ну и странные же люди! — заметила миссис Брандертон, наблюдая из окна, как викарий и мисс Гловер выходят через парадную дверь. — Как будто не от мира сего. Глядите, она идет

впереди, да еще такими огромными шагами. Хм, могла бы и подождать брата. А он-то, он! Торопится за ней. Наперегонки они бегут, что ли? Чудная парочка! Жалко, что сестрица не носит коротких юбок, правда? Боже, ее огромные щиколотки просто уродливы. Верно, они с братцем то и дело путают, где чьи ботинки. А как ваши дела, дорогая? Вы выглядите гораздо лучше.

Миссис Брандертон села таким образом, чтобы полностью видеть себя в зеркале.

— Милочка, у вас в спальне прекрасные зеркала. Без хорошего зеркала женщине как следует не одеться. Стоит только посмотреть на бедную Фанни Гловер, и сразу ясно: бедняжка так скромна, что даже не смеет взглянуть на себя в зеркало, когда надевает шляпку.

Миссис Брандертон оживленно болтала, полагая, что развлекает Берту.

— Женщине не хочется думать о скучных вещах, когда она больна. Вот если мне нездоровится, я люблю поговорить с кем-нибудь о модах. Помню, в молодости, чуть прихворну, так сразу зову мистера Кроухерста, тогдашнего викария. Он приходил и читал мне дамские журналы. Уж такой славный был старичок, совсем не похож на священника, и всегда повторял, что я — един-

ственная прихожанка, которую ему приятно посещать. Я не утомила вас, милочка?

— Нет, что вы, — отозвалась Берта.

— Гловеры, наверное, наговорили вам всякой душеспасительной ерунды. Конечно, приходится с этим мириться, дабы подавать положительный пример низшим классам, однако, должна сказать, духовенство в наши дни забывает о своем месте. По-моему, весьма оскорбительно, когда священник ведет с тобой религиозные беседы, точно с простолюдином. Нет, сейчас священники не те, что раньше. В мою юность все духовные чины обязательно происходили из хороших семей и при этом не обязаны были возиться с беднотой. Вполне понятно, что джентльмен в наше время уже не хочет посвящать себя Богу, ведь это означает, что ему придется якшаться с низшими классами, а те с каждым днем все больше наглеют!

Неожиданно Берта громко разрыдалась. Миссис Брандертон была совершенно ошарашена.

— Дорогая, что случилось? — закудахтала она. — Где у вас нюхательные соли? Позвать прислугу?

Сотрясаясь в рыданиях, Берта умоляла миссис Брандертон не обращать на нее внимания.

Законодательница местных мод обладала чувствительной натурой и охотно поплакала бы за компанию с Бертой, но в тот день ей предстояло нанести еще несколько визитов, и потому она не могла рисковать своим безупречным внешним видом. Кроме того, ее разбирало жгучее любопытство, она многое бы отдала, чтобы выяснить причину внезапного приступа Берты. Миссис Брандертон утешилась тем, что подробно пересказала случившееся семейству Хэнкоков, у которых как раз был званый вечер, а те, в свою очередь, всячески приукрасив историю, передали ее миссис Мэйстон Райл.

Миссис Мэйстон Райл, как всегда, невероятно импозантная, всхрапнула, точно боевой конь перед сражением.

— Миссис Брандертон частенько нагоняет сон даже на меня, — сказала она. — Вполне понятно, что, если бедная Берта нездорова, старуха довела ее до слез. Лично я общаюсь с миссис Брандертон исключительно в те дни, когда чувствую себя абсолютно здоровой, а иначе я прямо-таки взвыла бы от нее.

— И все же интересно, что стряслось с несчастной миссис Крэддок, — высказалась мисс Хэнкок.

— Понятия не имею, — в своей важной манере

ответила миссис Мэйстон Райл, — но обязательно выясню. Смею предполагать, ей просто не хватает хорошего общества. Я сама пойду и поговорю с Бертой.

И пошла.

Глава XIX

Силы возвращались к Берте. Апатия, с которой молодая женщина в течение долгих недель взирала на мирскую суету, отступала. Эта апатия, вызванная лишь крайней физической слабостью, была того же порядка, что и блаженное освобождение от всех земных привязанностей, которое облегчает последние минуты жизни и переход к неизведанному. Ожидание смерти стало бы для человека невыносимым, не знай он, что бессилие тела влечет за собой расслабление духа, истирает земные узы. Когда страннику приходит время покинуть обитель с широкими вратами, любимое вино утрачивает вкус, а хлеб приобретает горечь. Берта отринула жизненные интересы, точно ненужные безделушки, и ее душа медленно умирала. Дух ее, словно свеча в колпаке, дрожал на ветру, так что пламя порой едва виднелось, и колпак не спасал от порывов шторма, но затем ветер Смерти стих, огонь свечи разгорелся и разогнал тьму.

Вместе с силами к ней возвратилась и прежняя страсть. Любовь вернулась к Берте, как покори-

тель, торжествующий победу, и она поняла, что жизнь продолжается. В своем одиночестве она истосковалась по ласкам Эдварда; кроме мужа, у нее ничего не осталось, и она, горя желанием, протянула к нему руки. Берта горько корила себя за холодность и плакала, представляя, как он терзался. Более того, ей было стыдно за то, что любовь, которую она считала вечной, на какое-то время угасла. Теперь, однако, в ней произошла перемена: к прежней слепой любви добавилось новое чувство. Берта перенесла на Эдварда всю нежность, что изливала на мертвое дитя, и весь душевный жар, какой отныне и до конца жизни было не утолить. Сердце ее было подобно большому дому с опустелыми комнатами, в которых с ревом бушевало пламя любви.

Берта с легким сожалением подумала о мисс Гловер, но затем пожала плечами и отогнала мысли о ней. Добродетельная особа дала слово не приближаться к Корт-Лейз, и в течение трех дней о ней не было ни слуху ни духу.

«Какая разница? — сказала Берта себе. — Главное, что Эдвард меня любит, а до всего остального мира мне нет дела».

Однако спальня стала для нее тюрьмой; Берта не могла дольше выносить ужасающее однообра-

зие обстановки. Лежать в кровати было пыткой, она вообразила, что не выздоровеет до тех пор, пока не покинет постель. Берта упрашивала доктора Рамзи разрешить ей вставать, но наталкивалась на неизменный отказ. Муж, всегда рассуждавший трезво, также поддерживал врача. Все, что удалось Берте, — это отослать сиделку, к которой она воспылала внезапной и сильной неприязнью. Без какой-либо причины она вдруг сочла присутствие бедной женщины невыносимым, назойливая болтовня сиделки раздражала ее сверх всякой меры. Если уж валяться в постели, то в полном одиночестве, решила Берта, почти превратившаяся в мизантропа.

Часы тянулись нестерпимо долго. Лежа на подушке, Берта видела только небо — то пронзительно-синее, в ярких белых облаках, медленно проплывающих мимо, то пасмурное, серое, от которого в комнате делалось темно. Стены и мебель неприятно давили на нее. Каждая деталь комнаты отпечаталась в сознании Берты так же четко, как клеймо гончара на глине.

Наконец она решилась: встанет с постели, и будь что будет. Было воскресенье, после ссоры с мисс Гловер прошла неделя. Берта знала, что Эдвард дома и намеревается провести большую

часть дня в ее спальне, хотя это ему и не нравилось. Спертый воздух, запахи лекарств и духов вызывали у него головную боль. Появление Берты в гостиной станет для него приятным сюрпризом. Она не скажет мужу, что собирается встать, — просто возьмет и сойдет вниз без предупреждения.

Берта откинула одеяло и опустила ступни на пол, но ей тут же пришлось схватиться за стул: ноги так ослабели, что совсем не держали ее; закружилась голова. Через некоторое время она собралась с силами и оделась — медленно и с большим трудом, поскольку ужасающая слабость почти граничила с болью. Берта снова была вынуждена сесть. Укладывая волосы, она страшно устала и даже испугалась, что придется отказаться от всей затеи, но мысль о сюрпризе придала ей энергии: Эдвард ведь сам говорил, как мечтает о том времени, когда Берта сможет вместе с ним сидеть в гостиной. В конце концов она закончила сборы и двинулась к двери, держась за все подряд. И все же какое это удовольствие — вновь стоять на ногах, ощущать себя среди живых, вдали от постели, превратившейся в могилу!

Берта вышла к лестнице и начала спускаться, тяжело опираясь на перила. Она преодолевала

по одной ступеньке, как делают маленькие дети, и от этого ей самой было смешно. Вскоре, однако, смех сменился утомленным вздохом: Берта села на ступеньку и почувствовала, что дальше идти не может, но мысль об Эдварде вновь заставила ее подняться. Берта взяла себя в руки и кое-как добралась до нижнего этажа. Стоя в коридоре, она слышала, как Эдвард насвистывает в гостиной. Берта приблизилась к комнате, стараясь ступать как можно тише, бесшумно повернула ручку и распахнула дверь.

— Эдди!

Крэддок обернулся с изумленным возгласом:

— Эй, ты что тут делаешь?

Он подбежал к Берте, но не выказал восторга, на какой она рассчитывала.

— Я хотела сделать тебе сюрприз. Ты не рад меня видеть?

— Конечно, рад, но тебе не следовало спускаться без разрешения доктора Рамзи. Я не ожидал, что это произойдет сегодня.

Эдвард отвел ее к дивану, она легла.

— Я думала, ты обрадуешься…

— Я и обрадовался.

Крэддок подложил под голову жене подушки и накрыл ее пледом.

— Ты просто не представляешь, сколько трудов мне стоило собраться и прийти сюда, — призналась Берта. — Мне казалось, что я никогда не закончу одеваться, а потом еще на лестнице чуть не свалилась от слабости. Но я же знала, что тебе здесь без меня одиноко, а в спальне ты сидеть не любишь.

— Тебе не следовало подвергать себя опасности. Твое состояние может ухудшиться, — мягко сказал Крэддок, затем бросил взгляд на часы. — Побудешь полчасика, а потом я отнесу тебя в постель.

Берта рассмеялась, решив, что не позволит этого сделать. Так уютно лежать тут, на диване, когда рядом Эдвард. Она задержала его руки в своих ладонях.

— Я уже просто не могла терпеть эту спальню! Там так мрачно, да еще дождь целый день стучит в стекла.

Этот разговор происходил в один из пасмурных дней ранней осени, когда обложному дождю не видно конца и вся природа словно грустит, сознавая скорое увядание.

— Я как раз собирался докурить трубку и подняться к тебе.

Берта, утомленная своим подвигом, молча сжа-

ла пальцы Эдварда в благодарность за заботу. Она испытывала тихое счастье, просто находясь рядом с мужем. Вскоре он опять озабоченно посмотрел на часы и произнес:

— Полчаса почти истекли. Через пять минут отнесу тебя наверх.

— Ничего подобного, — игриво отозвалась Берта, считая слова Крэддока шуткой. — Я останусь в гостиной До ужина.

— Нет, ни в коем случае. Это повредит твоему здоровью. Порадуй меня, вернись в постель.

— Предлагаю компромисс: я пробуду здесь до чая.

— Нет, дорогая, нельзя.

— Ты как будто хочешь от меня избавиться!

— Я должен уйти по делам.

— И ничего не должен. Ты говоришь так, только чтобы отослать меня, врунишка!

— Будь умницей, позволь мне уложить тебя в постельку.

— Нет, нет, нет!

— Тогда мне придется оставить тебя здесь. Я не ожидал, что ты сегодня спустишься, и пообещал кое с кем встретиться.

— Ты же не бросишь меня в такой важный день! Подумай, я первый раз встала с постели.

Что у тебя за встреча? Отправь записку, что все отменяется.

— Прости, дорогая, не могу. Видишь ли, после церкви я встретил девиц Хэнкок, и они сказали, что собираются идти в Теркенбери, а поскольку на улице мокро, я предложил их отвезти, — объяснил Эдвард. — Я обещал заехать за ними в три часа.

— Ты шутишь? — недоверчиво спросила Берта. Ее взгляд вдруг сделался жестким, дыхание участилось.

Крэддок с тревогой посмотрел на жену.

— Я не знал, что ты встанешь, иначе ни с кем не договаривался бы.

— Ладно, не важно, — вздохнула Берта, подавив вспышку гнева. — Просто напиши, что не приедешь.

— Боюсь, это невозможно, — твердо произнес Крэддок. — Я дал слово и не могу его нарушить.

— Боже, как это гадко! — Ярость Берты выплеснулась наружу. — Неужели у тебя хватит жестокости бросить меня в такой момент? После всех моих мук я заслуживаю хотя бы немножечко внимания! Долгие недели я была на грани смерти, и сейчас, когда наконец-то почувствовала себя лучше и сама спустилась вниз, решив, что

тебе будет приятно, ты собрался везти этих мисс Хэнкок в Теркэнбери!

— Берта, пожалуйста, будь благоразумна, — попытался убедить жену Крэддок, хотя не в его привычках было потакать ее капризам. — Сама видишь, я не виноват. Разве тебе мало, что я расстроился? Я вернусь через час. Побудь здесь, и после моего возвращения мы проведем вечер вместе.

— Зачем ты меня обманул?

— Я тебя не обманывал. Врать — не в моем характере, — с гордостью сказал Эдвард.

— Ты притворялся, что заботишься о моем здоровье, когда отправлял меня наверх. Разве это не обман?

— Я не притворялся.

— Опять лжешь! Ты хотел спровадить меня, чтобы я не знала, что ты отправился к Хэнкокам.

— Берта, пора бы тебе уже лучше знать меня.

— Почему ты ни словом не упомянул о них до тех пор, пока не понял, что деваться некуда?

Эдвард добродушно пожал плечами:

— Я же знаю, как ты обидчива.

— Знаешь — и все равно предложил им свои услуги.

— Все вышло как-то само собой. Сестры Хэнкок

жаловались на погоду, а я возьми да скажи: «Если хотите, я вас отвезу». Они и обрадовались.

— Ты ужасно добр со всеми, кроме собственной жены.

— Прости, солнышко, мне некогда с тобой спорить, я уже опаздываю.

— Ты в самом деле поедешь?

У Берты не укладывалось в голове, что Эдвард все-таки воплотит свое намерение.

— Да, дорогая, это мой долг.

— В первую очередь твой долг — заботиться обо мне! Эдди, ну пожалуйста, не уезжай. Ты не представляешь, как это важно.

— Я еду не потому, что хочу, а потому, что должен. Через час буду дома.

Крэддок наклонился, чтобы поцеловать Берту, а она, обвив его шею руками, зарыдала.

— Умоляю, останься! Если ты меня любишь, если хоть когда-нибудь любил, не уезжай. Зачем ты своими руками душишь мою любовь к тебе?

— Берта, не глупи.

Эдвард высвободился из объятий Берты и пошел к двери; встав с дивана, она двинулась следом и схватила его за руку.

— Ты же видишь, как я несчастна! Ты — все, что есть у меня в этом мире. Ради всего святого, Эдди,

останься. Это значит для меня гораздо больше, чем ты думаешь.

Не выпуская его руки, Берта сползла на пол — теперь она стояла перед Эдвардом на коленях.

— Давай-ка приляг на диван. Все это очень вредно для твоего здоровья.

Крэддок отнес ее на кушетку и, желая скорее покончить с неприятной сценой, поспешно вышел.

Берта вскочила, намереваясь побежать за ним, но звук захлопнувшейся двери заставил ее опуститься обратно. Она уронила лицо в ладони и залилась слезами, однако унижение и бешеная ярость почти полностью вытеснили ее горе. Она стоя на коленях молила мужа об одолжении, а он ей отказал!

Внезапно Берта ощутила жгучую ненависть к мужу. Любовь, крепкая медная башня, рухнула, словно карточный домик. Отныне Берта не будет притворяться, что не замечает недостатков, явных, как белый день. Крэддок — законченный себялюбец, для него важен лишь он сам — он, он и только он. Берта испытывала какое-то болезненное удовольствие, развенчивая своего идола, срывая украшения, которыми убрала его в своей безумной страсти, обнажая его натуру. Теперь она ясно понимала, что Эдвард эгоист, но

невыносимее всего было сознавать собственное унижение.

Дождь лил без конца. Отчаяние природы, передавшееся Берте, снедало ее душу. В конце концов, обессилев, она утратила счет времени и просто лежала на кушетке в полузабытьи. По крайней мере в этом состоянии она не чувствовала боли, на сердце было пусто, измученный разум как будто отключился. Когда вошедшая служанка сообщила Берте, что мисс Гловер спрашивает разрешения повидать ее, она сперва даже не поняла, о чем речь.

— До сегодняшнего дня мисс Гловер обходилась без этих церемоний, — раздраженно ответила Берта, забыв о ссоре, которая произошла на прошлой неделе. — Пусть войдет.

Сестра викария подошла к двери и остановилась, краснея и бледнея. Взгляд у нее был страдальческий и даже немного испуганный.

— Берта, можно мне войти?

— Пожалуйста.

Мисс Гловер направилась прямиком к кушетке и вдруг рухнула на колени.

— Берта, прошу, простите меня. Я была не права и дурно вела себя с вами.

— Фанни, дорогая, — пробормотала Берта, на

губах которой сквозь страдания проступила улыбка.

— Я беру назад все свои слова. Не понимаю, что на меня нашло. Берта, молю вас о прощении.

— Мне не за что вас прощать.

— Святые небеса, есть за что! Совесть терзала меня еще с тех пор, как я покинула ваш дом, но сердце мое ожесточилось, и я не слушала ее укоров.

Как бы ни старалась бедная, кроткая мисс Гловер по-настоящему ожесточить сердце, у нее ничего не получалось.

— Я знала, что должна прийти к вам и попросить прощения, но не могла. По ночам я не смыкала глаз, я боялась умереть. О, если бы я умерла, не повинившись перед вами, мою душу ждал бы адский огонь.

Мисс Гловер говорила быстро, находя облегчение в признании.

— Я думала, Чарльз станет меня бранить, но нет, он не сказал ни слова. Боже, лучше бы мне слышать укоры, чем сносить его печальный взгляд. Он тоже страшно переживал, мне так жаль его! Я повторяла себе, что выполнила свой долг, но сердцем сознавала, что поступила неправильно. Сегодня утром я даже не решилась пойти

к причастию; я подумала, что Господь покарает меня за святотатство. А еще я боялась, что Чарльз выставит меня из церкви на глазах у всей паствы. С тех пор как меня конфирмовали, я еще никогда не пропускала святого причастия, сегодня — в первый раз…

Сестра священника зарылась лицом в ладони и расплакалась. Берта слушала ее равнодушно: ее переполняли собственные мысли и мало трогали чужие. Мисс Гловер подняла мокрое, в красных пятнах лицо — в этот момент вид у нее был положительно уродливый, но в то же время трогательный.

— Наконец я не смогла дольше выносить этих мук. Я решила, что, может быть, сумею простить себя, если заслужу ваше прощение. О, Берта, пожалуйста, забудьте обо всем, что я говорила, и простите меня. А еще я думала, что Эдвард сегодня будет дома, и мне было так стыдно, так стыдно — я боялась, что провалюсь сквозь землю от стыда. Но ничего, унижение пошло бы мне только на пользу. Господи, как я обрадовалась, когда Джейн сказала, что мистера Крэддока нет! Берта, что мне сделать, чтобы вы меня простили?

В глубине души мисс Гловер мечтала о какой-нибудь суровой епитимье для полного и

окончательного укрощения плоти.

— Я уже обо всем позабыла, — с усталой улыбкой промолвила Берта. — Если это для вас столь важно, я вас прощаю.

Откровенное безразличие со стороны Берты ранило мисс Гловер, однако она восприняла его как справедливое наказание.

— Дорогая Берта, позвольте сказать, что я искренне люблю вас и восхищаюсь вами как никем другим за исключением Чарльза. Даже если вы действительно думаете так, как говорили в тот раз, я все равно вас люблю и уповаю на то, что Господь обратит ваше сердце к добру. Мы с Чарльзом будем молиться за вас день и ночь. Надеюсь, вскоре Бог пошлет вам еще одного ребенка вместо того, что вы потеряли. Поверьте, наш Господь добр и милосерден, он обязательно одарит вас тем, чего вы заслуживаете.

Из горла Берты вырвался приглушенный стон.

— Доктор Рамзи сказал, что я больше не могу иметь детей, — с болью в голосе промолвила она.

— О, Берта, я не знала…

Мисс Гловер заключила плачущую Берту в объятия и принялась целовать, как маленькую девочку.

Берта вытерла слезы и сказала:

— Фанни, прошу вас, оставьте меня. Я хочу побыть одна. Пожалуйста, приходите навестить меня в другой раз и извините, если я веду себя гадко. Я очень несчастлива и не обрету счастья уже никогда.

Через несколько минут вернулся Эдвард — бодрый, веселый, раскрасневшийся, в самом лучшем расположении духа.

— А вот и я! — крикнул он. — Видишь, как быстро я управился? Ты даже соскучиться не успела. Сейчас мы с тобой выпьем чаю.

Он поцеловал жену и поправил подушки за ее спиной.

— Ей-богу, я ужасно рад видеть тебя в гостиной. Здорово, что ты опять будешь наливать мне чай. Ну признайся: не глупо ли было поднимать такой шум из-за моей отлучки? К тому же я не мог нарушить слово.

Глава XX

Любовь, деспотично завладевшую сердцем Берты, нельзя было убить в одночасье. Когда молодая женщина выздоровела и вернулась к прежнему образу жизни, страсть снова вспыхнула в ней, как пламя — на миг притушенное и оттого затем разгоревшееся еще сильнее. Мысли об одиночестве внушали Берте страх; Эдвард стал ее единственной надеждой и опорой. Она уже не пыталась отрицать, что их любовь друг к другу сильно разнится, однако его холодность зачастую явно не выражалась, а Берта так неистово желала ответной пылкости, что закрывала глаза на все, что открыто не оскорбляло ее чувств. Желание видеть в Эдварде мужчину своей мечты было столь всеобъемлющим, что по временам Берте удавалось жить неким призрачным счастьем, которое хоть как-то поддерживало ее, хотя в глубине души она горько сознавала его фальшивую природу.

Однако чем сильнее Берта тосковала по любви Эдварда, тем чаще стали случаться ссоры между ними. «Мирные» промежутки постепенно уко-

рачивались, каждый скандал оставлял после себя неприятный осадок и делал Берту еще более придирчивой. Осознав наконец, что Эдвард не способен отвечать на ее страсть так, как ей хотелось бы, Берта стала в десять раз взыскательнее: даже те сдержанные проявления нежности, которые безмерно радовали ее в начале супружества, теперь слишком напоминали милостыню, брошенную докучливому нищему, и не вызывали у нее ничего, кроме раздражения. Размолвки убедительно доказывали: для того, чтобы затеять ссору, не нужны двое. Эдвард был сама невозмутимость, ничто на свете не могло поколебать его душевное равновесие. Как бы ни бушевала Берта, Крэддок оставался спокоен. Он считал, что жена переживает потерю ребенка и что здоровье ее до сих пор окончательно не поправилось. По опыту ухода за животными, особенно за коровами, Эдвард знал, что тяжелые роды часто влекут за собой временную перемену нрава, так что даже самая кроткая скотина превращается в злобное и агрессивное создание. Крэддок никогда не пытался разобраться в настроениях Берты, ее страстное желание любви казалось ему таким же нелепым, как приступы ярости с последующим бурным раскаянием. В отличие от жены он всегда

пребывал в добром расположении духа, был одинаково доволен целым светом и собой. Эдвард ни на секунду не сомневался, что мир, в котором он живет здесь и сейчас, — безусловно лучший, что каждый должен возделывать свой сад и это есть самый правильный и радостный способ существования. Не отличаясь аналитическим умом, он избегал размышлений на эту тему, а если бы и взялся размышлять, то не стал бы заимствовать фразы мсье де Вольтера, о котором никогда не слыхал и которого возненавидел бы за то, что тот — француз, философ и острослов. Эдвард просто ел, пил, спал и снова ел так же регулярно, как быки на его ферме, и это служило очевидным подтверждением того, что он был счастлив не меньше их, а уж чего еще может хотеть порядочный человек, я даже не представляю.

Более того, Эдвард Крэддок обладал замечательным свойством всегда поступать так, как подобает, и сознавать свою правоту, что для истинного христианина считается бесценным даром. Крэддок гордился своей непогрешимостью, соседям она служила добрым примером, зато у жены вызывала острую злость. Когда Эдвард стоял перед ней и снисходительно улыбался, уверенный в справедливости своей позиции,

Берта в бессильном гневе стискивала кулачки, а ее глаза метали молнии. Хуже всего было то, что в моменты просветления Берта признавала, что муж, как всегда, прав, а она — нет. Собственное неблагоразумие приводило ее в ужас, и она полностью брала на себя вину за то, что семейная жизнь идет наперекосяк.

После каждой ссоры, из которой Эдвард обычно выходил победителем, ярость Берты сменялась жестокими угрызениями совести. Как можно любить такую ужасную женщину? Берта казнила себя и в приступе муки и страха бросалась мужу на шею, лепеча самые жаркие извинения. Придя с повинной, наплакавшись и унизившись, с неделю после того Берта пребывала в слепом блаженстве, убежденная, что отныне поколебать счастливый семейный покой сможет разве что землетрясение. Эдвард опять превращался в золотого божка, облаченного в сияющие покровы истинной любви; его слово и дело было законом. Берта, смиренная жрица, воскуряла ему фимиам, преисполненная благодарности за то, что могущественное божество в великом терпении не сокрушило ее своей пятой. Для того чтобы она забыла пренебрежение и холодность мужа, требовалось совсем чуть-чуть. Ее любовь похо-

дила на волны, бьющиеся о голую скалу: море бросает волны на каменную стену, от удара они рассыпаются белой пеной, а скала стоит вечно — твердая, неизменная. Кстати сказать, это сравнение пришлось бы Эдварду по вкусу: в редкие минуты размышлений ему нравилось думать о своем постоянстве и непреклонности.

Каждый вечер перед сном Берта обожала целовать мужа в губы, и то, как механически он отвечал на ласки, вызывало у нее смертельную обиду. Первой нежность всегда проявляла она, а не Эдвард. Когда же Берта пыталась проверить его и пропускала вечерний ритуал, он быстро засыпал, даже не пожелав ей спокойной ночи. В такие мгновения Берта с горечью говорила себе, что муж, вероятно, не питает к ней ничего, кроме отвращения.

— Меня бесит мысль о том, сколько любви растрачиваю на тебя впустую, — плакала она. — Я просто дура! Ты для меня — все, а я для тебя — случайность. Ты мог жениться на ком угодно. Не попадись я на твоем пути, ты бы, несомненно, так и сделал.

— Да и ты тоже, — смеясь ответил Крэддок.

— Я? Никогда в жизни! Если бы я не вышла за тебя, то предпочла бы остаться одна. Моя любовь

— не безделица, я не отдала бы ее первому встречному! В моем сердце нет места ни для кого, кроме тебя, и когда я думаю о том, что значу для тебя не больше любой другой женщины, то сгораю от стыда.

— Иногда ты несешь совершеннейший бред.

— Вот в этом заключается все твое отношение ко мне. Для тебя я глупая баба, и только. Домашнее животное, чуть поинтересней собаки, хотя не такое полезное, как корова.

— Не понимаю, что еще я должен делать, помимо того, что уже делаю. Нельзя же целыми сутками обниматься и целоваться, на это есть медовый месяц, и глуп тот, кто растягивает его на всю жизнь.

— Ну да, по-твоему, про жену надо забыть на весь день, пока ты занимаешься важными делами — стрижешь овец, выезжаешь на охоту. Зато после ужина в тебе просыпается охота к любви, особенно если ты вкусно поел, причем для тебя что любовь, что пищеварение — одно и то же. У меня все иначе, любовь для меня — цель и смысл жизни. Без любви я не существую.

— Не спорю, ты меня любишь, — сказал Эдвард, — но, клянусь Богом, очень уж странно это выражаешь. Со мной все проще: скажи, че-

го ты хочешь, и я постараюсь выполнить твое желание.

— Что я должна сказать? — с досадой воскликнула Берта. — Я прилагаю все усилия, чтобы разжечь в тебе любовь, но у меня ничего не выходит. Если ты — бесчувственный чурбан, как сделать из тебя страстного любовника? Я хочу, чтобы ты любил меня так же, как я люблю тебя.

— Честно говоря, оно и к лучшему, что моя любовь отличается от твоей. Если бы я бушевал так, как ты, в доме уже через неделю не осталось бы ни одного целого стула.

— Ну и что, лишь бы любил, — ответила Берта, восприняв шутливую реплику мужа со всей серьезностью. — Даже если бы ты причинял мне боль, я бы не возражала, только бы это было от любви.

— Дорогая, через пару дней тебе захочется сбежать от такой любви.

— Все лучше, чем твое равнодушие!

— Боже милостивый, да разве я равнодушен? Тебя послушать, так, чего доброго, можно решить, что я о тебе не забочусь или ухлестываю за другой женщиной.

— Если бы я знала, что ты испытываешь чувства хоть к кому-то на свете, мне было бы легче.

Тогда бы у меня была какая-то надежда завоевать твое сердце. Но нет, ты не способен любить.

— Ну, не мне об этом судить. Могу лишь честно сказать: дороже всего в жизни для меня Господь Бог, моя честь и ты.

— Забыл про свою борзую, — съязвила Берта.

— Не забыл, — веско ответил Эдвард.

— Думаешь, я довольна местом, которое ты мне отвел? Сейчас ты признался, что я — третья по значению, а скоро вообще перестанешь меня замечать.

— «Ты б не была мне так мила, не будь мне честь милее!»[29] — процитировал Эдвард.

— Тот, кто это написал, — дешевый хлыщ! Я хочу занимать в твоем сердце первое место, хочу быть важнее Бога и важнее этой твоей чести. Мне нужна такая любовь, ради которой мужчина ради женщины пойдет на все, даже продаст душу дьяволу.

Эдвард пожал плечами:

— Не знаю, где ты такого найдешь. Лично я считаю, что любовь — хорошая штука, но всему должно быть время и место. В жизни есть много чего еще.

---

[29] Примечания: 29

Строка из стихотворения Ричарда Лавлейса (1618–1657/1658) «Лукасте, уходя на войну».

— О да! Долг и честь, ферма и охота, мнение соседей, собаки, кот, новый экипаж и миллион других вещей. Интересно, что бы ты делал, если бы я совершила преступление, за которое мне грозила бы тюрьма?

— Даже думать об этом не желаю. В любом случае будь уверена: я поступлю так, как повелит долг.

— Ты мне все уши прожужжал своим долгом! Меня от него уже тошнит. Господи, будь ты менее добродетельным, в тебе было бы больше от живого человека!

Поведение жены показалось Крэддоку настолько странным, что он обратился за помощью к доктору Рамзи. Почтенный доктор вот уже тридцать лет был хранителем всех семейных тайн в округе и весьма скептически оценивал роль медицины в излечении ревности, болтливости, несходства характеров и тому подобных недугов. Он заверил Эдварда, что единственное лекарство в данном случае — это время, и только оно сгладит все противоречия. После настойчивых просьб Крэддока доктор Рамзи все же послал Берте бутылку безобидного укрепляющего средства, которое давно выписывал всем подряд от большинства болезней, что составляют удел

живых. Вреда от него Берте не будет, а для врача это весьма важно. Доктор Рамзи посоветовал Эдварду сохранять спокойствие и надеяться, что в конце концов из Берты получится послушная и преданная супруга, каковую отрадно видеть рядом с собой всякому мужчине, проснувшись от здорового послеобеденного сна у камина.

Выносить постоянные перемены настроения Берты было нелегко. Никто не мог предсказать, как она поведет себя на следующий день, и это доставляло особенное неудобство человеку, который был готов примириться с чем угодно при условии, что ему дадут время привыкнуть. Порой сумрачными зимними вечерами, когда разум естественным образом склонялся к мыслям о суетности жизни и тщете всех человеческих усилий, на Берту нападала хандра. Заметив ее меланхолию — состояние, которое Эдвард терпеть не мог, — он интересовался, о чем она думает, и тогда Берта полусонно пыталась объяснить свое настроение.

— Боже правый, какими нелепостями забита твоя головка! — бодро восклицал он. — Должно быть, ты сегодня не в духе.

— Дело не в этом, — печально улыбалась Берта.

— Негоже молодой женщине тяготиться такими черными думами. Надо бы тебе снова попить то укрепляющее снадобье, что прописывал доктор Рамзи. А вообще ты просто устала и завтра утром будешь глядеть веселей.

Берта молчала. Она терзалась мукой бытия, которая не поддавалась описанию, а муж предлагал ей лечиться железом и хинином; сердце ее отяжелело от вселенских скорбей, она нуждалась в сочувствии, а Эдвард вливал ей в рот тонизирующую настойку. Он не понимал — не стоило даже объяснять, — что Берта находила определенный смак в тихих думах о прегрешениях человечества. Тяжелее всего было сознавать, что Эдвард — варвар, дикарь — прав, всегда прав! Однако наступал новый день, хандра отступала, Берта вновь ощущала легкость и даже не нуждалась в розовых очках, чтобы мир казался прекрасным. И унизительно было сознавать, что самые прекрасные мысли, самые благородные чувства, убеждавшие Берту в том, что все люди — братья, порождены лишь физическим истощением.

Некоторые люди наделены чрезвычайно узким мышлением и не допускают какой-либо игры воображения. Жизнь для них — не праздное развлечение и не пустые мечты, а чрезвычайно

серьезная, убийственно скучная штука. Подобным складом ума обладает тот, кто, услышав от женщины, что она чувствует себя ужасно старой, не бросается уверять ее в том, что она выглядит на удивление молодо, а начинает занудно рассуждать — дескать, юность имеет свои недостатки, а старость — преимущества. Таков был и Крэддок: этот человек не допускал и мысли, что люди говорят одно, а подразумевают совсем другое. Поначалу Эдвард советовался с женой в вопросах ведения хозяйства, но Берта, довольная тем, что можно быть пустым местом в собственном доме, соглашалась со всем, что он предлагал, и даже сама просила, чтобы он с ней не советовался. Она часто повторяла, что Эдвард — полновластный господин не только над ней, но и над всем ее богатством, и в конце концов — что неудивительно — он принял ее слова на веру.

— Женщины не разбираются в сельском хозяйстве, — говорил он, — потому оно и хорошо, когда имеешь полную свободу действий.

Результат его разумного управления превзошел все ожидания. Крэддок привел имение в образцовый порядок, и впервые за двадцать лет арендаторы начали вносить плату. Ветры, дующие со всех сторон, даже солнце с дождем словно

бы уговорились помогать этому человеку, такому рассудительному и трудолюбивому. Это был тот редкий случай, когда достаток и добродетель идут рука об руку. Соседи постоянно говорили Берте комплименты по поводу безупречного ведения хозяйства ее супругом; Крэддок, в свою очередь, также регулярно делился с ней своими достижениями и похвалами, снисканными от окружающих. Примечательно, что хозяином Эдварда считали не только работники на фермах — даже прислуга в Корт-Лейз теперь смотрела на Берту как на особу второстепенной важности, чьи приказы можно выполнять или не выполнять в зависимости от обстоятельств. Подневольная служба из поколения в поколение научила крестьянина особенно тонко чувствовать иерархические различия, и потому он по-разному держал себя с Эдвардом, от которого зависел его хлеб, и с Бертой — всего-навсего женой господина, светившей его отраженным светом.

Поначалу ее это забавляло, однако даже самая веселая шутка утрачивает пикантность спустя три года. Берта неоднократно была вынуждена прикрикнуть на садовника, который колебался, стоит ли выполнять приказы, поступившие не от хозяина. Угасающая любовь пробудила в ней

былую гордость, и подобное положение совершенно перестало ее устраивать. Берта сделалась чрезвычайно чувствительна к малейшим проявлениям неуважения и ждала только повода доказать всем, что, в конце концов, она по-прежнему хозяйка в собственном доме.

Вскоре такой повод представился. Случилось так, что один из предков Берты, любитель природы, непрактичный, как все представители рода Лей, высадил в ряд шесть молодых буков, которые со временем разрослись и превратились в большие, роскошные деревья — предмет восхищения любого, кто их видел. Однажды на прогулке Берта заметила между буками уродливый прогал: одно из деревьев исчезло. Берта удивилась: ночью не было бури, само по себе оно упасть не могло. Подойдя ближе, она поняла, что бук спилили. Работники, сотворившие это, уже взялись за второе дерево. К нему была прислонена лестница, стоявший на ней человек обвязывал ствол веревкой. Нет зрелища печальнее, чем старое дерево, поваленное на землю: место, где оно росло, вдруг зияет неприглядной пустотой. Берта, однако, не столько огорчилась, сколько разгневалась.

— Что это ты делаешь, Ходжкинс? — сердито спросила она старшего работника. — Кто прика-

зал спилить дерево?

— Хозяин, мэм.

— Здесь какая-то ошибка. Мистер Крэддок не мог отдать такого приказа.

— Хозяин в точности велел спилить этот бук да еще вон те два. Глядите, мэм, он и метки поставил.

— Вздор. Я поговорю с мистером Крэддоком. Эй, ты, развяжи веревку и слезай с лестницы. Я запрещаю трогать бук.

Работник, стоявший на лестнице, посмотрел на Берту, но не сдвинулся с места.

— Хозяин будет ругаться, если мы не управимся до вечера, — возразил старший.

— Ты будешь делать, как тебе велено? — повысила голос Берта, холодея от гнева. — Скажи этому человеку, чтобы он развязал веревку и спустился. Я запрещаю пилить дерево.

Ходжкинс хмурым голосом повторил распоряжение Берты. Работники подозрительно покосились на нее, не отваживаясь проигнорировать приказ из страха перед гневом сквайра.

— Я за это отвечать не буду, — заявил Ходжкине.

— Прикуси язык и пошевеливайся!

Берта стояла до тех пор, пока работники, собрав

инструмент, не удалились.

Глава XXI

По дороге домой внутри у Берты все кипело. Она прекрасно знала, что Эдвард действительно дал распоряжение, которое она отменила, но была рада подвернувшейся возможности раз и навсегда утвердить свои права. Крэддок вернулся лишь через несколько часов.

— Берта, объясни ради Бога, — сказал он, входя, — зачем ты помешала моим людям рубить деревья на поле Картера? Из-за тебя они потеряли целых полдня. Теперь мне придется отложить эту работу до четверга.

— Я остановила их, потому что желаю сохранить буки. Это единственные буковые деревья на всю округу. Возмутительно, что одно дерево все-таки срубили, причем без моего ведома. Тебе прежде следовало спросить меня.

— Девочка моя, не могу же я спрашивать твоего разрешения всякий раз, когда намереваюсь что-либо предпринять.

— Кому принадлежит земля — тебе или мне?

— Тебе, тебе, — засмеялся Эдвард, — но я лучше тебя знаю, что и когда нужно делать. С твоей

стороны глупо вмешиваться.

Берта вспыхнула.

— На будущее имей в виду: я хочу, чтобы ты со мной советовался.

— Да ведь ты сама тысячу раз говорила, чтобы я поступал, как считаю нужным.

— Что ж, я передумала.

— Поздновато, — опять расхохотался Крэддок. — Ты отдала мне бразды правления, и теперь я их не выпущу.

Берта пришла в невыразимую ярость и едва удержалась, чтобы не бросить в лицо мужу, что она может отослать его прочь, как наемного работника.

— Эдвард, пойми, я не хочу, чтобы эти деревья уничтожали. Скажи своим людям, что допустил ошибку.

— Не собираюсь я им ничего говорить. К тому же я планирую срубить не все деревья, а только три. Они там мешают — во-первых, затеняют посевы, а во-вторых, поле Картера — одно из самых урожайных. И потом, мне необходима древесина.

— Посевы — ерунда, а если тебе нужна древесина, пойди и купи. Эти деревья посажены почти сто лет назад, и я скорей умру, чем позволю их

срубить.

— Это надо же додуматься — воткнуть буки в живую изгородь! Ну и идиот же был тот, кто их посадил! Любое дерево на поле — помеха, а уж тем более бук. С его листьев постоянно течет — кап-кап-кап, и под ним никогда ничего не вырастет. И так во всем! Почти целый век поместье просто гробили. У меня вся жизнь уйдет на то, чтобы исправить огрехи твоих… прежних владельцев имения.

Одна из любопытных особенностей людской сентиментальности состоит в том, что даже самый жалкий ее раб редко позволяет излишней чувствительности влиять на его повседневное существование: сентиментальничать в мирских вопросах, на своем деловом поприще так же нелепо, как, например, воровать из собственного кармана. Вполне естественно было предположить, что Эдвард, который всю жизнь провел в тесном контакте с землей, питает определенную любовь к природе: душещипательная пьеса заставляла его сглатывать комок в горле и шумно сморкаться; читая книгу, он всегда сочувствовал героине, чахоточной аристократке, и герою — крепкому малому с добрым, отзывчивым сердцем. Однако в делах все обстояло иначе: фермер

счел бы абсурдным сохранять нетронутой живописную полянку исключительно из эстетических соображений. Крэддок охотно позволил бы вывесить рекламные щиты в самом красивом уголке усадьбы, если бы таким образом мог тайком повысить доход от хозяйства.

— Что бы ты там ни думал о моих предках, будь добр считаться со мной, — заявила Берта. — Земля — моя, и я не дам тебе ее портить.

— Я ничего не порчу, а лишь делаю то, что положено. Ты скоро привыкнешь к тому, что этих несчастных деревьев больше нет, и вообще, как я уже сказал, под топор пойдут только три из шести. Я приказал, чтобы завтра их срубили.

— То есть тебе совершенно плевать на мое мнение?

— Я намерен поступить так, как должно. Очень жаль, если ты не одобряешь моего решения, но это не заставит меня его изменить.

— Я запрещу работникам приближаться к деревьям! — пригрозила Берта.

Эдвард расплылся в широкой улыбке.

— И выставишь себя в глупом свете. Попробуй отдать людям приказ, который противоречит моему, сама увидишь, что будет.

Берта застонала от бессильной злости. Ей

хотелось ударить Эдварда, она посмотрела по сторонам, ища предмет, которым можно было бы в него запустить, а Крэддок стоял перед ней, как всегда невозмутимый и хладнокровный. Ситуация, по-видимому, немало его забавляла.

— Ты, наверное, безумец! — воскликнула Берта. — Ты делаешь все, чтобы разрушить мои чувства к тебе!

От ярости она даже утратила дар речи. Вот и вся любовь Эдварда! Должно быть, он и вправду презирает ее. Вот что она получила, сложив свою жизнь к его ногам! Что же ей делать? Ах, теперь остается только смириться. Берта отлично сознавала, что никто не станет выполнять ее приказы, если они будут отличаться от распоряжений Эдварда, а в том, что муж настоит на своем, она ничуть не сомневалась. Для него это было вопросом самоуважения.

До конца дня Берта не разговаривала с Крэддоком, однако наутро, когда он собрался уходить, спросила его о планах насчет деревьев.

— Я думал, ты про них уже забыла, — отозвался Эдвард. — Как решил, так и сделаю.

— Если прикажешь срубить деревья, я уйду от тебя. Поеду к тете Полли.

— И расскажешь, что потребовала луну с неба, а

я, негодный муж, отказался ее достать? — с улыбкой проговорил Эдвард. — Она только посмеется над тобой.

— Вот увидишь, мое слово так же крепко, как твое.

Перед ленчем Берта отправилась на поле Картера. Работники еще не закончили рубку, но второе дерево уже лежало на земле, и участь третьего, несомненно, тоже была решена. Берта заметила, что крестьяне, глядя на нее, усмехаются. Она постояла еще некоторое время, чтобы ощутить всю глубину унижения, а затем вернулась домой и написала тете такое письмо:

«Дорогая тетушка Полли!

В последние недели я чувствую себя так скверно, что Эдди, бедняжка, очень за меня волнуется и уговаривает съездить в город, показаться хорошему специалисту. Эдвард очень настойчив — можно подумать, будто он хочет от меня избавиться, и я уже почти ревную его к нашей новой горничной, у которой пухлые розовые щечки и золотистые волосы — именно такой тип женщин ему всегда нравился.

Кроме того, доктор Рамзи не имеет ни

малейшего представления о том, что со мной, и так как я пока не собираюсь покидать этот мир, то считаю, что мне не помешает проконсультироваться у другого врача, который по меньшей мере пропишет мне другое лекарство. Я принимала железо и хинин целыми галлонами и теперь ужасно боюсь, что у меня почернеют зубы.

Поскольку мое мнение целиком и полностью совпало с мнением Эдварда (эта противная миссис Райл называет нас парочкой горлиц, имея в виду, конечно, голубков; ее познания в естественной истории не вызывают у моего милого Эдди ничего, кроме презрения), я любезно согласилась удовлетворить его просьбу, и если вы соблаговолите приютить меня, я приеду так скоро, как вы только позволите.

Любящая вас,

Б.К.».

Вскоре вернулся Эдвард. Необычайно довольный собой и своей хозяйской смекалкой, он тайком поглядывал на Берту. Крэддок едва сдер-

живал радостный смех, и если бы не имел привычки всегда вести себя ровно и сдержанно, то непременно отколол бы какое-нибудь коленце.

«С женщинами, как с лошадьми, нужно быть твердым. Когда берешь барьер, сожми колени и не осаживай лошадку, но не забывай держать под контролем, иначе ее понесет. Мужчина всегда должен делать так, чтобы женщина видела: она у него в подчинении».

За ленчем Берта сидела молча, не в силах проглотить ни кусочка. Глядя на мужа, она недоумевала, как можно грубо обжираться, когда твоя супруга рассержена и несчастна. Ближе к вечеру аппетит вернулся, Берта пошла на кухню и съела так много сандвичей, что за ужином опять не притронулась ни к одному блюду. Она рассчитывала, что Эдвард заметит ее отказ от пищи, встревожится и почувствует свою вину, однако тот умял еды за двоих и совершенно не обратил внимания на то, что Берта осталась голодной.

Вечером она заперлась в супружеской спальне. Через некоторое время пришел Эдвард. Подергав за ручку, он сначала постучался, затем попросил Берту открыть. Она не отвечала. Тогда Крэддок постучал громче и снова подергал за ручку.

— Я хочу побыть одна! — крикнула Берта из-

за двери. — Мне нездоровится. Пожалуйста, не ломись.

— Что? А где же мне спать?

— Выбирай любую комнату.

— Вздор! — воскликнул Крэддок и без лишних церемоний налег плечом на дверь. Он был силен: один толчок, и старые петли с жалобным скрипом разломились. Смеющийся Эдвард вошел в спальню. — Если ты не хотела меня впускать, надо было забаррикадироваться мебелью!

Берта не желала превращать этот эпизод в шутку.

— Я не буду спать вместе с тобой. Если ты останешься здесь, я пойду вниз.

— Не пойдешь.

Берта встала с кровати и надела пеньюар.

— Значит, проведу ночь на диване, — заявила она. — Я больше не хочу ругаться с тобой и устраивать сцен. Я уже написала тете Полли и послезавтра уезжаю в Лондон.

— Поездка — это хорошо. Я и сам думал о том же. Перемена обстановки пойдеттебе на пользу, — ответил Крэддок. — По-моему, нервы у тебя немного расстроены.

Устраиваясь на диване, Берта бросила на мужа презрительный взгляд.

— Очень мило, что тебя интересуют мои нервы!

— Ты вправду собираешься там спать? — спросил Эдвард из кровати.

— Видимо, да.

— Ты замерзнешь.

— Лучше замерзнуть, чем лежать рядом с тобой!

— Смотри, к утру заработаешь насморк. Впрочем, надеюсь, через час ты заговоришь по-другому. Я выключаю свет. Доброй ночи!

Берта не ответила, а через несколько минут уже раздраженно слушала звучный храп. Неужели Эдвард и впрямь спит? Разве для него не имеет значения, что она отказалась разделить с ним постель и намерена уехать в Лондон? Как ему только не совестно дрыхнуть!

— Эдвард, — позвала Берта.

Ответа не последовало, и все же ей до сих пор не верилось, что муж преспокойно спит, тогда как она не в состоянии сомкнуть глаз. Должно быть, Эдвард притворяется — нарочно, чтобы разозлить ее. Берта хотела потрогать его, но побоялась, что он с хохотом вскочит. Было действительно очень холодно, и она натянула на себя кучу кофт и покрывал. Ей потребовалась вся

сила воли, чтобы не скользнуть обратно в теплую постель. Берта чувствовала себя самой несчастной на свете, а вскоре сильно захотела пить. Что может быть отвратительнее воды из кувшина для умывания, особенно если наливать ее в стакан, пахнущий зубным порошком! Берта сделала несколько глотков, хотя ее чуть не стошнило, а затем принялась мерить шагами спальню, обдумывая свои многочисленные ошибки. Эдвард все так же безмятежно спал. Она кашлянула; Крэддок не пошевелился. Берта перевернула столик — от этого грохота пробудились бы даже мертвые, но Крэддок продолжал ровно дышать. Тогда она посмотрела на постель, прикидывая, не прилечь ли на часок с тем расчетом, чтобы проснуться раньше мужа. Промерзнув до костей, Берта решила рискнуть. Уверенная, что не проспит долго, она приблизилась к кровати.

— Все-таки вернулась? — сонным голосом спросил Эдвард.

Берта испуганно замерла: сердце у нее чуть не ушло в пятки.

— Я пришла за подушкой! — возмущенно воскликнула она. Хвала небу, Эдвард заговорил сейчас, а не мгновением позже.

Берта вновь легла на диван и, устроившись

поудобнее, заснула сладким сном. Она проспала до самого утра, а когда проснулась, Эдвард раздвигал шторы.

— Хорошо спалось? — спросил он.

— Я всю ночь глаз не смыкала!

— Лгунишка. Я смотрю на тебя уже целый час.

— Возможно, я забылась сном минут на десять, если ты об этом.

Берта испытывала вполне справедливое негодование по поводу того, что муж застал ее крепко спящей. От этого вся сцена теряла эффект. Более того, Эдвард выглядел бодрым и свежим, как майский день, тогда как она чувствовала себя старой и разбитой и даже не отваживалась посмотреться в зеркало.

В середине утра принесли телеграмму от мисс Лей. Та приглашала племянницу приезжать в любое время и выражала надежду, что Эдвард приедет вместе с ней. Берта специально оставила телеграмму на видном месте, чтобы муж ее обязательно прочел.

— Значит, едешь? — осведомился Крэддок.

— Я уже говорила, что мое слово так же крепко, как твое.

— Что ж, думаю, поездка пойдет тебе на пользу. Как долго собираешься пробыть у тети?

— Откуда мне знать? Может, я вообще останусь у нее навсегда!

— «Навсегда» — серьезное слово, хоть и короткое.

Равнодушие Эдварда ранило Берту в самое сердце. Очевидно, она для него вообще ничего не значит! Он воспринимает ее отъезд как нечто естественное. Говорит, поездка будет полезной для здоровья. Да что ему здоровье Берты! Собирая чемоданы, она все больше падала духом — расстаться с Эдвардом ей представлялось совершенно невозможным. При мысли о том, какая пропасть лежит между любовью, пылавшей еще год назад, и теперешними отношениями, к глазам Берты подступали слезы. Она страстно желала, чтобы нашлось любое, самое слабое оправдание, чтобы отменить поездку, не уронив собственного достоинства. Если бы на прощание Эдвард хоть намеком выказал свою печаль, этого оказалось бы достаточно. Однако вещи были собраны, день и час отъезда определен. Эдвард сообщил мисс Гловер, что его жена покидает Корт-Лейз ради перемены обстановки и что, к сожалению, хозяйственные дела не позволяют ему составить ей компанию. Коляску подали к крыльцу, Эдвард вскочил на козлы. Берту охватило отчаяние: по-

следняя надежда рухнула, она должна ехать. Если бы у нее только хватило смелости признаться мужу, что она не в силах его покинуть! Ей было страшно.

На вокзал ехали молча. Берта боялась, что у нее дрогнет голос, если она заговорит, и ждала каких-то слов от Эдварда, но в конце концов отважилась произнести:

— Тебе грустно, что я уезжаю?

— Я считаю, что это для твоего же блага, и потому не намерен препятствовать.

Берта недоумевала: что это за любовь, если мужчина со спокойным сердцем относится к расставанию с женой, чем бы оно ни было вызвано? Она подавила тяжкий вздох.

На вокзале Эдвард купил ей билет. Поезда они дожидались в молчании. Эдвард взял у мальчишки-разносчика «Панч» и «Скетч». Отвратительный паровоз, дымя трубой, подъехал к платформе. Крэддок усадил жену в вагон, иона, уже не скрывая слез, подставила губы для поцелуя.

— Может быть, в последний раз… — прошептала Берта.

Глава XXII

72, Элиот-Мэншнз
Челси, Ю.В.
18 апреля

Дорогой Эдвард!

Полагаю, расставшись, мы поступили мудро. Мы совсем не подходим друг другу, и в дальнейшем наши разногласия только стали бы сильней. Узел супружеских отношений между людьми с разными темпераментами затянут так хитро, что его можно лишь разрубить. Попытки развязать его поначалу кажутся успешными, но вскоре выясняется, что каждое действие только затягивает узел туже. Здесь бессильно даже время. Некоторые вещи в мире невозможны: нельзя сложить воду в кучу, как камни; нельзя мерить одного человека по меркам другого. Определенно, мы сделали разумный шаг. Я уверена, что если бы мы продолжали жить вместе, наши ссоры случались бы все чаще. Вспоминать эти грубые, вульгарные скандалы

ужасно неприятно. Мы ругались, точно рыночные торговки. Сама не понимаю, как из моих уст могли вылетать такие гадкие слова.

Очень горько оглядываться назад и сравнивать мои надежды с тем, как все вышло в действительности. Неужто я ждала от жизни слишком многого? О нет, я всего лишь хотела, чтобы мой муж меня любил. Видимо, я чересчур мало просила, поэтому в итоге не получила совсем ничего. В нашем жестоком мире нужно просить сразу много, громко заявлять о своих требованиях, растаптывать всех, кто мешает на пути, и занимать как можно больше места, иначе тебя оттеснят, задвинут в самый конец. Нужно обладать невероятным эгоизмом, в противном случае с тобой никто не будет считаться, к тебе отнесутся, как к безделке, с которой можно поиграть и выбросить.

Конечно, я мечтала о несбыточном. Традиционно принятая условная гармония брака меня не устраивала; я хотела на самом деле стать единым целым с тобой. Каждый индивид — это отдельный мир, и

все остальные в нем — чужаки. Поначалу, страдая от своих горячих стремлений, я предавалась отчаянию, потому что плохо тебя знала. Меня глубоко печалило то, что я не могу по-настоящему понять тебя, постичь твою душу до самого дна. Насколько могу судить, ни единого раза ты не показал мне своей истинной сущности — ты и сегодня для меня почти такой же незнакомец, как спустя час после первой встречи. Я открылась перед тобой, ничего не тая, но передо мной оказался человек, которого я не знаю и никогда не видела. Мы с тобой удивительно разные люди, и я даже не могу представить, что между нами общего. Часто, когда посреди разговора мы умолкали, наши мысли, отправляясь из одной начальной точки, текли в абсолютно разных направлениях, и когда мы вновь возобновляли беседу, становилось ясно, как далеко они разошлись. Я надеялась познать тебя, о да, рассчитывала научиться понимать тебя так хорошо, что наши души слились бы в одну, но всякий раз оказывалось, что мне неизвестно твое мнение даже по самым

простым вопросам.

Вероятно, все сложилось бы иначе, будь у нас дети. Возможно, они связали бы нас более крепкими узами, и, наслаждаясь радостями материнства, я забыла бы о своих утопических мечтах. Однако рок неумолим: я — ветвь чахлого дерева. В книге судеб написано, что род Лей должен исчезнуть с белого света и вернуться к матери-земле, чтобы воссоединиться с ней, и кто знает, что уготовано нам в будущем… Мне нравится думать, что через многие века я буду пшеницей, растущей на плодородной почве, или дымком от костра, в котором сжигают сухие ветки малины и ежевики. Я бы хотела быть похороненной не на мрачном, унылом кладбище, а посреди чистого поля, чтобы острее чувствовать перемены и быстрее возвратиться в лоно природы.

Поверь, жизнь порознь — единственный выход для нас. Я любила тебя слишком страстно и потому не могла довольствоваться твоим холодным отношением ко мне. Разумеется, я была сварливой, придирчивой и недоброй — теперь я

готова признать свои недостатки. Оправдание у меня лишь одно: я была очень, очень несчастна. Молю тебя простить меня за всю боль, что я тебе причинила. В свою очередь, я искренне прощаю тебе все мои страдания. Нам лучше остаться друзьями.

Сейчас я также могу открыть тебе, насколько близка была к тому, чтобы отказаться от своего намерения. Вчера и сегодня утром я едва сдерживала слезы — разлука казалась мне невыносимой, я понимала, что просто не в силах расстаться с тобой. Если бы ты только попросил меня не уезжать, если бы в твоих глазах мелькнула хоть одна искорка сожаления, я бы сдалась. Да, уже не имеет смысла скрывать: я отдала бы все на свете, лишь бы остаться. Увы, я слишком слаба! Всю дорогу я горько плакала. Со дня нашей свадьбы мы впервые не вместе, впервые спим под разными крышами. Но худшее позади. Я сделала свой выбор и буду жить так, как решила. Я не сомневаюсь, что действую во благо. Не вижу ничего дурного в том, чтобы мы изредка перепи-

сывались, если тебе приятно получать от меня весточки. Я считаю, что нам лучше не видеться — по крайней мере пока. Может быть, когда мы оба станем гораздо старше, то сможем спокойно встречаться, но только не теперь. Нет, не теперь. Мне страшно смотреть в твои глаза.

Тетя Полли ни о чем не подозревает. Можешь поверить, мне было очень трудно улыбаться и болтать весь вечер, и, удалившись в свою комнату, я испытала большое облегчение. Сейчас уже далеко за полночь, а я все еще пишу тебе. Мне кажется, я обязана поделиться с тобой мыслями, и мне намного проще изложить их на письме, чем в словах. Разве это не доказывает, как сильно отдалились наши души, если я не решаюсь сказать тебе, о чем думаю? А ведь я надеялась, что сердце мое всегда будет открыто для тебя, что мне никогда не потребуется что-либо скрывать или опасаться выразить свои чувства и мысли. Прощай.

Берта.

72, Элиот-Мэншнз

Челси, Ю.В.

23 апреля

Бедный мой Эдвард!

Ты пишешь, будто надеешься, что я скоро поправлюсь и вернусь в Корт-Лейз. Ты понял меня совершенно неправильно — твое письмо едва не заставило меня расхохотаться. Это верно: я была утомлена и подавлена, когда писала тебе, но дело не в этом. Неужели ты не способен представить себе чувства, не связанные с физическим состоянием? Ты не понимаешь меня и никогда не понимал, и все же я не стану занимать вульгарную позицию *femme incomprise*[30]. Во мне нет ничего сложного и таинственного. Я хотела лишь любви, а ты не мог мне ее дать. Нет, наш разрыв окончателен. Зачем тебе желать моего возвращения? У тебя есть Корт-Лейз и фермы, все в округе тебя обожают… Я была единственным препятствием для полного твоего счастья. Я охотно отдаю тебе Корт-Лейз в вечное владение, ведь до того, как ты пришел; поместье было в полном упадке, и если

[30] Примечания: 30

Женщина, которую не поняли или не оценили по достоинству *(фр.)*.

сейчас оно приносит доход, это все благодаря твоим усилиям. Ты заслужил этот дар, и я прошу принять его. Мне самой вполне хватит тех скромных денег, что оставила матушка.

Тетя Полли все еще думает, что я приехала погостить, и постоянно говорит о тебе. Я продолжаю притворствовать, хотя и сознаю, что долго держать ее в неведении не получится. В настоящее время я регулярно посещаю врача — якобы лечусь от мнимой болезни, и прикупила себе кое-что из одежды.

Договоримся писать друг другу раз в неделю? Знаю, ты не очень любишь письма, но мне бы не хотелось, чтобы ты совсем забыл меня. Если хочешь, я буду писать тебе по воскресеньям, а ты можешь отвечать или не отвечать, по своему усмотрению.

Берта.

P.S. Пожалуйста, даже не думай о каком-либо *rapprochement*[31]. Уверена, в конце концов ты убедишься, что нам обоим на-

---

[31] Примечания: 31
Сближение, примирение, восстановление отношений *(фр.).*

много лучше порознь.

72, Элиот-Мэншнз

Челси, Ю.В.

15 мая

Милый Эдди!

Я была очень рада получить от тебя весточку. Твое желание повидать меня весьма трогательно. Ты пишешь, что хотел бы приехать в Лондон; к счастью, меня здесь уже не будет. Если бы ты заговорил об этом раньше, все могло пойти совершенно иначе.

Тетя Полли сдает квартиру внаем своим хорошим знакомым и уезжает в Париж до конца сезона. Она покидает Лондон уже сегодня, и я решила отправиться в Париж вместе с ней, поскольку здесь мне уже все опостылело. Не знаю, догадывается ли она о чем-то, но я обратила внимание, что в последнее время она перестала упоминать твое имя. Вчера, когда я объясняла ей, что давно хотела поехать в Париж и что ты занялся покраской комнат в Корт-Лейз, она посмотрела на меня довольно скептически. Слава Богу, у тетушки есть замечательное правило никогда не лезть

в чужие дела, поэтому я могу быть уверена, что она не задаст мне ни единого вопроса.

Прости за короткое письмо, я тороплюсь уложить вещи.

Твоя преданная жена

Берта.

41, рю де Экольерс

Париж

16 мая

Эдди, любимый!

Я поступила нехорошо по отношению к тебе. Очень мило, что ты хочешь видеть меня, и мой отказ, наверное, выглядел как-то неестественно. По зрелом размышлении я пришла к выводу, что не случится ничего страшного, если мы встретимся. Разумеется, о моем возвращении в Корт-Лейз речи не идет — есть такие узы, которые, однажды разорвав, уже не соединишь, и самые тяжкие из оков — оковы любви. Тем не менее я не стану препятствовать, если ты решишь навестить меня. Не отрицаю, я тоже хотела бы повидаться с тобой. Сейчас я далеко, однако если я тебе небезразлична, ты, не

колеблясь, совершишь небольшое путешествие.

У нас очень славная квартирка в Латинском квартале, вдали от богачей и многочисленных экскурсантов. Даже не знаю, что пошлее — типичные туристы или тот район Парижа, который они наводняют; по-моему, и то, и другое одинаково отвратительно. Должна сказать, мне глубоко неприятны все эти убогие, но претенциозные бульвары с их безвкусными, раззолоченными вывесками и витринами, дешевыми кафе и толпами скверно одетых иностранцев. Однако, если ты приедешь, я покажу тебе другой Париж, тихий и старомодный, покажу театры, куда не ходят туристы; сады, в которых гуляют прелестные дети и их няньки в чепцах с длинными лентами. Мы пройдемся по узким серым улочкам, где полно милых лавчонок, заглянем в церкви, где молящиеся преклоняют колена и на душе становится очень покойно. Я отведу тебя в Лувр в те часы, когда там почти нет посетителей, и ты увидишь прекрасные картины и статуи, привезен-

ные из Италии и Греции, где и в наше время обитают боги. Жду тебя, Эдди.

С любовью,

Берта.

41, рю де Экольерс

Париж

Мой драгоценный Эдди!

Я разочарована, что ты не приедешь. Мне казалось, если ты захочешь меня увидеть, то найдешь для этого время и оставишь свои фермы на несколько дней. С другой стороны, возможно, это и в самом деле к лучшему, что мы не встретимся. Не буду скрывать: порой я ужасно по тебе скучаю. Я забываю обо всем, что между нами произошло, и всей душой мечтаю опять быть рядом с тобой. Как же я глупа! Я знаю, что нам более не суждено увидеться, но мысли о тебе не оставляют меня. Я схожу с ума, ожидая твоих писем, а когда гляжу на твой почерк, сердце мое начинает биться быстрее, точно у девчонки-школьницы. Ты не представляешь, как сильно ранят меня твои холодные письма, ведь ты никогда не говоришь того, что я хотела бы услышать. Для нас

было бы чистым безумием сойтись вновь. Я смогу сохранить любовь к тебе только на расстоянии. Звучит ужасно, правда? И все-таки я готова отдать что угодно, лишь бы увидеть тебя еще раз. Вопреки всему прошу тебя приехать ко мне. Я ведь не так часто обращаюсь к тебе с просьбами. Пожалуйста, приезжай. Я встречу тебя на вокзале, ты не испытаешь каких-либо неудобств. Здесь невозможно заблудиться, к тому же кругом полно переводчиков из агентства Кука. Не сомневаюсь, тебе очень понравится.

Если любишь меня, приезжай.

Берта.

Корт-Лейз

Блэкстебл, Кент

30 мая

Дорогая Берта!

Прости, что не ответил на твое письмо от двадцать пятого сего месяца, работы было невпроворот. Ты не поверишь, сколько всего нужно сделать по хозяйству в это время года, пока не увидишь дом и фермы собственными глазами. Я никак не смогу приехать в Париж и к

тому же на дух не переношу французов. Смотреть столицу у меня нет охоты, а если я решу отдохнуть, мне вполне сойдет Лондон. Лучше уж ты возвращайся назад. Люди постоянно спрашивают о тебе, да и дома без тебя все как-то не так. Передавай привет тете П.

Извини, спешу.

Любящий тебя супруг

Э. Крэддок.

41, рю де Экольерс

Париж

1 июня

Милый, милый Эдди!

Если бы ты только знал, как меня расстроило твое письмо и как сильно я его ждала. Хоть ты и занят, прошу, не заставляй меня мучиться ожиданием. Я уже вообразила самое худшее — что ты болен или при смерти — и даже собиралась посылать телеграмму. Пожалуйста, пообещай мне, что если ты когда-нибудь почувствуешь себя плохо, то обязательно сообщишь мне об этом. Если тебе срочно необходимо видеть меня, я с радостью приеду, только не думай, что насовсем.

Иногда я чувствую себя больной и слабой и тоскую по тебе, но понимаю, что не должна сдаваться. Ради нашего же обоюдного блага я не намерена повторять ошибку и возвращаться к тяготам прежней совместной жизни. Это было слишком унизительно. В трезвом уме и с полной решимостью я даю слово, что никогда — никогда! — не вернусь в Корт-Лейз.

Твоя преданная и любящая жена
Берта.

Телеграмма

Северный вокзал, 2 июня, 9.50 утра.
Крэддоку в Корт-Лейз, Блэкстебл.
БУДУ СЕГОДНЯ 19.25 ТЧК БЕРТА
41, рю де Экольерс
Париж

Мой дорогой юный друг!

Я обеспокоена. Как вам известно, последние полтора месяца Берта живет со мной по причинам, правдоподобность которых вызвала у меня самые сильные подозрения. На мой взгляд, вовсе незачем приводить так много убедительных дово-

дов, чтобы совершить простую, обычную вещь. Я устояла перед искушением написать Эдварду (это муж Берты, хороший человек, но глупый!) и попросить разъяснений, побоявшись оказаться в дурацком положении, если Берта сказала мне все как есть (хотя я в это не верю).

В Лондоне моя племянница делала вид, что посещает доктора, однако совсем не принимала лекарств, тогда как я убеждена, что ни один приличный специалист не позволит себе взять две гинеи за прием *malade imaginaire*[32], не прописав при этом дюжину снадобий.

Берта отправилась со мной в Париж под предлогом заказа нарядов, однако, судя по поведению, новые платья волновали ее не больше, чем смена кабинета министров. Она прилагала все старания, чтобы скрыть свои чувства, и тем самым делала их еще заметнее. Не передать словами, сколько раз бедняжка на моих глазах испытывала всю гамму эмоций, начиная почти истерическим воодушевлением и

[32] Примечания: 32
Мнимый больной *(фр.)*.

заканчивая столь же глубоким унынием. Берта то предавалась томным размышлениям, как это считалось модным у молодых леди полвека назад (тогда мы все были «молодыми леди», а не «девушками»); то играла на фортепиано отрывки из «Тристана и Изольды», чтобы развлечь меня; то насмешничала над влюбленным художником, чтобы позлить его жену; затем ударялась в слезы, а выплакавшись, чересчур сильно пудрила нос и глаза, что для хорошенькой женщины служит безошибочным признаком крайне подавленного состояния духа.

Сегодня утром я нашла под дверью записку: «Не считайте меня законченной дурочкой, но я больше ни дня не могу прожить без Эдварда. Уезжаю десятичасовым поездом. Б.». И это при том, что в 10.30 ее ждали у мадам Пакен на примерку самого прелестного вечернего платья, какое только можно вообразить.

Не стану обижать вас, излагая мои выводы из всего вышеупомянутого, вы охотно сделаете их сами. Достаточно ценя вас, я не сомневаюсь, что ваши заключе-

ния совпадут с моими.

Искренне ваша,

Мэри Лей.

Глава XXIII

Ступив на английскую землю, Берта испытала явное облегчение: во-первых, она наконец-то оказалась рядом с Эдвардом, а во-вторых, намучилась морской болезнью. Хотя Дувр и Блэкстебл разделяло не больше тридцати миль, сообщение было таким скверным, что ей пришлось выбирать: либо ждать несколько часов в порту, либо садиться на поезд до Лондона, согласованный с расписанием пароходов, а потом ехать шестьдесят миль в обратном направлении. Берта досадовала на задержку, забывая, что теперь она (слава Богу!) в свободной стране, где поезда ходят не для удобства пассажиров, а пассажиры считаются неизбежным злом в процессе получения дохода железнодорожной компанией, управление которой оставляет желать лучшего.

Нетерпение Берты было так велико, что она, не в силах находиться в Дувре, решилась ехать в Лондон, а оттуда — южнее, в Блэкстебл. Таким образом она выигрывала всего десять минут, зато была избавлена от необходимости весь день сидеть в мрачном зале ожидания или слоняться

по городу.

Ей казалось, что поезд еле тащится. Беспокойство Берты стало почти болезненным, когда она узнала пейзажи Кента — сочные луга с аккуратными полосами живой изгороди, высокие, раскидистые деревья и общее впечатление достатка и процветания.

Отлично зная Эдварда, Берта тем не менее надеялась, что он встретит ее в Дувре, и была разочарована, не увидев его на пристани. Потом она решила, что муж приедет за ней в Лондон (хотя не потрудилась объяснить самой себе, каким же это чудесным образом он узнает ее маршрут), и вся затрепетала от волнения, увидев похожую спину. Позднее она принялась утешать себя мыслью о том, что Эдвард непременно будет ждать ее в Фаверсли — эта станция была перед Блэкстеблом, — и когда поезд подъехал к вокзалу, высунулась из окна, окидывая взглядом платформу, но Крэддока там не было.

«Уж сюда мог бы и приехать», — подумала она.

Паровоз несся на всех парах. Берта лучше и лучше узнавала местность — пустынные прибрежные болота и море. Рельсы пролегали почти у самой воды. Наступивший отлив обнажил широкую полосу блестящей грязи, над которой с

пронзительными криками летали чайки. Далее стали попадаться знакомые домики, обветшавшие от ветров и непогод; таверна «Веселый моряк», где в прежние времена осело немало бочек с контрабандным бренди, который везли в главный город епархии — Теркенбери. Миновали пост береговой охраны — несколько низеньких зданий, выкрашенных в темно-розовый цвет, затем с грохотом проехали через мост над центральной улицей, после чего проводники с протяжными кентскими интонациями стали выкрикивать: «Блэкстебл! Блэкстебл!»

Эмоции Берты всегда плохо поддавались контролю и порой накатывали на нее столь мощной волной, что лишали способности к действию. Она с большим трудом открыла вагонную дверь.

— Наконец-то! — облегченно воскликнула Берта.

Никогда она не любила мужа так сильно, как сейчас; ее любовь была физическим ощущением, от которого она едва не теряла сознания. Долгожданное мгновение наступило, и Берте вдруг стало страшно. Она относилась к тем людям, которые энергично добиваются благоприятной возможности, но в решительный момент ее упускают. Душу Берты переполняли чувства, она

боялась разрыдаться при виде идущего навстречу Эдварда. Сколько раз она представляла себе эту встречу: Эдвард приближается к ней широким, ровным шагом, помахивая тростью, а впереди с оглушительным лаем несутся его собаки.

Двое носильщиков по-моряцки вразвалочку подошли к багажному отделению, чтобы снять кофры и чемоданы. Пассажиры один за другим покидали вагоны. Рядом с Бертой оказался одутловатый клерк в поношенном черном костюме с маленьким ребенком на руках. Следом за ним появилась его бледная жена с другим младенцем и бесчисленными свертками, за ней еще двое или трое детей. По платформе прошел рабочий, три-четыре моряка и двое подтянутых солдат-пехотинцев. Все они стекались к турникету, где стоял билетный контролер. Носильщики выгрузили багаж, и поезд, шипя, пополз дальше. Какой-то сердитый столичный житель цветисто ругался, потому что его вещи уехали в Маргейт. Начальник станции в богато отделанной форменной фуражке с напыщенным видом направился к недовольному пассажиру узнать, в чем дело. Берта крутила головой, оглядывая платформу. Эдварда не было.

Начальник станции прошествовал мимо Бер-

ты, одарив ее покровительственным кивком.

— Вы не видели мистера Крэддока? — спросила она.

— Нет, не видел. Если не ошибаюсь, вон там вас ожидает экипаж.

Берту охватила дрожь. Носильщик осведомился, нужны ли его услуги; она лишь молча кивнула. У выхода из вокзала ее ждала коляска. Кучер приподнял шляпу и передал Берте записку.

> «Дорогая Берта!
>
> К большому сожалению, не могу тебя встретить. Я никак не ожидал, что ты приедешь, и принял приглашение лорда Филипа Дирка, который устраивает теннисный турнир и бал. Я переночую у него и вернусь только завтра. Пожалуйста, не сердись. Увидимся утром.
>
> Э.К.».

Усевшись, Берта забилась в дальний угол, чтобы ее никто не видел. Поначалу она как следует не поняла содержания записки — проведя последние несколько часов на пике возбуждения, она так сильно разочаровалась, что утратила способность думать. Берта никогда не отличалась здравым суждением и сейчас была ошеломлена.

Это просто немыслимо! Как бессердечно со стороны Эдварда отправиться на теннисный турнир, в то время как Берта на крыльях любви прилетела домой. Причем она не просто вернулась из какой-то там поездки, нет, она впервые уходила от мужа, полная ненависти, и думала, что расстается с ним навсегда. Но в разлуке костер ее любви вновь разгорелся в полную силу, Берта возвратилась в надежде на примирение, а Эдварда нет дома! Он ведет себя так, будто жена на полдня выбралась в город за покупками.

— Какая же я дура!

Внезапно у нее промелькнула мысль о том, чтобы вновь уехать — сейчас, немедленно. Не проще ли так? Видеть Эдварда — невыносимо. Однако поездов в этот день больше не было. Какое множество тайных побегов, вероятно, не состоялось из-за особенностей железнодорожного сообщения между Лондоном, Чатэмом и Дувром! И все-таки Эдвард не мог не знать, как огорчит Берту его отсутствие. Может быть, он откажется от теннисного турнира? Возможно, он уже дома, в Корт-Лейз, ждет ее. Берта вновь приободрилась и стала смотреть в окошко на родные места. Наверное, Эдвард стоит у ворот. Для нее это будет огромной радостью, настоящим облегчением!

Экипаж подъехал к воротам поместья — Кр-эддок не появился; не встретил он Берту и у крыльца. Она вошла в дом, решив, что муж не слышал стука колес и находится в коридоре или в гостиной, однако его нигде не было, а слуги подтвердили, что он действительно уехал к лорду Филипу Дирку.

В доме было пусто, холодно и неприветливо. Комнаты приобрели нежилой вид, мебель была казенно составлена по углам, спинки кресел — по распоряжению Эдварда — накрыты салфетками. К удивлению горничной, Берта сняла их одну за одной и молча бросила в нерастопленный камин. Ей все еще не верилось, что Эдвард не приедет на ночь домой.

Берта села ужинать, ожидая, что он вот-вот возвратится, и долго не ложилась спать по той же самой причине. Однако он не приехал.

— Господи, лучше бы мне остаться в Париже! — тяжко вздохнула Берта.

Мыслями она вернулась к борьбе, которая происходила в ее душе в последние недели. Гордость, негодование, здравый смысл — все это было на одной чаше весов, а на другой — лишь любовь, но любовь одержала победу. Воспоминания об Эдварде почти не покидали Берту, он был с ней

рядом и в снах. Письма от мужа приводили ее в неописуемый трепет; разглядывая его почерк, взволнованная Берта мечтала о встрече. Ночью она просыпалась, ощущая на губах поцелуи Эдварда. Она молила его приехать, но он не смог или не захотел. В конце концов ее тоска достигла предела, и в то самое утро, не получив желанного письма, Берта решила сбросить маску гнева и вернуться к мужу. И пусть тетя Полли посмеется над ней, пусть Эдвард сочтет, что выиграл. Берта не может без него, он вся ее любовь, вся жизнь.

«Боже, зачем только я вернулась!» — подумалось ей.

Она вспомнила, как истово молилась о том, чтобы Эдвард любил ее так, как она желала. Бурное восстание духа после смерти ребенка постепенно сошло на нет, и в своем одиноком отчаянии Берта обрела новую веру. У некоторых вера в Бога приходит и уходит сама по себе, для таких людей это вопрос не столько религиозности, сколько душевной восприимчивости. Берта обнаружила, что гораздо лучше чувствует себя в католических храмах, нежели в унылых молитвенных домах, к которым привыкла в Англии. Она не могла бормотать молитвы строго по часам в обществе трех сотен посторонних; толпа заставляла ее за-

мыкаться, прятать свои чувства, и сердце Берты раскрывалось, только когда она была наедине с собой. В Париже она нашла маленькие церквушки, открытые день и ночь, куда можно было зайти днем, если уличный свет слепил глаза, или вечером, когда полумрак, запах ладана и тишина навевали покой. Единственным источником освещения служило пламя тонких восковых свечей, зажженных благодарными или просящими прихожанами. Этот огонь создавал приятное, таинственное мерцание, и Берта горячо молилась за мужа и себя.

Тем не менее Эдвард остался равнодушным к ее порыву. Все усилия были напрасны. Берта сравнивала свою любовь с драгоценным камнем, ценности которого Эдвард не понимал и которым ничуть не дорожил. Она, однако, была слишком несчастна и подавлена, чтобы злиться. Что толку впадать в гнев? Берта прекрасно знала, что муж посчитает свой поступок вполне естественным. Завтра он вернется — уверенный в себе, довольный, выспавшийся, и ему даже в голову не придет, что жена пережила мучительное разочарование.

«Наверное, дело во мне. Я слишком капризна и требовательна, и ничего не могу с этим по-

делать», — думала Берта. Она знала лишь один способ любить, и тот был никуда не годным. «Как я хочу уехать отсюда, теперь уже навсегда!» — мысленно воскликнула она.

Утром Берта встала, в одиночестве позавтракала и занялась делами по дому. Эдвард обещал быть к ленчу, и разве честь не обязывала его сдержать слово? Нетерпение Берты улетучилось, она уже не испытывала недавнего воодушевления. Она собиралась прогуляться — было тепло, воздух благоухал ароматами, — но потом отказалась от этого намерения, чтобы не огорчить Эдварда, если тот вернется в ее отсутствие.

«До чего же глупо заботиться о его чувствах! Не застав меня, Эдвард преспокойно займется своими делами и думать забудет обо мне, пока я не появлюсь».

И все же Берта осталась дома. Наконец Крэддок приехал, но она не торопилась его встречать. Берта разбирала вещи в спальне и продолжила свое занятие, хоть и слышала внизу голос мужа. К ее собственному удивлению, вчерашнее острое и почти болезненное ожидание сменилось равнодушием. Когда Эдвард вошел в комнату, она обернулась, но осталась стоять на месте.

— С возвращением! Как поездка? Понрави-

лась?

— Да, пожалуй.

— Послушай, здорово, что ты опять дома. Не разозлилась, что меня не было?

— Ну что ты, — с улыбкой проговорила Берта. — Я и не думала злиться.

— Вот и хорошо. Я ведь до этого ни разу не был у лорда Филипа, поэтому просто не мог в последний момент послать телеграмму и сообщить, что не приеду, потому что должен встречать жену.

— Разумеется, не мог. Ты оказался бы в неловком положении.

— Правда, я чувствовал себя не в своей тарелке. Если бы ты предупредила меня о своем приезде хотя бы за неделю, я бы отказался от приглашения.

— Мой дорогой Эдвард, я ужасно непрактична — никогда не знаю, что мне придет в голову. Я всегда действую под влиянием минуты, и это доставляет неудобства как мне самой, так и окружающим. Кроме того, я нисколько не ожидала, что ты в чем-либо себе откажешь ради меня.

Берта смотрела на мужа с самой первой секунды, как он вошел, и в изумлении не могла отвести взгляда. Она была смущена, почти напугана — она едва узнала Эдварда!

За три года совместной жизни Берта не замечала перемен в его внешности и, обладая недюжинной способностью идеализировать, хранила в душе образ того человека, каким он предстал перед ней в их первую встречу: стройным и сильным деревенским парнем двадцати восьми лет. В отличие от нее мисс Лей прекрасно видела происходящие изменения, и острые женские язычки поговаривали, что мистер Крэддок безобразно толстеет, однако его жена оставалась слепа, а разлука еще больше подстегнула ее воображение. Находясь вдали, Берта думала об Эдварде как о самом красивом мужчине на свете, мысленно любовалась его правильными чертами лица, светлыми волосами, неистощимым запасом молодости и силы. Реальность разочаровала бы ее даже в том случае, если бы Эдвард сохранил юношескую привлекательность, однако теперь, увидев и иные перемены, Берта испытала настоящее потрясение. Перед ней стоял другой человек, почти незнакомец.

Выглядел Эдвард неважно: он еще не достиг тридцати одного года, но на вид ему можно было дать гораздо больше. Он сильно раздался и набрал лишний вес, черты лица потеряли утонченность, а румянец на щеках приобрел характер

некрасивых пятен. В манере одеваться сквозила неряшливость, двигаться он стал тяжело и неуклюже, как будто на подошвы налипла глина, а кроме того, в нем стойко укрепились добродушие, здоровый аппетит и назойливая общительность преуспевающего фермера.

Красота Эдварда всегда доставляла Берте изысканное удовольствие, и сейчас, по обыкновению, ударившись в другую крайность, она сочла его чуть ли не уродом. Это было преувеличением: Крэддок, хотя уже и не тот стройный юноша, в своей заматерелости по-прежнему выглядел гораздо лучше большинства мужчин.

Он поцеловал Берту со сдержанностью супруга, и от его близости в ноздри ей ударили острые запахи фермы, прочно въевшиеся в плоть Эдварда независимо от того, как часто он менял одежду. Берта брезгливо отвернулась, ее едва не передернуло, хотя это были все те же «мужские» ароматы, вдыхая которые она когда-то сладко замирала от желания.

Глава XXIV

Воображение Берты редко позволяло ей видеть вещи в свете, отличном от фальшивого. Иногда они сверкали и переливались, озаренные сиянием идеала, а порой наблюдалось совершенно противоположное явление. Поразительно, что столь короткий перерыв в отношениях разрушил привычку, сложившуюся за годы, однако факт был налицо: Эдвард превратился в чужака, и Берте стало неприятно делить с ним спальню. Теперь она смотрела на мужа взором, затуманенным желчью, и говорила себе, что наконец-то поняла, каков он на самом деле. Бедный Эдвард дорого расплачивался за былую привлекательность, которой время незаметно его лишило, взамен наградив избытком жира. Восточный ветер, значительное положение и сытая жизнь огрубили его некогда тонкие черты, сделали щеки чересчур полнокровными.

Любовь Берты окончательно испарилась так же внезапно, как родилась, и муж стал ей противен. Она приобрела определенную способность к анализу, которой в совершенстве владела мисс Лей, и

теперь изучала характер Крэддока с губительным для всяких чувств результатом. Отъезд жены поставил под угрозу семейное счастье Эдварда и в другом плане: парижский воздух взбодрил Берту и заострил ее ум; она покупала много книг, посещала театры, читала французские газеты, живость языка в которых поначалу приятно контрастирует со сдержанностью британских изданий. Все это вкупе удвоило ее придирчивость и чрезвычайно усилило нетерпимость ко всему глупому и скучному.

Вскоре Берта пришла к выводу, что муж обладает не просто заурядным, но крайне низким интеллектом. Его невежество более не казалось трогательным, а, наоборот, выглядело постыдным, предрассудки из забавных превратились в дикие. Берта негодовала на себя за то, что рабски унижалась перед человеком, наделенным столь косным мышлением и пустой, бессодержательной натурой. Она уже не понимала, как вообще могла испытывать к нему страстную любовь. Эдвард строго следовал дурацкому порядку; Берта раздражалась сверх всякой меры, наблюдая за методичностью, с какой Крэддок проводил утренний туалет — ничто на свете не могло изменить последовательность процедур умывания

и причесывания. Уверенность, самодовольство и незыблемая правильность Эдварда также приводили ее в бешенство.

Вкусы Эдварда в литературе, живописи и музыке были достойны презрения, а его потуги судить о них — смехотворны. Поначалу Берта не обращала внимания на недостатки супруга, позже утешалась общеизвестной истиной о том, что мужчина может не разбираться в искусстве и при этом обладать всеми возможными добродетелями. Теперь же она стала гораздо менее снисходительной. Ее возмущало, что Эдвард считает себя вправе высказывать мнение о книгах — даже не читая их! — только потому, что он, как любой школяр, выучился читать и писать. Конечно, неразумно винить беднягу в слабости, присущей большей части человечества. Любой, кто умеет держать перо, уверен в своем таланте критиковать, причем критиковать свысока. Обычному человеку просто не приходит в голову, что для написания книги требуется не меньше мастерства, чем, скажем, для подделки фунта чаю. Он также не задумывается о том, что автор оперирует такими понятиями, как стиль и контраст, свет и тень, словесный портрет, а также многими другими, к которым торговля зеленью, лентами

и булавками, разведение свиней или конторская работа не имеют никакого отношения.

Однажды Эдварду попалась на глаза желтая обложка французской книги, которую читала Берта.

— Опять за книжкой? — воскликнул он. — Ты слишком много читаешь, это вредно.

— Вот как?

— Да. По моему мнению, женщина не должна забивать голову книжками. Лучше гулять на свежем воздухе или заниматься чем-нибудь полезным.

— Ты так думаешь?

— Ну вот скажи мне, почему ты все время читаешь?

— Для развлечения, а иногда еще и для просвещения.

— Многому ты просветишься из непристойного французского романа!

Вместо ответа Берта протянула ему книгу и указала на заголовок: это были письма мадам де Севинье[33].

— И что?

---

[33] Примечания: 33

Мадам де Севинье (Мари де Рабютен-Шанталь, баронесса де Севинье, 1626–1696) — французская писательница, автор «Писем» — самого знаменитого в истории французской литературы эпистолярия.

— Название тебе ни о чем не говорит? — с улыбкой спросила Берта. И вопрос, и тон стали ее отмщением за многое. — Боюсь, ты совсем не образован. Видишь ли, я читаю отнюдь не роман, и в нем нет ничего непристойного. Это письма матери к дочери, образец эпистолярного жанра и женской мудрости.

Берта нарочно выражалась в несколько официальной и вычурной манере.

— А-а, — сказал Эдвард с озадаченным видом.

Он несколько смутился, однако убежденность в собственной правоте его не покинула. Берта сухо улыбнулась.

— Что ж, читай, если тебя это развлекает. Я не против, — пожал плечами Эдвард.

— Ты очень добр.

— Я простой человек и не притворяюсь ученым, мне этого не надо. В той отрасли, которой я занимаюсь, книжки читают только неудачники.

— Тебя послушать, так необразованность — это достоинство.

— Лучше иметь доброе сердце и чистую душу, чем ученость, Берта.

— Лучше иметь хоть каплю мозгов, чем запас назидательных изречений!

— Не знаю, о чем ты, только я нравлюсь се-

бе таким, каков есть, и вовсе не желаю учить иностранные языки. Мне вполне хватает английского.

— Думаешь, если ты хороший охотник да еще регулярно моешь шею, то с лихвой выполнил человеческий долг?

— Можешь говорить что угодно, но если и есть тип людей, которых я не выношу, то это презренные книжные черви.

— Я предпочла бы книжного червя гибриду профессионального игрока в крикет и любителя турецких бань.

— Имеешь в виду меня?

— Можешь принять это на свой счет, если хочешь, — улыбнулась Берта, — или на счет целого класса. Не возражаешь, если я продолжу чтение?

Берта снова взялась за книгу, но Крэддок, чувствуя, что пока не вышел победителем, был настроен спорить дальше.

— Послушай, — продолжил он, — если тебе хочется читать, почему ты не читаешь английских книг? Разве в них мало полезного? Я считаю, что англичане должны держаться своих корней. Не буду притворяться, французских книжек я не читал, но все вокруг только и говорят, что большинство этих, с позволения сказать, про-

изведений, просто непотребны и уж точно не годятся для дамского чтения.

— Весьма опрометчиво судить о чем-либо с чужих слов, — отозвалась Берта, не поднимая глаз.

— Учитывая, как отвратительно французы с нами обходятся, я вообще спалил бы их книжонки — все до единой! — на большом костре. Уверен, это было бы великим благом для нас, англичан. Нам сейчас нужно восстановить чистоту национальной культуры. Лично я стою за английскую мораль, английские дома, английских матерей и английские традиции.

— Меня всегда поражало, милый, что ты выражаешься языком «Дейли телеграф», хотя читаешь исключительно «Стандард».

Берта вернулась к чтению и более не обращала внимания на Эдварда, который принялся разговаривать со своими собаками. Как большинство поверхностных людей, он находил молчание тягостным. Берта считала, что муж не любит тишину, так как в тишине бессодержательность его натуры проявлялась слишком явно и становилась очевидной для него самого. Крэддок разговаривал со всеми одушевленными объектами — со слугами и собаками, с котом и курами; даже газету он читал с обязательными коммен-

тариями вслух. К короткому молчанию Эдварда побуждала лишь плотная трапеза. Порой его нескончаемая болтовня раздражала Берту до такой степени, что она умоляла мужа во имя всего святого закрыть рот. Эту просьбу он воспринимал с добродушным смехом.

— Я расшумелся, да? Извини, не заметил.

Эдвард умолкал на десять минут, после чего начинал напевать себе под нос избитый мотив, а что могло быть хуже?

Точек расхождения между супругами было не сосчитать. Эдвард обладал смелостью открыто защищать свои убеждения, неприязненно относился к тому, чего не понимал, и был склонен считать все чуждое безнравственным. Берта прекрасно играла на фортепиано и пела хорошо поставленным голосом, однако ее таланты не находили отклика у супруга, потому что она никогда не исполняла разухабистых мелодий, которым можно было подпевать, насвистывать или стучать в такт. Крэддок упрекал жену за чрезмерную изысканность вкуса и невольно делал вывод, что женщина, презрительно пожимающая плечами при звуках сверхпопулярной песенки из водевиля, пожалуй, не совсем нормальна. Надо заметить, Берта усиливала это

впечатление: когда по соседству устраивали скучный музыкальный вечер, она испытывала злорадное удовольствие, исполняя длинный речитатив из оперы Вагнера, в котором слушатели ровным счетом ничего не понимали.

В один из таких вечеров у Гловеров старшая мисс Хэнкок обернулась к Эдварду и похвалила великолепную игру его супруги. Крэддок слегка забеспокоился: все бурно аплодировали, тогда как ему звуки казались бессмысленными.

— Я простой человек, — сказал он, — и готов честно признать, что никогда не понимал той музыки, что играет Берта.

— О, даже Вагнера, мистер Крэддок? — изумилась мисс Хэнкок. Ей было так же скучно, как Эдварду, однако она ни за что на свете не призналась бы в этом, скромно считая, что истинного восхищения достойны лишь вещи, находящиеся выше ее понимания.

Берта посмотрела на мужа, вспомнив свою мечту о том, как они вдвоем с Эдвардом по вечерам будут сидеть за фортепиано и играть пьесу за пьесой. В действительности он всегда отказывался покидать свое кресло и периодически засыпал.

— Мое представление о музыке совпадает

со взглядами доктора Джонсона[34], — заявил Крэддок, оглядывая собравшихся в ожидании поддержки.

— Неужто и Саул среди пророков? — пробормотала Берта.

— Слушая трудную пьесу, я думаю: лучше бы ее совсем нельзя было сыграть!

— Ты забываешь, дорогой, — вставила Берта, — что доктор Джонсон был грубым стариком, которого наша замечательная Фанни не пустила бы даже на порог своей гостиной.

— Теперь спойте вы, Эдвард, — сказала мисс Гловер. — Давненько мы вас не слышали.

— Господь с вами, — расплылся в улыбке тот. — Мое пение слишком старомодно. Во всех моих песнях есть мотив и чувство, они годятся только для кухни.

— Пожалуйста, спойте «Бена Болта», — попросила мисс Хэнкок. — Нам очень нравится эта песня.

Репертуар Эдварда был весьма скромен, и все знали его наизусть.

— Хорошо, только чтобы угодить вам, — ответил Крэддок.

---

[34] Примечания: 34

Джонсон, Сэмюэл (1709–1784) — английский критик, лексикограф и поэт эпохи Просвещения.

По правде сказать, он очень любил петь, а аплодисменты слушателей неизменно льстили его слуху.

— Подыграть тебе, дорогой? — спросила Берта.

Ты помнишь ли милую Элис, Бен Болт,
Красавицу в темных кудрях?
Ты лишь улыбнешься — она расцветет.
Нахмуришься — тут же в слезах!

Когда-то Берта находила определенное очарование в этих незатейливых стихах и простой мелодии, на которую они были положены, однако от частых повторений песня, естественно, ей надоела. Эдвард исполнял ее в скромной, безыскусной — то есть буквально в неумелой — манере, зато с большим пафосом. Берта была настроена воинственно: она кое-что задолжала мужу за несправедливые нападки на ее игру. Ей пришло в голову украсить аккомпанемент трелями и другими мелизмами, которые необычайно забавляли ее саму, но приводили в замешательство Эдварда. Наконец, когда муж дрогнувшим голосом спел строку о суровом директоре школы, на могиле которого растет трава, она вплела в мелодию пассажи из «Голубых колокольчиков Шотландии» и «Боже, храни королеву», так что

Эдвард совсем сбился. На этот раз он все-таки вышел из равновесия:

— Послушай, я не могу петь, когда ты дурачишься.

— Прости, — улыбнулась Берта, — кажется, я увлеклась. Давай начнем сначала.

— Нет, не хочу. Ты все испортила.

— У миссис Крэддок нет сердца, — сказала мисс Хэнкок.

— Нехорошо смеяться над старой песней, — укоризненно произнес Эдвард. — Этак каждый может насмехаться. Лично я считаю, что настоящая музыка должна брать за душу. Я не сентиментален, но всякий раз, когда пою «Бена Болта», у меня слезы на глаза наворачиваются.

Берта с трудом удержалась от признания в том, что при звуках этой песни она сама порой готова рыдать, особенно когда муж фальшивит. Все посмотрели на нее так, будто она вела себя очень дурно. Берта спокойно взглянула на мужа, однако тот был хмур. По пути домой она поинтересовалась у Эдварда, знает ли он причину ее поступка.

— Понятия не имею. Разве что на тебя опять напал приступ скверного настроения. Полагаю, ты уже раскаиваешься.

— Ничуть, — ответила Берта. — Как раз перед

тем ты меня обидел, вот я и решила тебя немножко проучить. Иногда в тебе слишком много высокомерия. А еще я не потерплю, чтобы меня отчитывали прилюдно. Впредь будь любезен обождать со своей критикой до тех пор, пока мы останемся наедине.

— Я думал, ты уже в состоянии нормально воспринимать шутки, — ответил Эдвард.

— Вполне, — кивнула Берта. — Правда, если ты заметил, дорогой, я очень быстро перехожу в оборону.

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что я могу быть совершенно несносной, если захочу, поэтому советую не нарываться на колкости в присутствии посторонних.

Крэддок впервые услышал от жены угрозу, высказанную в таком спокойном тоне, и это произвело на него впечатление.

Тем не менее обычно Берта сдерживала язвительные замечания, постоянно готовые сорваться с языка. Она нежно лелеяла свою злобу и ненависть к мужу, ощущая глубокое удовлетворение от того, что наконец освободилась от любви к нему. Оглядываясь назад, она сознавала невероятную тяжесть оков страсти, которые удерживали

ее прежде. И как же сладка была месть (хотя Эдвард о ней и не знал) — сорвать с кумира горностаевую мантию и корону, лишить его символов владычества! Нагой, он являл собой жалкое зрелище. Крэддок ни о чем не подозревал. Словно душевнобольной в сумасшедшем доме, он правил своим воображаемым королевством. Эдвард не замечал, как насмешливо изгибались губы жены в ответ на его глупое высказывание, не замечал ее презрения, а поскольку она сделалась гораздо менее капризной, чувствовал себя счастливее, чем раньше. У иронизирующего философа, вероятно, нашелся бы повод извлечь определенную мораль из того факта, что Крэддок стал считать свой брак удачным во всех отношениях только после того, как жена его возненавидела. Он говорил себе, что пребывание за границей принесло Берте огромную пользу, сделало ее более сговорчивой и разумной. Хорошее доказательство тому, что принципы мистера Крэддока были верны: он дал жене вволю помахать крыльями, не обращая внимания на ее кудахтанье, и вот теперь она вернулась в курятник и спокойно устроилась на насесте, спрятав головку под крыло. Если разбираешься в фермерском деле и знаешь повадки домашних животных, то уж подавно управишься

с собственной женой.

Глава XXV

Если бы боги, сеющие разум в самых неожиданных местах — так, что иногда его можно обнаружить под епископской митрой, а раз в тысячу лет — даже под королевской короной, — наделили бы Эдварда хоть каплей этого ценного вещества, он, безусловно, стал бы не только хорошим, но и великим человеком. Удача постоянно улыбалась ему; он посмеивался над завистью соседей, хозяйствовал с хорошей прибылью и, укротив мятежный нрав супруги, наслаждался семейным счастьем. При этом необходимо отметить, что судьба лишь справедливо вознаграждала его по заслугам. Бодрый духом, в ладу с собой Эдвард Крэддок шел по пути, проложенному для него милостью провидения. Дорогу ему освещали непоколебимое чувство долга, принципы, впитанные с молоком матери, и убежденность в собственной добродетели.

Вполне закономерно, что в один прекрасный день к нему явилась делегация с предложением поучаствовать в предстоящих выборах в окружной совет. Эдвард, заранее предупрежденный об

этом визите, принял мистера Аттхилла Бэкота и семерых членов комитета, облачившись в сюртук и напустив на себя чрезвычайно серьезный вид. Он уведомил делегацию, что не намерен делать поспешных заявлений и сообщит о своем решении только после того, как все тщательно обдумает. Внутренне Эдвард уже согласился на участие в выборах и, проводив посетителей, поднялся к жене.

— Дела идут в гору, — подытожил он, после того как пересказал Берте все подробности. Округ Блэкстебл, от которого предлагали избираться Крэддоку, населяли преимущественно рыбаки, и настроения в нем преобладали радикальные. — Старик Бэкот говорит, что я единственный кандидат с умеренными взглядами, у которого есть реальный шанс победить.

Изумленная Берта не нашлась с ответом. Она была столь низкого мнения о муже, что у нее не укладывалось в голове, как ему вообще могли сделать подобное предложение. Она мысленно прокручивала различные варианты.

— Здорово, правда?

— Ты ведь не намерен соглашаться?

— Что значит не намерен? Я обязательно дам согласие. А ты что думаешь по этому поводу?

— Эдвард, ты никогда не занимался политикой, ни одной речи в жизни не произнес!

Берта была уверена, что муж выставит себя круглым дураком, и, дабы избежать позора, решила отговорить его от участия в выборах. «Он безбожно глуп!» — думала она.

— Вот еще! Я произносил речи на званых обедах. Ты мне поможешь, и я что-нибудь да скажу.

— Тут совсем другое; ты ничего не смыслишь в делах окружного совета.

— Всего-то и нужно, что присматривать за лоббистами и следить, чтобы забивали лошадей, зараженных сапом.

Нет ничего труднее, чем убедить мужчин в их невежестве. Берта, преувеличивая серьезность вопроса, считала, что претендовать на официальный пост, не имея ни знаний, ни способностей, — это сущее шарлатанство. К счастью, большинство людей не разделяет ее мнения, иначе правительство этого просвещенного государства не продержалось бы и дня.

— Я думал, тебя порадует, что я приобрету вес в обществе, — сказал Эдвард.

— Я не хочу, чтобы люди над тобой смеялись. Ты сам часто говорил, что не любишь книжную науку, поэтому тебя не должны обижать мои сло-

ва о том, что ты не слишком сведущ. По-моему, нечестно занимать пост, не имея ни опыта, ни знаний.

— Это у меня нет опыта и знаний? — удивленно вскричал Эдвард. — Вот тебе и на! Послушай, я не любитель хвастать, но совершенно уверен, что знаю практически обо всем. Спроси старого Бэкота, что он обо мне думает, и он раскроет тебе глаза. На самом деле только ты меня и не ценишь. Как говорится, ни один человек не бывает героем в глазах своего слуги.

— Дорогой, твоя пословица очень уместна. Я не собираюсь препятствовать твоим намерениям. Я всего лишь считала, что ты плохо знаешь, во что ввязываешься, и потому хотела избавить тебя от унижения.

— Унижения? С какой стати? А-а, думаешь, меня не изберут? Держу пари на любые деньги, что я наберу большинство голосов!

На следующий день Эдвард написал мистеру Бэкоту письмо, в котором с удовольствием сообщал о том, что поддерживает решение местной организации консерваторов. Берта, понимавшая, что никакие доводы не заставят мужа отказаться от задуманного, решила взяться за его подготовку, дабы он не выглядел убогим посмешищем.

Степень ее опасений была обратно пропорциональна оценке способностей Эдварда.

Она выписала из Лондона сборники законов, а также официальные справочники по правам и обязанностям членов окружного совета, и неоднократно просила Эдварда их проштудировать. Однако он в своей обычной снисходительной манере лишь отмахивался от ее просьб и насмешничал, когда Берта сама читала эти книги, чтобы позже пересказать их мужу.

— Да на кой мне сдалась эта чепуха? — восклицал он. — Смекалка нужна, и больше ничего. Думаешь, кандидат в члены парламента хоть немного разбирается в политике? Конечно же, нет.

Берта негодовала: Эдвард так горд своим невежеством, что упорно отказывается учиться! По счастью, люди не сознают собственную глупость, в противном случае полмира покончило бы жизнь самоубийством. Знание — это блуждающий огонек, что вечно порхает вне досягаемости путника, и даже для того, чтобы просто увидеть его неверное пламя, надо проделать долгое и трудное путешествие. Только поняв многое, человек сознает бездну своего неведения. Дурак, довольный тем, что ему нечего постигать, соот-

ветственно пребывает в полной уверенности, что знает все. Такого гораздо легче убедить в том, что луна сделана из сыра, нежели в том, что он не всеведущ. Как раз в это время в Лондоне проходили выборы в окружной совет, и Берта, надеясь привести Эдварду полезные примеры, усердно зачитывала политические речи, которые там произносились. Крэддок, однако, не желал ее слушать.

— Мне не нужны чужие шпаргалки. Я сам найду, что сказать.

— Почему бы тебе не написать речь заранее, а потом заучить ее? — предложила Берта, рассчитывая немного подправить текст и таким образом спасти себя и мужа от публичного позора.

— Старик Бэкот говорит, что всегда сочиняет речи на ходу и что Фокс лучше всего ораторствовал, когда был мертвецки пьян.

— Тебе известно, кто такой Фокс[35]?

— Какой-то старикашка с хорошо подвешенным языком.

Наступил день, когда Эдварду предстояло выступить с первым обращением в муниципалитете Блэкстебла. Афиши с радостной новостью

---

[35] Примечания: 35

Имеется в виду Уильям Джонсон Фокс (1786–1864) — английский богослов, оратор и политический деятель.

заблаговременно были расклеены на всех городских стенах и вывешены в витринах лавок. Мистер Бэкот явился в Корт-Лейз, потирая руки.

— Мы соберем полный аншлаг. Все пройдет успешно. Зал рассчитан на четыреста человек; думаю, не останется даже стоячих мест. Смею сказать, мистер Крэддок, вам придется еще раз произнести речь в Форестер-холле перед теми, кто не попадет на ваше первое выступление.

— Я готов выступать сколько угодно, — отозвался Эдвард.

Берта все больше нервничала, предчувствуя громкий провал. Люди ведь не знают — в отличие от нее! — насколько ограничен Эдвард. Она хотела остаться дома, чтобы не подвергаться этой пытке, однако мистер Бэкот зарезервировал для нее стул на помосте.

— Эдди, ты волнуешься? — спросила Берта мужа. С приближением рокового часа ее сердце смягчилось.

— Я? С какой стати мне волноваться?

Зал действительно оказался переполнен: такой возбужденной и вонючей толпы Берта еще не видела. Газовые рожки, потрескивая, бросали уродливые отблески на публику — моряков, лавочников и рабочих с ферм. На помосте по-

лукругом, точно бессмертные боги, восседали местные знаменитости; все они были консерваторами до мозга костей. Берта тревожно огляделась по сторонам и постаралась успокоить себя мыслью о том, что у нее нет причин испытывать трепет перед этими глупыми людьми.

Председательское место занял викарий. Он открыл собрание и коротко, в тщательно подобранных словах представил Крэддока.

— Как гласит пословица, хороший товар не нуждается в рекламе. То же самое можно сказать о мистере Крэддоке. Вы все отлично его знаете, так что представления излишни. Тем не менее, как принято в подобных случаях, я вкратце расскажу о нашем кандидате. Настоящим имею честь… и проч., и проч.

Когда Эдвард поднялся, Берта замерла. Она не смела поднять глаз на аудиторию. Крэддок, засунув руки в карманы, прошел к трибуне. Он настоял на том, что сам выберет себе одежду: на нем был сюртук и простые штаны из крапчатой шерстяной материи.

— Господин председательствующий, леди и джентльмены, я не привык к публичным речам…

Берта вздрогнула и подняла взгляд. Неужели

в конце девятнадцатого века можно всерьез начинать выступление такими словами? Ее муж, однако, не шутил. Веским, сдержанным тоном он продолжал. Обведя взором публику, Берта не заметила ни тени улыбки. Крэддок сохранял абсолютную невозмутимость; он быстро освоился и вошел в струю своего выступления. Речь была отвратительной. Крэддок употреблял все самые избитые фразы, какие только знал; нелепо мешал жаргонные словечки с высокопарными выражениями, а от его глупых, «бородатых» шуток Берту бросало в холодный пот. Она поражалась: как может Эдвард держаться с такой самоуверенностью? Разве он не понимает, что сам себя ставит в дурацкое положение? Берта не шевелилась, боясь услышать смешки миссис Брандертон и девиц Хэнкок. «Сразу видно, кем он был до женитьбы на мисс Лей. Совершенно необразованный тип. Интересно, почему жена не отговорила его от этого позора? Что за безграмотность, что за убогие байки и шуточки!» Берта в ярости стискивала кулаки, на ее щеках постоянно вспыхивала краска стыда. Речь оказалась еще хуже, чем она предполагала. Крэддок использовал невероятно длинные обороты и, запутавшись в собственном многословии, был вынужден оставлять предложение незакон-

ченным. Начав цветистую фразу, он постепенно комкал ее и в конце сводил к самой пошлой банальности. Эдвард напоминал Берте человека, который отправился покорять Анды, но затем передумал и ограничился прогулкой по Бонд-стрит. Насколько еще хватит терпения публики, прежде чем оратора освищут? Берта мысленно благодарила аудиторию за снисходительность. А что потом? Мистер Бэкот попросит Эдварда снять свою кандидатуру? Допустим, ее муж откажется, что тогда? Неужели придется объяснять, что он на самом деле дурак? Берта уже почти слышала сдавленные смешки окружающих.

— Господи, когда же он замолчит! — пробормотала она сквозь зубы. Стыд и унижение казались ей нестерпимыми.

Эдвард продолжал говорить и, по-видимому, не собирался закругляться. Берта с тоской подумала, что его истории всегда отличались длиной и обилием подробностей. Может быть, если он закончит прямо сейчас, еще не все будет потеряно. Крэддок отпустил грубую шутку, и со всех сторон послышались одобрительные возгласы. Берта поежилась и взяла себя в руки: нужно вытерпеть до конца. Почему он не уходит? Затем Крэддок поведал историю из фермерской жизни, и зал

взорвался смехом. Перед Бертой забрезжила надежда: быть может, эта вульгарщина поможет ему завоевать расположение неотесанных крестьян, составлявших большую часть публики. Но что скажут Брандертоны, Молсоны, Хэнкоки и прочие? Должно быть, Эдвард не вызывает у них ничего, кроме брезгливого презрения.

Худшее ждало впереди. В заключительной части выступления Эдвард сделал несколько замечаний относительно текущей политики (в которой абсолютно не разбирался), что натолкнуло его на мысли о ненаглядной отчизне. Он открыл кран на всю: патриотизм хлынул мощной струей. Крэддок дудел в грошовые ярмарочные дудки английской праведности, воспевал величие Британской империи; бил в барабаны славы, восхваляя могучую англосаксонскую расу. Эдвард благодарил Господа за то, что родился англичанином, а не кем-нибудь там еще. Томми Аткинс и Джек Тар[36] вместе с мистером Редьярдом Киплингом отплясывали джигу под аккорды «Британских гренадеров», а мистер Джозеф Чем-

[36] Примечания: 36

Томми Аткинс — прозвище рядового солдата Британской армии, а также герой одноименного стихотворения Р. Киплинга; Джек Тар — нарицательное имя британского матроса.

берлен исполнил *pas seul*[37] на музыку «Янки Дудл». Образно выражаясь, Эдвард вовсю размахивал национальным флагом.

Его сентиментальность вкупе с дурным вкусом и пошлостью речи вызвали у Берты острое отвращение. Просто ужасно, каким пустоголовым должен быть человек, который оскверняет свои уста выражением столь дешевых чувств.

Эдвард сел. На мгновение повисла тишина, а затем зал грохнул оглушительными аплодисментами. Публика хлопала не из вежливости, нет; все как один повскакали со своих мест и принялись выражать одобрение восторженным ревом. «Молодчина!» — крикнул кто-то, и тут же зал наполнило многоголосое «Он славный и добрый малый». Миссис Брандертон забралась на стул и махала платочком, мисс Гловер неистово хлопала, как будто из механизма превратилась в живого человека.

— Разве не прелестно? — шепнула она Берте.

Важная публика на помосте пребывала в исступленном восторге. Мистер Бэкот тряс руку Эдварду, миссис Мэйстон Райл энергично обмахивалась веером. Выражаясь языком журналистов,

---

[37] Примечания: 37
Сольный танец, сольный балетный номер *(фр.).*

сцену можно было охарактеризовать как «единый порыв беспримерного воодушевления». Берта остолбенела.

Мистер Бэкот выбежал вперед.

— Поздравляю мистера Крэддока с великолепной речью. Уверен, его блестящее красноречие, здравомыслие и чувство юмора для всех нас явились сюрпризом. Еще более ценно другое: заключительные слова мистера Крэддока доказали нам, что этот человек имеет сердце — сердце, господа! — и это говорит о многом. Леди и джентльмены, вы хорошо меня знаете. Я немало выступал перед вами с тех пор, как в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году избирался в окружной совет, но должен признать, что не сумел бы произнести более пламенной речи нежели та, которую вы только что слышали.

— Ну что вы, конечно, сумели бы, — скромно сказал Эдвард.

— Нет, мистер Крэддок. Заявляю со всей убежденностью: мне вас не превзойти. Снимаю с плеч плащ победителя и передаю его… — В этом месте мистера Бэкота перебил зычный голос хозяина «Свиньи и свистка» (ярого консерватора):

— Троекратное ура настоящему англичанину!

— Правильно, ребята! — подхватил мистер

Бэкот, не обидевшись на то, что его бесцеремонно оборвали. — Троекратное ура настоящему англичанину!

Сотни глоток трижды проревели «ура», а затем вновь начали распевать «Он славный и добрый малый». Когда всеобщее возбуждение поутихло, Артур Брандертон поднялся со своего места и призвал продолжить чествования. Объект всех этих восторгов скромно сидел с удовлетворенным видом, воспринимая происходящее как нечто естественное. Собрание завершилось хоровым пением все той же песни «Он славный и добрый малый», а также британского гимна. Члены комитета и близкие друзья Крэддоков проследовали в соседнюю комнату, где для них были накрыты столы с угощением.

Дамы, взяв Эдварда в кольцо, осыпали его поздравлениями. Артур Брандертон подошел к Берте.

— Потрясающая речь, правда? Я и не знал, что он так красноречив. Ей-богу, у меня прямо внутри что-то перевернулось.

Прежде чем Берта успела ответить, в комнату вплыла миссис Мэйстон Райл.

— Где этот человек? — громко воскликнула она. — Где он? Покажите его мне. Мой дорогой

мистер Крэддок, ваше выступление было незабываемо! Это я вам говорю.

— И очень изысканно, — сияя глазами, прибавила мисс Хэнкок. — Вы, должно быть, невероятно гордитесь мужем, миссис Крэддок!

— У радикалов нет шансов, — произнес викарий, потирая руки.

— Мистер Крэддок, дайте же мне подойти к вам! — вскричала миссис Брандертон. — Не могу пробиться вот уже двадцать минут. Вы просто растоптали этих гадких радикалов. Я не сдержала слез, так проникновенно вы выступали!

— Что ни говори, — прошептала мисс Гловер на ухо брату, — а в мире нет ничего прекраснее чувств. Мое сердце было готово вырваться из груди!

— Мистер Крэддок, — прогудела миссис Мэйстон Райл, — вы меня от души порадовали! Где ваша супруга? Я хочу выразить ей свое восхищение.

— Это лучшая речь из всех, что мы слышали! — крикнула миссис Брандертон.

— Единственные верные слова, сказанные вами за двадцать лет, миссис Брандертон, — парировала миссис Мэйстон Райл, буравя взглядом мистера Аттхилла Бэкота.

Глава XXVI

Когда лорд Розбери[38] произносит речь, даже газеты, поддерживающие его партию, публикуют текст выступления от первого до последнего слова, причем в первом лице. Говорят, это предел мечтаний любого самого честолюбивого политика. По достижении сей высшей ступени герою остается лишь достойная смерть и пышное погребение в Вестминстерском аббатстве. Газета «Блэкстебл таймс» удостоила подобной чести Эдварда Крэддока: его дебютная речь была напечатана с бесчисленными «я», выделенными жирным шрифтом. Синтаксис подправили, в нужных местах расставили точки — все, как в выступлениях самых известных ораторов. Эдвард купил дюжину экземпляров и внимательно перечитал свою речь в каждом из них, дабы убедиться в правильном изложении его мыслей и отсутствии опечаток. Он также дал статью Берте и стоял за ее спиной, пока она не прочла все от начала до конца.

---

[38] Примечания: 38

Розбери, Арчибальд Филипп Примроз (1847–1929) — граф, английский политический деятель.

— Неплохо выглядит, а?

— Замечательно!

— Кстати, какой адрес у тети Полли? Элиот-Мэншнз, дом семьдесят два?

— Да, а что?

Берта удивилась, увидев, как Эдвард заворачивает шесть экземпляров «Блэкстебл таймс» в оберточную бумагу и надписывает адрес.

— Ей будет интересно почитать мою речь. Кроме того, я не хочу ее обижать. Услышит от кого-нибудь о моем выступлении и расстроится, что я не прислал ей текст.

— Не сомневаюсь, тетя жаждет с ним ознакомиться. Но если ты отправишь все шесть экземпляров, у тебя ничего не останется для других.

— Ерунда, принесу еще. Редактор сказал, я могу взять хоть тысячу копий. Пошлю твоей тетушке шесть экземпляров, ей ведь наверняка захочется поделиться со знакомыми.

Ответное письмо мисс Лей пришло почти немедленно.

«Дорогой Эдвард!

Я внимательно и с огромным интересом изучила все шесть экземпляров

вашей речи. Согласитесь, тот факт, что я и в шестой раз читала текст выступления с не меньшим вниманием, чем в первый, служит убедительным доказательством его ценности. Заключительная часть так эффектна, что не утратит своей выразительности, сколько ее ни перечитывай. Как верно подмечено, что у „каждого англичанина есть мать“ (конечно, подразумевая, что ее не забрала безвременная смерть)! Забавно, что некоторые не сознают истинности вещей, пока им не разложат все по полочкам, а потом еще и удивляются, как это они не замечали этого раньше. Надеюсь, вас не обидит, если я скажу, что в некоторых выражениях угадывается рука Берты (особенно в абзаце про британский флаг). Неужели вы действительно подготовили речь самостоятельно? Ну же, признайтесь, что Берта вам помогала.

Искренне ваша,
Мэри Лей».

Эдвард прочел письмо и, смеясь, передал его Берте.

— Какая дерзость — предположить, будто ты помогала мне с речью! Надо же!

— Я сейчас же напишу тете, что это исключительно твое произведение.

Берте все еще не верилось в искренность всеобщего восхищения, которое вызывал ее муж. Зная, насколько ограничен ум Крэддока, она была потрясена, что остальной мир считает его чрезвычайно умным человеком. Потуги Эдварда казались ей смехотворными. Берту поражала непоколебимая уверенность и бойкость, с какой тот ввязывался в обсуждение предметов, совершенно от него далеких, но еще больше ее поражало то, что на окружающих это производит сильное впечатление. Эдвард обладал удивительной способностью маскировать свое невежество.

Наступил день голосования. Берта с волнением дожидалась результатов в Корт-Лейз. Наконец появился сияющий Эдвард.

— Ну, что я тебе говорил?

— Насколько я поняла, ты прошел.

— Прошел — не то слово! А я ведь говорил. Девочка моя, я попросту их обставил! У меня вдвое больше голосов, чем у другого кандидата. Разве ты не гордишься, что твой муженек теперь член окружного совета? Верь мне, я еще в парламент

пройду.

— От всей души поздравляю, — произнесла Берта, изобразив на лице радость.

Эдвард на пике воодушевления едва ли заметил ее холодность. Он мерил шагами комнату, строил далеко идущие планы, вслух спрашивал себя, сколько времени должно пройти, прежде чем Майлз Кэмпбелл столкнется с неизбежной дилеммой парламентария, не имеющего оппозиции: либо в палату лордов, либо в царствие небесное. Эдвард остановился и хмыкнул себе под нос:

— Хоть я и не тщеславен, однако должен заметить, что справился неплохо.

Некоторое время собственная значимость вызывала у Крэддока легкое головокружение, пока на выручку ему не пришло мнение о том, что его успех абсолютно заслужен. И вот Эдвард Крэддок с энтузиазмом приступил к выполнению не слишком обременительных обязанностей члена окружного совета. Берта постоянно ожидала услышать критику в адрес мужа, но все шло на удивление гладко, и во все концы летела молва о его деловых талантах, рассудительности и умении договариваться, что миссис Крэддок должна была считать весьма лестным. Однако эти бесконечные похвалы чрезвычайно тревожили Берту.

Молодую женщину обуревали постоянные сомнения — может быть, она недооценивает мужа? А что, если он на самом деле наделен необычайным умом и прочими добродетелями, которые ему приписывают? Возможно ли, что она относится к Эдварду предвзято и он действительно умнее ее? При мысли об этом Берта раздраженно хмурилась: она ни на секунду не сомневалась, что интеллектом превосходит супруга; широта ее познаний была несравнима с кругозором Эдварда, Берта задавалась такими вопросами, о которых он не имел представления. Он никогда не интересовался абстрактными понятиями, и его разговоры были скучны той особенной скукой, которая вызвана отсутствием умозрения. Непостижимо, что все, кроме Берты, столь высоко оценивали ум Крэддока, в действительности совершенно ничтожный. Претенциозность этого человека, чье невежество было вопиющим, превращала его в обманщика. Однажды Крэддок пришел к жене, увлеченный новой идеей.

— Эй, Берта, я тут подумал — зря мы отказались от фамилии Лей. И вообще, как-то странно, что в Корт-Лейз живут Крэддоки.

— Правда? Не знаю, как это исправить. Разве что подать объявление о сдаче жилья людям с

более звучной фамилией.

— Знаешь, я решил, неплохо бы снова взять твою фамилию. И на людей это тоже произведет благоприятное впечатление. — Эдвард посмотрел на Берту.

Она молча взирала на него с презрительной холодностью.

— Я разговаривал со стариком Бэкотом, он полностью одобряет мою мысль, так что не следует с этим тянуть.

— Полагаю, ты поинтересуешься моим мнением по этому вопросу?

— А я что сейчас делаю?

— Как ты собираешься называться — Лей-Крэддок, Крэддок-Лей или вообще отбросишь Крэддока?

— Честно говоря, этого я пока не обмозговал.

— По-моему, твоя идея — полный бред, — фыркнула Берта.

— Напротив, так будет значительно лучше.

— Послушай, Эдвард, я не постыдилась взять твою фамилию и не вижу ничего зазорного в том, чтобы ты тоже под ней жил.

— Берта, будь же благоразумна. Ты всегда чинишь мне препятствия.

— Не имею ни малейшего желания препятство-

вать тебе. Если ты считаешь, что моя фамилия придаст тебе важности, можешь ее брать. Назовись кем угодно, хоть Томпкинсом, мне все равно.

— А ты?

— Я? Я останусь миссис Крэддок.

— С твоей стороны это некрасиво. Хоть раз помогла бы мне в чем-то!

— Извини, если я тебя разочаровала. Только не забывай, что все эти годы ты насаждал мне свое видение женщины как домашней скотины: для тебя образцовая жена — это корова, деревенская или салонная. Ужасно жалко, что ты не женился на Фанни Гловер, вы с ней составили бы отличную пару. Думаю, она обожала бы тебя так, как ты этого желаешь. Уж она бы точно не возражала, чтобы ты назвал себя Гловером.

— Нет, ее фамилия мне ни к чему. Гловер — это все равно что Крэддок. Фамилия «Лей» тем и хороша, что принадлежит старинному роду и ее носили твои предки.

— Именно поэтому я предпочла бы, чтобы ты ее не брал.

Глава XXVII

Время тянулось очень медленно. Берта завернулась в свою гордость, точно в мантию, но иногда мантия оказывалась слишком тяжела, и Берта едва выдерживала эту ношу. Сохранять сдержанность, которой Берта себя сковала, часто бывало нестерпимо трудно. Внутри бурлили гнев и ненависть, однако она заставляла себя улыбаться, выглядеть милой и приветливой, какой ее привыкли видеть люди. Берта страшно мучилась душевным одиночеством, ведь ей не с кем было поделиться несчастьем. По-истине страшно, когда не можешь выплеснуть свои горести, страшно быть вечным пленником боли, терзающей сердце. Писателю легче: он может найти утешение в словах, поведать свою тайну, при этом не раскрыв ее; удел женщины — безмолвие.

Теперь Берта испытывала к мужу столь острое физическое отвращение, что не выносила даже его прикосновения, зато все ее знакомые с радостью и восторгом причисляли себя к преданным друзьям Эдварда Крэддока. Разве могла она сказать Фанни Гловер, что Эдвард — набитый дурак,

который до смерти ей опостылел, если та считала его лучшим представителем человеческого рода? Берту бесило, что добродетели Эдварда, воспетые всеобщим мнением, совершенно затмевали ее собственные достоинства. Прежде на Крэддока смотрели только как на супруга хозяйки Корт-Лейз, сейчас их роли поменялись с точностью до наоборот. Берту невероятно раздражало то, что она вынуждена светить отраженным светом; в то же время она злилась на себя за эту мелочную ревность.

В конце концов Берта пришла к выводу, что более не в силах выносить общество мужа: он делает ее глупой и вульгарной, она чувствует себя совсем больной, разбитой и несчастной. Она снова решила уехать, в этот раз — навсегда.

«Если я останусь, то убью себя».

Эдвард горевал уже два дня: сдохла одна из его любимых собак, он чуть не плакал. Берта смотрела на него с презрением.

— Смерть какой-то жалкой собаки волнует тебя больше, чем мои страдания!

— Ради Бога, будь хорошей девочкой, не шуми. Ты же знаешь, я этого не люблю.

— Идиот, — процедила Берта сквозь зубы.

Эдвард продолжал ходить с опущенной головой

и скорбной миной, дрожащим голосом описывая подробности кончины несчастного животного.

— Бедняга, — вздохнула мисс Гловер. — У него такое мягкое сердце.

Берта едва сдержала ругательство, готовое сорваться с ее губ. Если бы люди знали, как холодно Эдвард принимал ее любовь, с каким безразличием относился к слезам и отчаянию Берты! Она презирала себя, вспоминая рабское обожание, с каким относилась к мужу в прошлом. Он заставил ее испить чашу унижения до дна! С высоты своего пренебрежения Берта в тысячный раз анализировала натуру Эдварда. Не поддавалось объяснению, как она могла принадлежать столь скудоумному, презренному и жалкому человеку. При мысли о подобострастности своей прежней любви Берта краснела от стыда.

Доктор Рамзи, вызванный по поводу какого-то пустячного недомогания, застал ее как раз за этими тягостными раздумьями.

— Ну-с, — сказал он, едва Берта подняла голову, — как дела у Эдварда?

— Господи, да откуда мне знать? — не сдержалась та; наружу прорвалась давно подавляемая злость.

— Постойте, в чем дело? Неужели голубки на-

конец повздорили?

— Я устала день и ночь слушать славословия Эдварду! Мне надоело быть его придатком!

— Что с вами такое, Берта? — расхохотался доктор. — Я всегда думал, для вас нет ничего приятней, чем слышать, как мы все любим вашего супруга.

— Любезный доктор, вы либо слепы, либо непроходимо глупы! По-моему, уже всему свету известно, что я терпеть не могу своего мужа.

— Что? — изумленно вскричал доктор Рамзи; затем, решив, что Берта нездорова, поспешил ее успокоить: — Погодите, сейчас я дам вам лекарство. Вы разволновались и, как все женщины, думаете, что мир катится в пропасть.

Берта вскочила с кушетки.

— Неужели я стала бы так говорить без веского повода? Неужели не пыталась бы скрыть свое унижение, если бы могла? О, я долго его скрывала, пора уже высказаться вслух! Боже, у меня волосы дыбом встают, как только представлю, сколько всего мне пришлось прятать внутри. Я ни перед кем не раскрывала душу, доктор, только перед вами, и сейчас должна признаться: я ненавижу своего мужа, ненавижу и презираю! Я больше не могу жить с ним и хочу уехать.

Доктор Рамзи открыл рот и рухнул в кресло; он смотрел на Берту, как на припадочную.

— Черт побери, вы ведь это не всерьез?

Она раздраженно топнула ногой.

— Разумеется, всерьез. Или, по-вашему, я тоже дура? Мы несчастливы уже не первый год, и дальше так продолжаться не может. Если бы вы знали, как я мучилась, когда все поздравляли меня и говорили, что рады видеть меня счастливой! Порой я до крови впивалась ногтями в ладони, чтобы во весь голос не крикнуть правду.

Берта ходила взад-вперед по комнате и в конце концов дала выход чувствам. По ее щекам текли слезы, но она не обращала на них внимания, фонтанируя жгучей ненавистью.

— О, я пыталась любить его. Вы же знаете, как я любила, как обожала Эдварда когда-то. Я бы охотно положила к его ногам всю жизнь, сделала все, о чем бы он ни попросил. Я угадывала каждое желание Эдварда, с радостью считала себя его покорной рабой. Но этот человек растоптал мою любовь, уничтожил ее до последней крупицы, и теперь я лишь презираю его, да, презираю. Бог свидетель, я пыталась его любить, но он слишком глуп!

Последние слова вырвались у Берты с такой

силой, что доктор Рамзи вздрогнул.

— Берта, голубушка!

— Я знаю, вы все считаете, что Эдвард замечательный. Сколько лет уже мне забивают уши, расхваливая его. Но человека не узнаешь как следует, пока не поживешь с ним под одной крышей, пока не увидишь, каков он в разных настроениях, в разных обстоятельствах. Я знаю мужа, как никто другой, и говорю вам, что он абсолютный болван! Вы не представляете, до чего он глуп. Эдвард — совершенно безмозглый тип, он до смерти мне надоел.

— Берта, прошу, успокойтесь. Вы, по обыкновению, сильно преувеличиваете и говорите бог знает что. Небольшие размолвки с супругом — нормальное явление. Ей-ей, мне потребовалось двадцать лет, чтобы притереться к жене.

— Ради всего святого, не впадайте в нравоучения! — вспылила Берта. — За пять лет я сыта ими по горло. Наверное, я относилась бы к Эдварду лучше, не будь он вечным праведником. Он так кичится своими моральными устоями, что меня уже тошнит! Из-за него любая добродетель кажется мне уродливой. Признаюсь, для разнообразия прямо так и хочется немного порока. Доктор, если бы вы только знали, как нестерпимо скучен

по-настоящему хороший человек! Теперь я хочу свободы. Клянусь, рядом с Эдвардом я больше не выдержу.

Берта снова встала и принялась возбужденно ходить по комнате.

— Боже правый, — простонал доктор Рамзи, — я ничего не понимаю.

— Я и не рассчитывала, что поймете. Знала, что все закончится поучениями.

— Чего вы от меня хотите? Чтобы я поговорил с вашим мужем?

— Нет, нет! Я говорила с ним тысячу раз, все без толку. Думаете, после вашего разговора он начнет меня любить? Он не способен к этому, самое большее, что Эдвард может дать, — это уважение и привязанность. Господи, да на что мне его уважение? Знаете, для того чтобы любить, нужно обладать хоть каким-то умом, а у Эдварда его нет! Повторяю, он глупец! Когда я думаю о том, что связана с ним на всю жизнь, мне хочется повеситься!

— Послушайте, Эдвард вовсе не такой дурак, каким вы его изображаете. По общему мнению, у него отличная деловая смекалка. Кроме того, должен признаться, я уже давно считаю, что вы поступили невероятно умно, настояв на своем

замужестве.

— Это все вы виноваты! — обвинила Берта доктора. — Если бы вы тогда не воспротивились этому браку, я бы не поспешила с замужеством. Какую чудовищную ошибку я совершила, как жалею об этом! Лучше бы Эдварду умереть!

Доктор Рамзи присвистнул. Соображал он не слишком быстро и теперь испытывал все большую обескураженность: его устоявшееся мнение рушилось, причем внезапно и резко.

— Я не знал, что все так обстоит.

— Ну еще бы, — съязвила Берта. — Вы считали, что я счастлива, потому что я улыбалась и прятала свою боль. Страшно подумать, сколько страданий я вынесла.

— Мне не верится, что все настолько плохо. Завтра вы успокоитесь и сами удивитесь, как вам в голову могли прийти подобные мысли. Надеюсь, вы не обидитесь на старика, если я назову вас импульсивной и упрямой натурой. В конце концов, Эдвард — хороший малый; мне просто не верится, что он намеренно причинял вам страдания.

— Ради Бога, прекратите его хвалить.

— Может быть, вы чуть-чуть завидуете его успеху? — Доктор Рамзи пристально посмотрел

на Берту.

Миссис Крэддок покраснела: она и сама задавалась этим вопросом. Чтобы опровергнуть утверждение, потребовался самый презрительный тон:

— Я? Любезный доктор, вы забываетесь! Неужели непонятно, что это не мимолетный каприз, что для меня все очень серьезно? Я терпела муки, пока хватало сил, но больше не могу. Вы должны помочь мне уехать отсюда. Если вы хоть немного любите меня, сделайте все возможное. Да, я хочу покинуть Корт-Лейз, но не желаю ругаться с Эдвардом, лучше расстаться без скандалов. Бесполезно убеждать его в том, что мы несовместимы. Он думает, что мне для полного счастья достаточно быть его женой. У Эдварда железная натура, а я презренно слаба, хотя раньше считала себя сильной.

— Правильно ли я понял, что ваши намерения абсолютно серьезны? Вы действительно решили пойти на крайние меры и расстаться с супругом?

— «Крайние меры» — это то, на что я пошла раньше. В прошлый раз я уезжала громко, но теперь хочу избежать какого-либо шума. Тогда я все еще любила Эдварда, а сейчас уже даже не ненавижу. О, я знала, что совершила глупость,

возвратившись домой, но ничего не могла с собой поделать. Эдвард попросил меня вернуться, и я уступила его просьбе.

— Право, не знаю, чем вам помочь. Я уверен, если вы немного обождете, положение исправится.

— Я и так слишком долго ждала, мое терпение иссякло. Я напрасно растрачиваю жизнь.

— Почему бы вам не уехать на несколько месяцев и все хорошенько обдумать? Мисс Лей, как обычно, на зиму уезжает в Италию, верно? Честное слово, Берта, вам бы тоже не помешало съездить с ней.

— Не имею ничего против. Что угодно, лишь бы убраться отсюда. Мои муки непереносимы.

— А вы не задумывались, что Эдвард будет скучать по вас? — сурово произнес доктор Рамзи.

— Не будет. Полагаете, я не изучила собственного мужа? Я вижу его насквозь. Он черств, эгоистичен и глуп, и рядом с ним я делаюсь такой же. Умоляю вас, помогите мне.

— Мисс Лей осведомлена о ваших делах? — спросил доктор Рамзи, вспомнив, о чем тетушка Берты говорила ему во время своего приезда в Корт-Лейз.

— Исключено. Она уверена, что мы души друг

в друге не чаем. Я стала ужасной трусихой — не хочу, чтобы она знала. Когда-то мне было все равно, что обо мне подумают, но теперь мой дух сломлен. Отправьте меня отсюда, доктор Рамзи, отправьте подальше.

Берта разрыдалась. Она давно отвыкла плакать, но сейчас, излив все то, что годами хранила в душе, чувствовала усталую опустошенность.

— Мне кажется, что я древняя старуха, хотя на самом деле еще совсем молода! Иногда хочется просто умереть и покончить с этим кошмаром.

Через месяц Берта была в Риме. Поначалу, однако, она не ощущала перемен в своем состоянии: жизнь в Корт-Лейз оставила в душе Берты неизгладимый след, она не могла представить, что этот тяжкий период завершился. Она походила на узника, который провел в сумраке заточения много лет и, ослепленный свободой, оглядывается в поисках цепей, не сознавая, что их уже нет.

Тетка и племянница сняли квартиру на Виа Грегориана. Просыпаясь по утрам, Берта не понимала, где находится. Облегчение было столь велико, что она постоянно пребывала в страхе, будто прекрасное видение рассеется и ее снова окружат тюремные стены Корт-Лейз. Берта словно во сне бродила по залитым солнцем улочкам

и вдыхала ароматы роз и фиалок. Нереальным казалось все: прохожие; натурщицы, отдыхающие на ступенях Испанской лестницы; лохматые мальчишки, странно одетые и докучливые; серебристая мелодичная речь, ласкавшая слух.

Разве могла Берта поверить, что это не сон, если перед глазами у нее — яркое солнце и синее небо, от которых сердце замирает в груди, если на душе удивительно покойно и повсюду разлита восхитительная нега? Реальная жизнь тосклива и тяжела, она проходит в особняке георгианской эпохи, вокруг которого сплошь голые поля, продуваемые ветрами. В настоящей жизни все страшно добродетельны и скучны; Десять заповедей окружают тебя плотным кольцом, ступишь за его пределы, и тебя ждет геенна огненная и вечное проклятие. А внутри этого кольца ужаснее, чем в заточении, потому что вокруг нет решеток, замков и засовов. Но за унылыми камнями, на которых высечены запреты, простирается светлая, благоуханная земля, где солнечные лучи заставляют кровь быстрее бежать по жилам, цветы охотно отдают свои ароматы воздуху в знак того, что богатства следует расточать, а про добродетели — забыть. Здесь повсюду порхают амуры, легкие и беспечные. Страна, что лежит за мрач-

ными скрижалями, богата оливковыми рощами, дающими приятную тень, а море нежно целует берег, показывая юношам, как нужно ласкать дев. В этой стране губы предназначены не для рьяного глаголания, уста здесь — лук Купидона. Здесь глаза светятся блеском, говоря страннику о том, что не надо бояться, что стоит лишь попросить о Любви, и Любовь будет дана. Кровь горяча, руки сливаются в объятия, алые губы просят поцелуев, ведь дарить их так сладко. Здесь тело и душа пребывают в гармонии. Ах, подарите мне солнечный свет из этой благословенной земли, розовый сад и журчание прозрачного ручья, тенистый берег, вино, книги и коралловые губы моей возлюбленной пастушки, и я проживу в совершеннейшем счастье никак не меньше десяти дней.

Для Берты пребывание в Риме было сродни театральной пьесе. Мисс Лей предоставляла ей много свободы, и молодая женщина в одиночестве бродила по самым странным местам. Она часто заглядывала на рынок и проводила утро в торговых рядах, разглядывая сотни вещей, которые не собиралась покупать. Она трогала богатые шелка и старинное серебро, улыбаясь комплиментам приветливых торговцев. Вокруг толпились люди, живые и шумные, но тем не

менее — Берта все еще не верила, что видит их наяву, — какие-то нереальные.

Она посещала музеи и галереи; отправлялась в Сикстинскую капеллу или осматривала Станцы Рафаэля. В отличие от вечно спешащих туристов, обязанных познакомиться с определенными достопримечательностями, Берта могла полдня простоять перед одной картиной или в уголке старой церквушки, вплетая собственные фантазии в образ, что был у нее перед глазами.

Когда ей хотелось побыть среди людей, она шла в парк Пинчо и смешивалась с толпой, которая слушала оркестр. Францисканский монах в коричневой рясе с капюшоном, стоящий в стороне, казался Берте героем романтической пьесы, а солдаты в яркой униформе, стрелки-берсальеры в лихо заломленных шляпах с перьями — кордебалетом из комической оперы. Были там и священники в черных сутанах: одни — пожилые и тучные, курившие сигареты под теплым солнцем, довольные собой и всем миром; другие — молодые и беспокойные, в чьих темных глазах порой вспыхивали искры неукрощенной плоти. И все, все выглядели счастливыми, точно дети, что весело бегали и прыгали тут же, оглашая воздух звонкими криками.

Постепенно тени прошлого отступили, и Берта смогла полной грудью вдохнуть окружавшие ее красоту и жизнь. Зная, сколь быстротечно счастье, она решила позабыть все земные тревоги и наслаждаться моментом. Молодость и заботы редко соседствуют друг с другом, а милосердное время накрывает покровом забвения самые тяжелые горести. Берта протянула руки, заключая в объятия все чудеса этого мира, и отринула гнетущую мысль о мимолетности волшебных мгновений. Весной она проводила долгие часы в зеленых парках, окружавших центр города; развалины Древнего Рима причудливо смешивались с полутропической пышностью и возбуждали в Берте новые, едва уловимые чувства. Цветы буйно цвели в каменных саркофагах, словно в насмешку над могилами, из которых они произрастали. Смерть отвратительна, но жизнь всегда торжествует победу; на истлевших костях распускаются розы и гиацинты, и человеческая смерть лишь означает новое рождение. Так продолжается мир, прекрасный и вечно новый, черпая радость в собственной несокрушимой силе.

Берта приходила на виллу Медичи и усаживалась так, чтобы любоваться звучащими фигурами и мягкой игрой света на фасаде старинного двор-

ца. Студенты с любопытством смотрели на нее: кто эта красавица, что проводит здесь долгие часы, не обращая внимания на чужие взгляды? Она отправлялась на виллу Дориа-Памфили, роскошную и помпезную, какой и подобает быть летней резиденции богатого княжеского рода, среди представителей которого были епископы и кардиналы. Глядя на Палатин с его живописными развалинами, кипарисами и ухоженными дорожками, Берта уносилась мыслями в прошлое, и воображение рисовало ей яркие картины былой славы Рима.

Однако больше всего Берте нравилось место, где зелень бушевала особенно пышно — парк виллы Маттеи, заброшенное царство изобилия. Вилла располагалась довольно далеко, туристы редко туда добирались, и парк был в полном распоряжении Берты. Тишина и уединенность доставляли ей самое изысканное удовольствие. Порой по заросшим травой тропинкам неторопливо шествовала группа семинаристов в алых одеяниях, и яркие пятна их наряда резко контрастировали с темно-зеленым морем дикой растительности.

Затем Берта шла домой, усталая и счастливая; садилась у окна и смотрела на закат. Заходящее

солнце освещало купол собора Святого Петра, превращая величественное здание в храм золотого огня. Казалось, будто огромный купол был сделан не из камня, но из сияющего света, венчая собой дворец Гипериона. Когда же сгущалась ночь, безупречные очертания собора четко выступали на фоне великолепного бархатно-черного неба.

Глава XXVIII

После Пасхи мисс Лей предложила потихоньку собираться обратно в Англию. Берту пугала мысль о возвращении, и не только потому, что ей не хотелось покидать Рим, но и потому, что это влекло за собой необходимость объяснений. Зиму она провела под удобным предлогом поправки здоровья, но теперь требовалось найти другой повод, чтобы оправдать необходимость пребывания вдали от мужа. Как ни напрягала Берта измученный рассудок, в голову ничего не приходило, однако она твердо решила ни в коем случае не возвращаться в Корт-Лейз — после шести месяцев счастливой свободы она не вынесла бы заточения духа и тела.

Эдвард счел скверное самочувствие жены убедительным поводом для отъезда и легко отпустил ее. По словам Крэддока, он не имел оснований удерживать Берту, если речь шла о состоянии ее здоровья, тем более что он вполне мог управиться с хозяйством самостоятельно. Супруги регулярно переписывались, но Берта всякий раз буквально заставляла себя отвечать на письма мужа. Она

твердила себе, что единственный разумный выход из положения — открыто заявить Эдварду о своих намерениях и оборвать переписку, однако боязнь шума, неприятных хлопот и бесконечных объяснений удерживала ее от этого шага, и Берта попросту старалась писать как можно реже, отделываясь общими фразами. К ее удивлению, раз или два, когда она изрядно задержалась с ответом, приходило второе письмо от Эдварда, в котором тот с тревогой спрашивал, почему она не пишет.

Мисс Лей в разговорах ни словом не упоминала Крэддока, из чего Берта предположила, что тетушка о многом догадывается. Тем не менее мисс Лей воздерживалась от каких-либо высказываний; благословенны те, кто не вмешивается в чужие дела и держит рот на замке! Мисс Лей на самом деле пришла к выводу, что между мужем и женой произошел серьезный разлад, однако верная своей привычке предоставлять людям самим разбираться в жизни, искусно делала вид, что ничего не подозревает. Надо заметить, это было весьма благородно, ведь собственная наблюдательность всегда являлась предметом чрезвычайной гордости мисс Лей.

«Труднее всего для умной женщины при-

творяться дурочкой», — любила говорить она. Смекнув, в чем затруднение Берты, мисс Лей сочла его легко преодолимым.

— Было бы хорошо, если бы ты не торопилась с возвращением в Корт-Лейз и вместе со мной поехала бы в Лондон, — сказала она. — Ты ведь еще ни разу не проводила сезон в столице? В целом все довольно мило. Опера определенно хороша; кроме того, иногда можно увидеть людей, одетых со вкусом.

Берта ничего не ответила. Видя, что племянница явно хочет ответить согласием, но в то же время колеблется, мисс Лей пригласила Берту к себе в гости на две-три недели, прекрасно зная, что путешествие любой женщины всегда может растянуться на неопределенный срок.

— К сожалению, у меня не найдется места для Эдварда, — с холодной улыбкой промолвила она. — Ты же знаешь, моя квартирка слишком тесная.

Ирония — это дар богов, самый тонкий из способов словесного выражения мыслей. Это и броня, и оружие; и философия, и постоянное развлечение; пища для голодного ума и напиток, утоляющий жажду веселья. Насколько изысканнее умертвить врага, уколов его шипом иронии, нежели

размозжить ему голову топором сарказма или отколотить дубинкой брани. Мастер иронии наслаждается ею только тогда, когда истинный смысл высказывания известен ему одному, и прыскает в рукав, глядя, как окружающие, скованные цепями своего тупоумия, воспринимают его слова абсолютно всерьез. В суровом мире ирония — единственная защита для беспечных. Для писателя же это снаряд, которым он может выстрелить в читателя, дабы опровергнуть гнусную ересь о том, что создает книги не для себя, а для подписчиков библиотеки Мьюди. Не стоит впадать в заблуждение, милый читатель: уважающему себя автору нет до вас никакого дела.

Миновало несколько дней с тех пор, как тетя и племянница устроились в лондонской квартире. Однажды утром, спустившись к завтраку, Берта обнаружила мисс Лей в радостно-возбужденном состоянии, которое та, впрочем, пыталась скрыть. Она вибрировала, точно раскрученная пружина, по-птичьи клевала свой завтрак — тост и вареное яйцо, и означать подобное поведение могло лишь одно: кто-то, на радость тетушке, выставил себя в глупом положении. Берта рассмеялась.

— Святые небеса, — воскликнула она, — что стряслось?

— Случилось ужасное несчастье. — Мисс Лей подавила улыбку, но в ее глазах плясали озорные искорки, как у молоденькой девицы. — Ты, кажется, не знакома с Джеральдом Водри? Знаешь, кто это?

— Полагаю, мой кузен.

Отец Берты, постепенно рассорившийся со всеми родственниками, в лице генерала Водри обрел зятя, наделенного столь же вспыльчивым характером, как у него самого, так что семьи прекратили всякое общение.

— Я только что получила письмо от его матери, в котором она пишет, что Джеральд весьма вольно повел себя по отношению к одной из горничных, и теперь вся родня в отчаянии. Горничную с нервным припадком отослали в деревню, мать и сестры в слезах, а генерал рвет и мечет. Приказал, чтобы ноги мальчишки не было в доме. А ведь негоднику всего девятнадцать! Какой стыд, не правда ли?

— Да, — с улыбкой согласилась Берта. — Никак не пойму, что такого в горничных-француженках, из-за чего подростки непременно волочатся за ними.

— Милочка, посмотрела бы ты на горничную Моей сестры! Ей лет сорок, если не больше, а

кожа у нее высохшая и сморщенная. Хуже всего то, что твоя тетя Бетти умоляет взять этого соблазнителя под присмотр. Через месяц ему предстоит отправиться во Флориду, а до этого он останется в Лондоне. Интересно, каким образом я должна удержать беспутного юнца от порока? Разве похоже, что это мое призвание? — Мисс Лей всплеснула руками в притворном ужасе.

— Но ведь это страшно весело! Мы вместе перевоспитаем этого проказника. Наставим на путь, где французские горничные не будут поджидать его за каждым углом.

— Дорогая, ты просто не представляешь, каков он. Джеральд — отъявленный бездельник и хулиган. Его исключили из Регби, родители то и дело нанимали ему репетиторов — хотели, чтобы он поступил в офицерскую школу в Сэндхерсте, но Джеральд провалил все экзамены куда только можно — даже в Милиционную армию. Теперь отец дал ему пятьсот фунтов и велел убираться к дьяволу.

— Как грубо! Но зачем отправлять бедного мальчика во Флориду?

— Это была моя идея. Я знаю там кое-каких людей, владельцев апельсиновой плантации. Смею предположить, что вид цветущих апельси-

новых деревьев, ряды которых протянулись на несколько миль, наведут юношу на мысль, что беспорядочный флирт может иметь неприятные последствия.

— Думаю, он мне понравится, — сказала Берта.

— Не сомневаюсь. Этот шалопай весьма недурен собой.

На следующий день, когда Берта сидела в гостиной и читала, в комнату вошел Джеральд Водри. Она поднялась с кушетки, с улыбкой шагнула ему навстречу и приветливо протянула руку, думая, что молодой человек смутится присутствием незнакомки и что он, по-видимому, должен переживать из-за собственного недостойного поведения.

— Вы, наверное, меня не знаете? — спросила она.

— Конечно, знаю, — обаятельно улыбаясь, ответил юноша. — Прислуга сказала, что тетушки Полли нет дома, но зато есть вы.

— Я рада, что вы не ушли.

— По-моему, вам не стоит меня опасаться.

Берта удивленно расширила глаза. Парень явно не отличался стеснительностью, хотя и выглядел моложе своих девятнадцати лет — совсем еще мальчик, худенький, чуть ниже Берты, с тонкими

девичьими чертами. Нос у него был миниатюрный, но очень прямой; молочно-белое, немного веснушчатое лицо — прелестно. Темные волнистые волосы были длиной до плеч — очевидно, Джеральд знал, что они хороши, и нарочно носил такую прическу. Глаза также были очень выразительны, а на чувственных губах играла очаровательная улыбка.

«Какой красавчик, — подумала Берта. — Он мне уже нравится!»

Джеральд принялся болтать, как будто знал кузину всю жизнь. Берту ошеломил контраст между его невинной внешностью и скандальными похождениями. Он с мальчишеской непринужденностью обвел взглядом гостиную и удобно вытянулся в большом кресле.

— Смотрите-ка, этой штуки тут раньше не было, — сказал Джеральд, кивнув в сторону бронзовой статуэтки, привезенной из Италии.

— Вы часто бываете здесь?

— Еще бы! Приезжаю всякий раз, когда дома становится чересчур жарко. Не стоит ругаться с папашей, если хочешь, чтобы он давал тебе деньги на развлечения. Несправедливо, что все так устроено, но мой старик регулярно пользуется своим преимуществом. В общем, когда он впадал

в бешенство, я говорил так: «Отец, я не намерен с тобой пререкаться. Если не желаешь обращаться со мной, как с джентльменом, я уеду из дома на неделю». Ну и прямиком сюда. Тетя Полли всегда совала мне в руку пять фунтов и говорила: «Не рассказывай, на что ты их потратишь, иначе мне придется тебя отругать, но если понадобится еще, приходи». Мировая тетушка, верно?

— Жаль, что вы ее не застали.

— Да нет, я даже доволен, потому что до ее возвращения мы можем всласть наговориться. Я ведь прежде вас не видел, поэтому много чего должен сказать.

— Вот как? — расхохоталась Берта. — Обычно молодые люди не отличаются разговорчивостью.

Он выглядел таким юным, что она невольно воспринимала его, как школяра. Джеральд понравился ей своей общительностью. Берта ужасно хотела, чтобы он поделился своими эскападами, но стеснялась спросить об этом.

— Вы проголодались? — поинтересовалась она, вспомнив, что у мальчишек всегда отменный аппетит. — Хотите чаю?

— Я просто умираю с голоду.

Берта налила чай. Взяв в одну руку чашку, а в

другую — сразу три сандвича с джемом, юноша удобно устроился на скамеечке подле ее ног.

— Вы никогда не видали моих сестриц, ваших кузин Водри? — с набитым ртом спросил он. — Неряхи и чучела, я их терпеть не могу. Вот уж я расскажу им про вас, они небось позеленеют от зависти.

Берта изогнула бровь.

— Стало быть, вам не нравятся неряхи и чучела?

— Брр! Жена последнего репетитора была страшна, как смерть. Пришлось написать маман, что меня там развращают.

— И она забрала вас домой?

— По забавному совпадению, в тот же день учителишка отписал моему папаше, что выгонит меня взашей, если тот не приедет за мной. В общем, я заплатил ему за уроки, сказал, что его сигары отвратительны, и был таков.

— Не лучше ли вам сесть на стул? — предложила Берта. — Должно быть, на скамейке очень неудобно.

— Ничего подобного. Самое удобное место для сидения после турецкого ковра и обеденного стола — как раз такая маленькая скамеечка. Сидеть на стуле слишком чинно и скучно.

«Джеральд — красивое имя», — подумала Берта.

— Как долго вы пробудете в Лондоне?

— Увы, всего месяц. А потом отправлюсь в Штаты — исправляться и делать деньги.

— Надеюсь, у вас получится.

— Что именно? И то, и другое сразу невозможно. Сперва наживаешь состояние, а потом, если есть время, исправляешься. В любом случае это в миллион раз лучше, чем сушить мозги, слушая бесконечных репетиторов. А больше всего я ненавижу того вояку, что натаскивал меня для поступления в офицерскую школу.

— Вижу, у вас было много преподавателей.

— Да, у меня бурное прошлое. Сейчас неохота рассказывать в подробностях.

— Вряд ли ваш рассказ оказался бы поучительным.

— Отнюдь. Вы узнали бы, как добродетель оказывается растоптанной (речь обо мне) и как торжествует победу порок. Мне чертовски не везет: все вокруг оценивают мои поступки с неправильной точки зрения, будто сговорились. Неудачи просто преследуют меня. Сперва вышвырнули из Регби, можно сказать, ни за что. Я был совсем не против остаться, да и вел себя не

хуже остальных. Папаша чехвостил меня шесть недель кряду, орал, что я доведу его до седых волос и до могилы. А поскольку он абсолютно, просто неприлично лыс, я в конце концов не удержался и сказал, что, хотя его седых волос на этом свете уже нет, он вряд ли повторит их судьбу в ближайшее время. В общем, потом он отправил меня к другому репетитору. Этот играл в покер и обобрал меня дочиста, а потом еще написал родителю, что я дерзкий, испорченный щенок, развращающий всех и вся в его доме.

— Не хотите сменить тему?

— Нет, вы дослушайте. В следующем месте, куда меня определил старик, в покер никто играть не умел. Разумеется, я счел, что само провидение посылает мне шанс вернуть утраченное. Я сказал тамошним обитателям: «Не собирайте себе сокровищ на земле» — и за четыре дня облегчил их карманы на тридцать фунтов, но потом один тип — священник, забыл, как его звали, — заявил, что я превращаю его дом в обитель порока и что он ни минуты больше не потерпит моего присутствия. Я убрался восвояси и полгода просидел дома. Чуть не одурел со скуки.

Появление мисс Лей прервало разговор.

— Видите, тетя, мы уже подружились.

— Джеральд мгновенно заводит дружбу со всеми, он у нас очень компанейский молодой человек. Как поживает юный повеса?

— Замечательно, о, прекрасная Белинда, — отозвался Джеральд и бросился на шею мисс Лей, к вящему восторгу и притворному негодованию последней.

— Все никак не угомонишься, — покачала головой она. — А я-то рассчитывала, что ты, аки грешник кающийся, облачишься во власяницу и станешь посыпать голову пеплом, дав обет молчания.

— Милая тетушка, просите меня о чем угодно, но каяться и молчать я просто не могу.

— Ты ведь знаешь, что твоя мать просила меня приглядеть за тобой.

— Я люблю, когда за мной приглядывают. А Берта вам поможет?

— Я пришла к выводу, — продолжила мисс Лей, — что единственный способ удержать тебя от соблазнов — это держать на привязи все вечера подряд, так что ступай домой и переоденься. Я ведь знаю, как ты обожаешь менять наряды.

Тем временем Берта с изумлением обнаружила, что Джеральд буквально пожирает ее взглядом. Не заметить его откровенное восхищение было

невозможно.

«Мальчишка сошел с ума», — подумала она, хотя невольно почувствовала себя польщенной.

— Он рассказывал мне какие-то ужасные истории, — после его ухода сообщила Берта тете. — Надеюсь, это не более чем выдумки.

— Советую не воспринимать слова Джеральда всерьез, он мастер преувеличивать. Кроме того, все юнцы строят из себя байронических героев, да и большинство мужчин, кстати, тоже.

— Он выглядит совсем ребенком. Даже не верится, что столько всякого успел натворить.

— Насчет горничной его матери сомневаться не приходится. Доказательства самые неоспоримые. Понимаю, я должна на него страшно сердиться, но в наше время все настолько добродетельны, что налет порочности вносит хоть какое-то приятное разнообразие. К тому же он еще совсем юн и позже наверняка выправится. В молодости англичане несутся сломя голову прямо в преисподнюю, но с возрастом почти всегда меняют коней и неспешной рысцой возвращаются обратно к респектабельности, супруге и семнадцати отпрыскам.

— Мне нравится сочетание его зеленых глаз и темной шевелюры.

— Дорогая, бесспорно, этот мальчик создан, чтобы разбивать женские сердца. Лично я даже не пытаюсь сопротивляться его обаянию. Чем нелепее выдумка, тем искренней он выглядит.

Берта пошла к себе в комнату и придирчиво оглядела свое отражение в зеркале, затем надела самое красивое вечернее платье, которое шло ей больше всего.

— Боже милостивый, — приподняла брови мисс Лей. — Ты ведь не из-за Джеральда нарядилась? Смотри, вскружишь мальчишке голову. Он ужасно влюбчив.

— Надела первое, что попалось, — невинно ответила Берта.

Глава XXIX

— Поздравляю, ты завоевала сердце Джеральда, — сообщила мисс Лей племяннице днем или двумя позже. — Он признался мне, что ты совершенно неотразима.

— Милый мальчик, — рассмеялась Берта.

Открытый юношеский восторг естественным образом усилил приязнь Берты к кузену. Ее волновал пристальный взгляд его зеленых глаз, который она интуитивно ощущала даже спиной. Эти глаза следили за ней, гладили волосы и прекрасные руки Берты. Когда она надевала платье с низким вырезом, взор Джеральда обдавал жаром ее шею и грудь, скользил по плечам и нежно обнимал за талию. Это были ласковые и улыбающиеся глаза, однако в их изумрудной глубине мерцала тайна. Берта намеренно принимала позы, в которых смотрелась наиболее эффектно, и испытывала чувственное удовольствие, когда Джеральд любовался ее руками. В самом деле, не прятать же их под передник! Мало кто из английских мужчин видит в женщине что-либо, помимо лица, и обращает внимание на восхитительные

очертания рук, изящных и нежных, с тонкими пальчиками и розовыми ноготками.

— Разве вас не учили, что пялиться — невежливо? — внезапно обернувшись, с улыбкой произнесла Берта.

— Прошу прощения, я не знал, что вы смотрите.

— Я не смотрю, но все равно все вижу.

Она подарила Джеральду самую обворожительную улыбку и вдруг заметила, как в его глазах полыхнуло темное пламя. Действительно красавчик и, конечно, совсем еще дитя.

Замужней даме всегда лестно разжечь огонь в переменчивом сердце юноши. Такая влюбленность служит бесспорным подтверждением ее женских чар, а помимо того, имеет еще одно преимущество — полное отсутствие риска. Дама говорит себе, что для молодого человека полезно влюбиться в порядочную женщину много старше по возрасту: это научит его правильно себя вести и удержит от всякого рода неприятностей. Как часто неоперившиеся юнцы губят свою жизнь, попав в цепкие руки крашеной авантюристки с размалеванными щеками! Зато наша порядочная дама, годясь юноше в матери, не видит ничего дурного в том, чтобы слегка пофлиртовать с бед-

нягой, и поскольку он получает от этого явное удовольствие, держит его при себе, заставляет прислуживать и слепит красотой, так что молодой человек совершенно теряет голову от страсти, пока на выручку ему не приходит свойственное юности непостоянство и он по уши не влюбляется в официантку. Тогда, конечно, порядочная женщина обзывает его неблагодарным мальчишкой и ничтожеством, с горечью сознает, как сильно в нем ошибалась, и велит никогда больше не появляться ей на глаза. Естественно, все вышеописанное относится лишь к тем женщинам, в которых мужчины действительно влюбляются; общеизвестно, что прочие представители мужского пола имеют твердое мнение по данному поводу и скорее умрут, чем позволят себе флирт.

Джеральд обладал замечательной способностью моментально сходиться с людьми, к тому же кузина (особенно если она хороша собой) отлично годится в приятели, общаться с ней легко и приятно. Эта родственная связь, не настолько близкая, чтобы обещать постоянные ссоры, и в то же время позволяет обмениваться дружескими подначками, которые представляют собой самую увлекательную часть разговоров.

Уже через неделю Джеральд дни напролет про-

водил с Бертой, а та пришла к заключению, что в разгар сезона английская столица гораздо более интересна, нежели она предполагала. Берта с отвращением вспоминала два предыдущих визита в Лондон: один — в их с Эдвардом медовый месяц, и другой — во время первого своего бегства от мужа. Как ни странно, оба этих путешествия теперь казались ей одинаково унылыми. Эдвард почти исчез из ее мыслей, и она ликовала словно пленник, освободившийся от оков. Берту беспокоило лишь одно: настойчивое желание Эдварда увидеться с ней. Отчего он не оставит ее в покое, как поступила она? Эдвард постоянно задавал вопрос, когда Берта вернется в Корт-Лейз, и ей приходилось выдумывать разные отговорки, чтобы не допустить его приезда в Лондон. Мысль о встрече с мужем претила Берте.

Однако когда приходил Джеральд, она прогоняла все неприятные думы. Немудрено, что англичане — многочисленная нация: только посмотрите, сколько мест предоставлено им щедростью властей специально для откровенного флирта и ухаживаний. В жаркий день что может быть чудеснее Британского музея — прохладного, безмолвного, просторного, где безобидные статуи не сплетничают, не выдают чужих тайн, но

предоставляют тему беседы, чтобы заполнить неловкую паузу. Парки также прекрасно подходят тем, чьи мысли обращены к платонической любви. Гайд-парк — отличное место для идиллической пьесы, в которой на Коридоне надеты лаковые туфли и отливающий блеском цилиндр, а Филлис облачена в изысканное платье[39]. Подстриженные газоны, искусственные водоемы и аккуратные дорожки создают забавную имитацию сельского пейзажа, бесконечно привлекательную для тех, кто не желает заходить в отношениях слишком далеко. Именно здесь Берта и Джеральд провели не одно долгое летнее утро. Ей нравилось слушать болтовню кузена и любоваться его зелеными глазами: Джеральд такой славный мальчик и, по-видимому, искренне к ней привязан. Кроме того, он не задержится в Лондоне дольше месяца, ему позволительно чуть-чуть влюбиться в нее.

— Ты жалеешь, что скоро придется уехать?

— Мне будет очень грустно расставаться с тобой.

— Как мило, что ты это говоришь, — улыбнулась Берта.

---

[39] Примечания: 39

Коридон и Филлис — традиционные имена пастухов и пастушек в древнегреческой пасторальной поэзии.

Постепенно она вытянула из Джеральда историю его постыдных приключений. Снедаемая любопытством, Берта хотела знать все до мельчайших подробностей, которые искусно выпытывала, заставляя молодого человека признаваться в дурных поступках, чтобы затем разыграть притворное негодование. Мысли о развращенности этого мальчика вызывали у нее странный трепет, отчасти даже восхищение, и она смотрела на него с некоторым удивленным восторгом. Джеральд разительно отличался от целомудренного Эдварда. Выразительные глаза юноши светились детской наивностью, однако он уже испробовал хмельное вино многих чувств. Берта слегка завидовала его принадлежности к мужскому полу, предоставлявшей такую возможность, и дерзости духа, которая позволяла выжимать из жизни все, что она способна дать.

— По-хорошему, мне следовало бы прекратить разговаривать с тобой, — заявила Берта. — Я должна стыдиться тебя.

— Но не стыдишься. Поэтому ты и душечка.

Разве можно сердиться на сорванца, который тебя обожает? Пусть он даже был вконец испорчен — собственно, сомневаться в этом не приходилось, — однако его развращенность

пленяла Берту. Вот мужчина, который ради прекрасной дамы, не колеблясь, отправится куда угодно, хоть к черту в пекло! Осознание этого факта льстило женскому самолюбию Берты.

Как-то вечером мисс Лей уехала в гости, и Джеральд пригласил кузину поужинать вместе, а затем пойти в оперу. Представив расходы, Берта отказалась, но юноша горячо настаивал, да ей и самой очень хотелось того же, так что в конце концов она уступила. «Бедненький, — подумала Берта, — он ведь скоро уедет, мне стоит быть к нему добрее».

Джеральд явился к ней в превосходном настроении. Фрак сидел на нем великолепно, хотя в этом парадном наряде он выглядел еще моложе, чем обычно.

— Мне даже боязно появляться с тобой в свете, — засмеялась Берта. — Люди решат, что ты мой сын и станут говорить: «Боже, кто бы мог подумать, что ей уже сорок!»

— Чепуха! — Джеральд обвел взглядом ее элегантное вечернее платье. Как все красивые женщины, Берта всегда очень тщательно выбирала наряды. — Клянусь, ты выглядишь потрясающе!

— Дитя мое, я гожусь тебе в матери.

Сперва они поехали в ресторан, который Дже-

ральд по-мальчишески выбрал только за то, что он считался самым шикарным в Лондоне. Берта с интересом разглядывала царившую в зале суету, официантов, что проворно сновали туда-сюда, сверкающие брильянты дам, яркие электрические лампы; ее одобрительный взор то и дело задерживался на красивом юноше, сидевшем напротив. Он лихо заказывал самые дорогие блюда, и никакие увещевания Берты не действовали, а когда они приехали в оперу, выяснилось, что Джеральд купил билеты в ложу.

— Ах, негодник! — воскликнула Берта. — Ты же остался без гроша в кармане!

— Вовсе нет. Ты забыла, что у меня есть пятьсот фунтов? Надо же хоть немного промотать, — засмеялся Джеральд.

— Но зачем, скажи на милость, было заказывать ложу?

— Я же помню, что тебе удобно только в ложе.

— Ты ведь обещал взять дешевые билеты!

— Я хотел остаться с тобой наедине.

Джеральд был льстецом по натуре; никакая женщина не могла устоять перед его томным взором и обворожительной улыбкой. «Должно быть, я ему очень нравлюсь», — думала Берта по пути домой, в благодарность держа кузена под руку.

— Спасибо за прекрасный вечер, — сказала она. — Я всегда знала, что ты славный мальчик.

— Я готов сделать гораздо больше.

Юноша охотно отдал бы остаток своих пятисот фунтов за один-единственный поцелуй Берты. Ей было приятно сознавать это, однако внешне она сохраняла сдержанность, и Джеральд неожиданно смутился. Они расстались у ее дверей, скромно пожав друг другу руки.

— Я рад, что ты составила мне компанию.

Молодой человек явно был очень признателен Берте. Она опять подумала о потраченных деньгах и почувствовала легкий укол совести, но от этого ее симпатия только возросла. Женщина гораздо охотнее предпочтет пучок сорняков, которые стоят целое состояние, нежели огромную корзину роз за два шиллинга.

Месяц подходил к концу, и Берта вдруг испытала потрясение, осознав, что юный кузен занимает почти все ее мысли. Она не подозревала, как сильно привязалась к нему, и только сейчас поняла, что будет скучать.

— Ах, если бы он остался, — вслух произнесла Берта и быстро прибавила: — Впрочем, его отъезд только к лучшему.

В эту минуту в комнату вошел Джеральд.

— Через неделю ты будешь уже на берегу океана, — с сожалением проговорила Берта, — и тогда раскаешься во всех своих некрасивых поступках.

— А вот и нет, — отозвался юноша, усаживаясь на любимое место — у ног Берты.

— Что «нет»?

— Не раскаюсь, — улыбнулся Джеральд. — И я никуда не еду.

— Как это?

— Планы поменялись. Человек, к которому я еду, сказал, что можно приступить к работе в конце этого месяца либо в конце следующего. Я выбрал конец следующего.

— Но почему?

Берта поняла, что задала глупый вопрос. Ответ она знала.

— У меня не было причин оставаться. Теперь есть, вот и все, — сказал Джеральд.

Поймав пристальный взгляд его сияющих глаз, Берта посерьезнела.

— Ты не сердишься? — спросил Джеральд уже другим тоном. — Я надеялся, ты не будешь возражать. Я не хочу разлучаться с тобой.

Он вновь посмотрел на нее, почти со слезами.

— Я ужасно рада, что ты остаешься, — растроганно промолвила Берта. — Мне тоже было

грустно думать о твоем отъезде, ведь мы стали хорошими друзьями.

Она провела рукой по его волнистым волосам и щеке; юноша вздрогнул.

— Не делай так, — попросил он и убрал ее руку.

— Почему? Ты меня боишься? — удивленно рассмеялась она и опять взъерошила волосы Джеральда.

Побледнев, он резко вскочил на ноги, и Берта, к своему изумлению, заметила, что юноша весь дрожит.

— Я схожу с ума, когда ты меня касаешься.

Внезапно она увидела в его глазах пламя любви: Джеральд трепетал от страсти. Берта тихонько вскрикнула, ее сердце сладко замерло. Неожиданно он упал на колени, схватил ее за руки и принялся покрывать поцелуями. От его горячего дыхания Берта задрожала. Поцелуи обжигали ее, она выдернула руки.

— Я так давно мечтал об этом, — прошептал Джеральд.

— Ты сошел с ума!

— О, Берта!

Они стояли почти вплотную друг к другу. Берта видела, что юноша хочет обнять ее, и на мгнове-

ние ощутила безумное желание позволить ему сделать это — позволить целовать ее губы так же, как он целовал руки. Она тоже хотела целовать его — губы, волосы, щеки, нежные и по-девичьи бархатистые. Тем не менее Берта сдержалась.

— Боже, что за нелепость! Джеральд, не глупи.

Не в силах говорить, он лишь пожирал ее взглядом зеленых глаз, светившихся огнем вожделения.

— Я тебя люблю, — прошептал он.

— Мальчик мой, ты хочешь, чтобы я повторила судьбу горничной твоей матери?

Джеральд издал короткий стон и залился краской.

— Хорошо, что ты остаешься в Лондоне. Заодно познакомишься с Эдвардом, он приедет на следующей неделе. Ты ведь еще не знаком с моим мужем?

Губы Джеральда дрогнули; было видно, что он старается овладеть собой. Затем он рухнул в кресло и зарылся лицом в ладони. Он выглядел таким хрупким, таким юным и… влюбленным. Берта взглянула на него, и слезы застлали ей глаза. Она положила руку ему на плечо.

— Джеральд!

Он не отозвался.

— Джеральд, я не хотела оскорбить твои чувства. Прости за мои слова.

Берта наклонилась и отняла руки юноши от лица.

— Ты злишься на меня? — спросил он, чуть не плача.

— Нет, — ласково ответила Берта. — Но прошу тебя, милый, не делай глупостей. Сам знаешь, я гожусь тебе в матери.

У Джеральда был по-прежнему безутешный вид, и она еще сильнее почувствовала, что поступила скверно. Берта взяла лицо юноши в свои ладони, поцеловала его губы, а затем глаза, убрав с них слезинки, словно он был маленьким мальчиком.

Глава XXX

Страстные поцелуи Джеральда все еще горели на руках Берты, словно островки огня, а губы хранили след его отроческих уст. Какой магический ток возник между ней и Джеральдом, что теперь вызывал у нее это внезапное счастье? Берту пьянила мысль о том, что этот мальчик любит ее. Она помнила, как засияли его глаза, каким хриплым сделался голос — ах, это были верные знаки любви, великой и всепобеждающей силы. Берта прижала руки к груди и рассмеялась серебристым смехом чистой радости: она любима!

Поцелуи, будто тоненькие иголочки, покалывали ее пальцы — Берта оглядела их с удивлением, почти ожидая увидеть легкие ожоги. Она испытывала невероятную благодарность к Джеральду и хотела сейчас обнять его голову и осыпать поцелуями волосы, мальчишеские глаза и нежные губы. Она сказала себе, что будет ему доброй матерью.

На следующий день Джеральд пришел с застенчивым видом, опасаясь, что Берта его прогонит, и контраст между этой робостью и его всегдаш-

ней счастливой самоуверенностью очаровал ее. Берте невероятно льстила роль покорного раба, которую играл юноша, льстило удовольствие, с каким он выполнял ее распоряжения, однако она до конца не верила в его любовь и хотела доказательств. Она испытывала странное возбуждение, наблюдая, как бледнел Джеральд, когда она брала его ладонь, как он дрожал, когда Берта опиралась на его руку. Она гладила волосы юноши и наслаждалась страданием, которым искажалось его лицо.

— Пожалуйста, перестань! — жалобно воскликнул Джеральд. — Не мучай меня.

— Я же почти не касаюсь тебя! — засмеялась Берта.

В глазах Джеральда заблестели слезы; это были слезы страсти, и Берта едва сдержала торжествующий возглас. Наконец ее полюбили так, как она того желала. Берта упивалась властью своих женских чар: наконец появился человек, который без колебаний погубит ради нее свою душу! Она испытывала необыкновенную признательность, но сердце ее холодело при мысли о том, что все это напрасно. Они безнадежно опоздали: Джеральд еще ребенок, а она замужем, и ей уже почти тридцать.

Но даже если все обстоит именно так, зачем Берте останавливать пылкого юношу? Если это любовь ее мечты, ничто не разрушит это чувство. Более того, она ничем не рискует — Джеральд не позволял себе предосудительных разговоров; к тому же он гораздо младше ее и совсем скоро уедет навсегда. Почему она должна отказываться от скромных крошек, что боги смахнули со своего стола? Поистине, это ведь самая малость! Глуп тот, кто прячется от мягких лучей солнца бабьим летом только из-за того, что это короткое тепло предвещает скорый приход зимы так же верно, как восточный ветер!

Они провели вместе целый день, к изумлению мисс Лей, которой на этот раз изменила обычная проницательность.

— Берта, ты большая умница, что взялась присматривать за нашим озорником. Его мать будет благодарить тебя до самой смерти за то, что ты удержала его от беды.

— Я рада, если это так, — отозвалась Берта. — Он замечательный мальчик, и мне очень не хочется, чтобы с ним случилось что-то плохое. Меня волнует его будущее.

— Не стоит, дорогая. Джеральд обязательно вляпается в кучу историй — это у него в крови, — но с

той же легкостью из них выпутается. Поклянется в вечной любви дюжине прекрасных дев и весело ускачет прочь, оставив их рыдать на груди друг у дружки. Некоторым мужчинам самой природой предназначено разбивать женские сердца.

— По-моему, он просто слегка необуздан и никому не желает зла.

— Люди такого сорта всегда действуют, не желая зла, и от этого их поступки только более пагубны.

— Кроме того, он крайне влюбчив.

— Милочка, у меня складывается впечатление, что ты сама в него влюблена.

— О да, безумно, — улыбнулась Берта.

Чистая правда нередко служит самым верным способом ввести людей в заблуждение, особенно если она срывается с губ неосознанно. Дамы в возрасте около пятидесяти имеют неприятную привычку считать ровесницами всех женщин старше двадцати пяти лет, поэтому мисс Лей и в голову не приходило, что Берта может смотреть на Джеральда иначе как на ребенка.

Эдвард рвался в Лондон. Желание мужа увидеться с ней поразило и немного раздосадовало Берту, поскольку именно сейчас его присутствие было наиболее неуместным. Она не хотела, что-

бы кто-то или что-то нарушало ее волшебный сон, ибо знала, что это лишь сон, короткий день весеннего счастья посреди долгой зимы жизни.

Теперь Берта смотрела на Джеральда с тяжелым сердцем и не могла думать о будущем без боли. Каким пустым будет ее существование без его открытой улыбки и прежде всего без его жгучей страсти! Любовь этого юноши была прекрасна; она окутывала Берту таинственным огнем и возносила в небеса, так что она словно плыла по воздуху. Однако все хорошее либо происходит слишком поздно, либо заканчивается плохо. Почему случилось так, что любовный пыл Берты оказался растрачен впустую, безнадежно развеян ветрами, и теперь, когда юный красавец отдает ей свое невинное сердце, она ничего не может предложить ему взамен?

Берту немного волновала встреча Джеральда с Эдвардом — что каждый из них подумает о другом? Главным объектом ее внимания был Джеральд. Крэддок ворвался, как ветер с поля; огромный, бодрый, пышущий здоровьем и изрядно полысевший. Мисс Лей испугалась, что гость сшибет на пол весь ее фарфор. Эдвард поцеловал обеих дам в щеку.

— Ну, как у вас тут дела? А это, я понимаю,

мой юный кузен? Как поживаете? Рад познакомиться.

Сияя добродушной улыбкой, он навис над Джеральдом и энергично потряс его руку, затем сел на стул, явно тесноватый для такого гиганта. Под тяжестью его веса сиденье жалобно поскрипывало. Мало что способно вызвать у женщины большее изумление, чем вид собственного мужа, который прежде был предметом слепого обожания, а ныне не вызывает ничего, кроме досады; однако это душевное состояние весьма затрудняет беседу.

Немного погодя мисс Лей увела Джеральда, сочтя необходимым предоставить супругам радость того уединения, к которому их навечно приговорил законный брак. Берта с большой неохотой ожидала пытку общением. Ей было нечего сказать Эдварду, и она сильно опасалась, что муж станет проявлять нежные чувства.

— Где ты остановился? — спросила она.

— В Судебном подворье, я там всегда останавливаюсь.

— Я подумала, что ты захочешь вечером побывать в опере, и взяла билеты. Я заказала ложу, чтобы тетя Полли и Джеральд могли составить нам компанию.

— Согласен на все твои предложения.

— Ты всегда был самым покладистым человеком на свете, — улыбнулась Берта.

— Несмотря на это, мое общество, как видно, не слишком тебя интересует.

Берта метнула на Эдварда быстрый взгляд.

— С чего ты взял?

— Слишком уж долго ты едешь назад в Корт-Лейз, — расхохотался тот.

Берта испытала облегчение: судя по всему, Эдвард не принимал ее отсутствие близко к сердцу. У нее не хватило смелости объявить ему, что она не намерена возвращаться. Долгие объяснения, недоумение и непонимание мужа — всего этого она сейчас не вынесет.

— Когда ты вернешься домой? Мы все ужасно соскучились.

— Правда? Пока не знаю. Вот закончится сезон, там посмотрим.

— Что? Ты задержишься здесь еще на несколько месяцев?

— Блэкстебл не слишком для меня подходит. Там я постоянно чувствую себя больной.

— Брось, у нас лучший воздух во всей Англии. Смертность практически на нуле.

— Как ты думаешь, Эдвард, мы с тобой жили счастливо? — Берта с тревогой посмотрела на

Эдварда, не зная, как он отреагирует на пробный камень.

Крэддока вопрос искренне удивил.

— Счастливо? Ну да, а как еще? Конечно, у нас случались небольшие размолвки, но у кого их не бывает, да и то лишь поначалу. В первое время дорога была не слишком гладкой, а шины как следует не накачаны, вот и ехалось жестковато. По крайней мере лично мне жаловаться не на что.

— Безусловно, это самое главное, — заметила Берта.

— Выглядишь ты просто отменно, так зачем откладывать возвращение?

— У нас еще будет время это обсудить.

Она боялась произнести слова, что были готовы сорваться с ее языка, и решила, что легче сообщить обо всем в письме.

— Хорошо бы, если бы ты назвала точную дату. Я подготовлю дом к твоему приезду и обрадую людей.

— Все зависит от тети Полли. Пока не могу сказать наверняка, лучше потом напишу.

Они немного помолчали, потом Берту вдруг осенило:

— Может быть, сходим в Музей естественной истории? Помнишь, мы были там во время медо-

вого месяца?

— Ты вправду хочешь туда?

— Уверена, тебе понравится.

На следующий день, когда Берта с Эдвардом отправились по магазинам, мисс Лей и Джеральд остались одни.

— Тебе грустно без Берты? — спросила мисс Лей племянника.

— Просто невыносимо!

— Мальчик мой, это ужасно невежливо по отношению ко мне.

— Простите, тетушка, но у меня не получается быть учтивым более чем с одним человеком зараз. Все свои хорошие манеры я растратил на мистера Крэддока.

— Я рада, что он тебе понравился, — улыбнулась мисс Лей.

— Ничуть!

— Эдвард очень достойный человек.

— Если бы я не виделся с Бертой целых полгода, то уж точно не потащил бы ее разглядывать жуков.

— Возможно, идея пойти в музей принадлежала Берте.

— Должно быть, она находит мистера Крэддока жутко скучным, если предпочитает смотреть на

черных тараканов и чучела кенгуру.

— На твоем месте я не спешила бы с выводами, друг мой.

— Думаете, она его любит?

— Джеральд, милый, что за вопрос! Разве не долг Берты любить и почитать мужа и повиноваться ему?

— Будь я женщиной, ни за что бы не почитал лысого.

— Ничего, что волосы поредели, зато Эдвард очень серьезный и ответственный человек.

— Видимо, серьезность вытекает из него, как смола, когда он потеет.

— Мистер Крэддок — член окружного совета, он произносит речи о национальном флаге и крайне добродетелен.

— Знаю, знаю. От него за милю несет Десятью заповедями, он весь утыкан ими, как ромовый бисквит — миндальными орешками.

— Мой дорогой Джеральд, Эдвард — образец достойного человека и типичного англичанина, прекрасно чувствующий себя на родине. Это настоящий патриот, наделенный отличным здоровьем, твердыми убеждениями и высокой нравственностью. Он честен, порядочен и глуп. Я очень высоко ценю его, и, по-хорошему, он

должен нравиться мне гораздо больше, чем ты — распутный негодник.

— Странно, что у вас выходит наоборот.

— Это потому, что я злая старуха и на долгом опыте усвоила, что люди, как правило, прячут свои грехи, а добродетели выставляют напоказ. Если у тебя нет своих пороков, то ты весьма рискуешь пострадать от чужих.

— Что мне в вас нравится, тетя Полли, так это то, что вы не строите из себя ходячую добродетель. Вы — сама снисходительность и милосердие.

— Любезный друг, — произнесла мисс Лей, назидательно подняв указательный палец, — женщины по натуре язвительны и нетерпимы, и если тебе встретится такая, которая являет милосердие, это означает лишь то, что она сама испытывает в нем отчаянную нужду.

Мисс Лей была рада, что визит Эдварда не продлится более двух дней, поскольку все время боялась его чем-либо удивить. Нет ничего скучнее, чем общаться с человеком, который любую простую фразу воспринимает как неожиданный парадокс. Крэддок, в свою очередь, страдал от привычки спорить, которая плохому собеседнику заменяет красноречие. Люди, не умеющие разговаривать, как правило, гордятся своим ис-

кусством полемики, пытаются оспорить самое очевидное утверждение и намерены ввязаться в дискуссию, даже если вы всего-навсего заметили, что за окном прекрасная погода. Мисс Лей придерживалась мнения, что разговаривать с женщинами моложе сорока вообще не имеет смысла, а беседа с мужчиной стоит того лишь при условии, что он умеет внимательно слушать.

Присутствие мужа невероятно стесняло Берту, она ощущала такую скованность, что через силу заставляла себя разговаривать с ним, с трудом подыскивая темы. Проводив Эдварда, она возвращалась с вокзала заметно повеселевшая. Джеральд при ее появлении вскочил с кресла, и Берта затрепетала от удовольствия. С сияющими глазами юноша подбежал к ней.

— Ох, как я рад. За эти два дня мы даже словечком толком не перекинулись.

— У нас впереди целый день.

— Прогуляемся?

Берта охотно согласилась, и они, словно двое школяров, отправились гулять к реке, наслаждаясь теплом и солнцем. Берега Темзы в окрестностях Челси радуют глаз своей аккуратной нарядностью и некоторым ветреным легкомыслием, чрезвычайно приятным в сравнении с

чопорной степенностью остального Лондона. Набережные, хоть и возведены недавно, навевают воспоминания о тех днях, когда огромный город был большой деревней с беспорядочно разбросанными строениями, портшез был средством передвижения, дамы носили мушки и кринолины, эпиграммы были в моде, а пристойное поведение — нет.

Глядя на сверкающую воду, Джеральд и Берта заметили пароходик, привалившийся к соседнему причалу. Неожиданно Берте в голову пришла занятная мысль.

— Давай сядем на пароход и поедем в Гринвич! — воскликнула она. — Тетя Полли сегодня в гостях, а мы можем поужинать в «Корабле» и вернуться домой поездом.

— Отличная мысль!

Они сбежали по сходням и купили билеты. Пароход отчалил, и Берта, тяжело дыша, опустилась на сиденье. Она ощущала легкую бесшабашность, была довольна собой и радовалась детскому восторгу Джеральда.

— Мы как будто сбежали, правда? — рассмеялась она. — Тетя Полли просто в ужас придет.

Пароход шел с остановками, подбирая пассажиров. Судно миновало шаткие пристани

Миллбанка, четырехугольные башни церкви Святого Иоанна на Смит-сквер, восемь красных блоков больницы Святого Фомы и парламент. Пароход оставил позади Вестминстерский мост и величественную громаду Скотленд-Ярда, гостиницы, жилые дома и правительственные здания вдоль набережной Альберта, зелень парка Темпл-гарденз. На другом берегу, в стороне Суррея, напротив всего этого великолепия лепились грязные склады и фабрики Ламбета. За Лондонским мостом Берта с новым энтузиазмом принялась разглядывать пейзажи, стоя на носу парохода бок о бок с Джеральдом. Они не разговаривали и просто наслаждались близостью друг друга. Движение по реке стало более оживленным, на пароходике прибавилось народу — ремесленников, клерков, шумных девиц, направлявшихся в Ротерхайт и Дептфорд. Крупные торговые суда стояли у берега или медленно плыли вниз по течению к Тауэрскому мосту. На этом участке широкие водные пути были запружены всевозможными плавучими средствами: среди них были и ленивые баржи под алыми парусами, столь же колоритные, как венецианские рыболовные суденышки; и небольшие, деловито пыхтящие буксиры, и грузовые пароходы,

и огромные рейсовые лайнеры. Перед глазами Берты и Джеральда мелькнули стайки полуголой детворы, что барахталась в мутной воде Темзы, ныряя с угольной баржи, стоявшей на якоре.

Затем окружающая обстановка вновь изменилась. Длинные ряды складов и фабрик по берегам реки знаменовали собой коммерцию могучей державы, а дух Чарльза Диккенса придавал проплывающим картинам новую красоту. Разве можно назвать их скучными и прозаическими, если им посвящал слова великий писатель? Какой-то любезный пассажир вслух называл все места, мимо которых шел пароход.

— Глядите, Уоппингская лестница.

Названия завораживали Берту, звучали для нее, как песня.

Они проплывали бесчисленные верфи и доки: Лондонский док, верфи Джона Купера, верфи Уильяма Гиббса (кто такие Джон Купер и Уильям Гиббс?), Лаймхаусский бассейн и Вест-индский док. Затем вместе с поворотом реки пароход вошел в Лаймхаус-Рич, вскоре показались благородные контуры Гринвичского госпиталя,

бессмертного творения Иниго Джонса[40], и пассажиры высадились на причал Гринвич-пир.

[40] Примечания: 40

Гринвичский госпиталь (Королевский военно-морской госпиталь) был лишь запланирован Иниго Джонсом и строился в 1696–1712 гг. по проекту Кристофера Рена. В Гринвиче Иниго Джонс спроектировал загородный дом королевы Анны (супруги короля Якова I) Куинз-хаус, входивший в комплекс королевского дворца Генриха VIII, на месте которого Кристофер Рен впоследствии выстроил госпиталь.

Глава XXXI

Они немного постояли на террасе рядом с госпиталем. Терраса выходила на реку, и прямо под ними в воде бултыхались мальчишки: с веселыми криками и визгом они купались, ныряли, гонялись друг за другом — жизнерадостная картина шумного детства.

Река в этом месте становилась шире. Солнце играло на желтоватых волнах, отчего они блестели, точно золото. Пыхтящий буксир тянул вереницу барж; за ним, беззвучно скользя, двигалось громадное торговое судно Ост-Индской компании. День давно перевалил за середину, покой и приволье навевали атмосферу старых добрых времен. Плавное течение завораживало, уносило с собой мысли; впереди водная гладь расстилалась во всю ширь, все больше заполнялась судами. В ноздри ударял соленый запах, река величественно впадала в море, и корабли отправлялись на восток, запад и юг, в самые отдаленные концы света, в жаркие страны, где растут пальмы и живут темнокожие люди. Суда везли свой груз, неся на борту имя и богатство Англии. Темза

стала символом могущества огромной империи, и всякий, кто наблюдал эту сцену, остро ощущал эту силу, испытывая гордость за немеркнущую славу великой нации.

Джеральд, однако, выглядел опечаленным.

— Совсем скоро река разлучит меня с тобой, Берта.

— Зато подумай, какие просторы тебя ожидают. Англия иногда прямо душит теснотой, даже кажется, что нечем дышать.

— Это от того, что мне придется тебя покинуть.

Берта ласково накрыла рукой ладонь юноши и, желая отвлечь его от грустных мыслей, предложила пройтись пешком.

Гринвич — наполовину Лондон, наполовину отдельный город, и это неожиданное сочетание придает ему особую прелесть. Если доки и верфи Лондона до сих пор хранят дух Чарльза Диккенса, то здесь все пронизано счастливой и вольной атмосферой произведений капитана Марриэта[41]. Его истории о свободной жизни и морских ветрах вновь оживают на серых улочках, до сих пор населенных яркими героями «Бедного Джека». В парке рядом с рабочими, мирно спящими на

[41] Примечания: 41

Марриэт, Фредерик (1792–1848) — английский писатель, автор приключенческих романов.

лужайке, трудягами из доков и мальчишками, играющими в примитивный крикет, можно увидеть невероятно причудливых персонажей из прошлых дней, чьи образы с восторгом запечатлело бы на бумаге меткое перо автора морских романов.

Берта и Джеральд допоздна сидели под деревьями и наблюдали за прохожими, а затем пошли обратно, чтобы поужинать в «Корабле». Им ужасно понравилось старое кафе и чернокожий официант, который преувеличенно расхваливал все блюда подряд.

— Не будем скаредничать, — заявила Берта. — Сегодня я чувствую себя совершенно свободной, а если считать расходы, то пропадет все веселье.

— Давай хоть ненадолго забудем о завтрашнем дне и станем творить всякие глупости.

Они заказали шампанское — напиток, который для юнцов и женщин служит высшим символом роскоши и легкомысленных развлечений. Довольно скоро изумрудные глаза Джеральда заблестели ярче, а Берта зарделась под их страстным взором.

— Это самый потрясающий день в моей жизни, — сказал Джеральд. — До самой смерти я буду вспоминать его и сожалеть о том, что он

закончился.

— Не надо об этом, иначе мы оба расстроимся.

— Ты самая красивая женщина из всех, что я когда-либо встречал.

Берта рассмеялась, демонстрируя жемчужные зубы. Она была довольна собой, сознавая, что сегодня хороша как никогда.

— Вернемся на террасу? Покурим и посмотрим на закат.

Кроме них, на террасе никого не было, солнце уже садилось. В небе на западе клубились большие облака, пышные и ярко-алые. Здания и сооружения возвышались над рекой темной массой. Закат удивительно точно соответствовал пейзажу, дерзкими красками сочетаясь со спокойной мощью реки. На темных волнах островками огня плясали блики.

Берта и ее юный кузен сидели молча, объятые одновременно и счастьем, и сожалением о том, что их блаженству не суждено продлиться.

Опустилась ночь, в небе одна за другой зажглись звезды. Река текла покойно и бесшумно, мерцали огоньки прибрежных городов. Берта знала, что мысли юноши заняты ею, и хотела услышать этому подтверждение.

— Джеральд, о чем ты думаешь?

— О чем же мне сейчас думать, как не о тебе и о том, что я должен с тобой расстаться?

Эти слова доставили Берте невыразимое удовольствие. Как прекрасно быть любимой! В том, что любовь Джеральда настоящая, она не сомневалась. Берта полуобернулась, так, чтобы он видел ее темные глаза — в эту минуту они были черны, как ночь.

— Мне стыдно за мои прошлые поступки. Теперь я знаю, что вел себя ужасно. Ты помогла мне понять это.

— Джеральд, милый, разве ты забыл, что я недавно тебе сказала? Я не хотела оскорбить тебя и до сих пор сожалею о своих словах.

— О, если бы ты могла меня полюбить! Пожалуйста, Берта, не останавливай меня. Я давно сдерживал свои чувства, но больше не могу. Я не хочу уезжать, не открывшись тебе.

— Джеральд, не надо! — Голос Берты дрогнул. — Ничего хорошего из этого не получится, мы оба будем страшно несчастливы. Дорогой, ты не представляешь, насколько я тебя старше. Даже не будь я замужем, мы не смогли бы любить друг друга.

— Но я все равно люблю тебя всем сердцем!

Берта не ответила, и Джеральд наклонился ближе, чтобы заглянуть ей в глаза, затем вдруг

отпустил ее пальцы, страстно обнял за плечи и прижал к себе.

— Берта, Берта! — Он принялся жарко ее целовать. — Умоляю, скажи, что ты меня любишь. Скажи, и я буду счастлив!

— Мальчик мой, — прошептала она и, взяв за подбородок, вернула поцелуй.

Страсть вспыхнула в груди Берты ярким огнем, она уже не могла сопротивляться своим желаниям и начала покрывать поцелуями губы, глаза и кудрявые волосы Джеральда. Наконец она совладала с собой и вскочила на ноги.

— Что же мы творим! Джеральд, идем на вокзал, уже поздно.

— Берта, не уходи!

— Идем, нам нельзя задерживаться.

Юноша попытался обнять Берту, горячо уговаривая остаться.

— Нет, нет, — возражала та, — не проси меня, не причиняй мне боли. У нас нет надежды. Что проку в нашей любви? Через неделю ты уедешь, и мы больше никогда не увидимся. Но даже если бы ты остался, я замужем, и мне уже двадцать шесть, а тебе лишь девятнадцать. Мы станем предметом насмешек, и все.

— Пойми, я не могу просто взять и уехать. Какая

разница, что ты старше меня? И не важно, что ты замужем: тебе нет дела до мужа, а ему — до тебя.

— С чего ты взял?

— Я все видел. Мне было ужасно жаль тебя.

— Ах, милый, — пробормотала Берта и чуть не расплакалась. — Я очень несчастна. Ты прав, Эдвард никогда не любил меня и… обращался со мной не так, как я того заслуживала. Сама не понимаю, что держало меня рядом с ним.

— Я этому рад.

— Я больше никогда не позволю себе влюбиться. Слишком уж много страданий мне пришлось пережить.

— Но я безумно люблю тебя. Берта, неужели не видишь? Я раньше не испытывал ничего похожего, это совсем новое чувство! Любимая, я не могу жить без тебя. Молю, разреши мне остаться.

— Это невозможно. Пойдем, милый, мы и так слишком задержались.

— Поцелуй меня еще раз.

Улыбаясь сквозь слезы, Берта обвила руками шею Джеральда и поцеловала его мягкие, детские губы.

— Ты так добра ко мне, — прошептал он.

Они молча пошли к вокзалу и через какое-то время вернулись в Челси. На пороге квартиры

Берта протянула Джеральду руку. Он посмотрел ей в глаза с такой грустью, что у нее защемило в груди, затем едва заметно коснулся пальцев Берты и ушел.

Оказавшись в своей комнате, она бросилась на кровать и зарыдала. Только теперь она догадалась, что любит Джеральда. На губах Берты все еще горели поцелуи юного красавца, руки помнили его прикосновения. Внезапно она поняла, что лгала себе: ее сердце было словно зажато в тиски, и виной тому оказалась не дружба и не привязанность, но бурная, страстная любовь.

На мгновение молодую женщину пронзила острая радость, но в следующую секунду она вспомнила о своей несвободе и разнице в возрасте — девятнадцатилетнему мальчику женщина двадцати шести лет должна казаться почти старухой! Берта схватила зеркало и посмотрела в него; подошла ближе к свету, чтобы не пропустить ни одной мелочи, и принялась разглядывать лицо, выискивая признаки уходящей молодости — морщинки.

— Боже, какая нелепость, — вслух проговорила она. — Я просто смешна!

Джеральд только говорит, что любит ее, но уже через неделю забудет о ней, встретив на парохо-

де хорошенькую девушку. И все же Берта была уверена, что он действительно любит ее; кто-кто, а она-то разбирается в чувствах. Она с ликованием думала, что это и есть настоящая любовь, разительно отличающаяся от слабого влечения Эдварда. Джеральд любит ее всем сердцем, всей душой; он трепещет от одного прикосновения Берты и бледнеет, пылая муками страсти. Жаркое томление явно читалось в его взгляде. Да, да, именно о такой любви мечтала Берта — о любви, что способна убить и вознести в небеса. Так почему же это прекрасное чувство ее печалит? Берта встала, торжествующе вскинула руки, и в пустой комнате с ее уст слетели слова: «Приди, желанный мой, ибо я люблю тебя!»

Утро принесло нестерпимую тоску. Их любовь тщетна: ее брак и его отъезд делают ее невозможной, а разница в возрасте — почти абсурдной. И все-таки Берта не могла унять боль в сердце, не могла сдержать слез.

Джеральд явился в полдень, когда Берта была дома одна. Он смущенно, почти робко приблизился к ней.

— Берта, ты плакала?

— Мне очень тяжело, — вздохнула она. — Джеральд, прошу тебя, забудь вчерашнее недоразу-

мение. Не произноси слов, которых я не должна слушать.

— Я люблю тебя и ничего не могу с этим поделать.

— Неужели ты не понимаешь, что это — полнейшее безумие?

Берта злилась на себя за любовь к Джеральду, на Джеральда за то, что он пробудил в ней страсть, которая заставила ее презирать свою натуру. Как отвратительно и противоестественно, что она жаждет броситься в объятия распутного мальчишки, это унижает ее в собственных глазах!

Джеральд уловил яростное выражение в глазах Берты и отчасти понял его.

— О, Берта, не смотри так, — попросил он. — Не смотри, как будто меня ненавидишь.

— Джеральд, я люблю тебя, как только может любить женщина, и стыжусь этого.

— Стыдишься?! Почему?! — воскликнул юноша. В его голосе прозвучала невыносимая мука.

— Все это ужасно! — простонала Берта. — Ради всего святого, давай забудем о том, что было. Я приношу тебе лишь страдания. Единственный выход — поскорее расстаться.

— Берта, я не в силах тебя покинуть. Позволь мне быть с тобой.

— Это невозможно. Ты должен уехать, и чем быстрее, тем лучше.

Их разговор прервала вернувшаяся мисс Лей. Тетушка начала о чем-то рассказывать, однако, к ее удивлению, ни Берта, ни Джеральд не проявляли обычного оживления.

— Что с вами обоими сегодня такое? — вопросила мисс Лей. — Слушаете и молчите, даже странно.

— Я устала, — сказала Берта, — и у меня болит голова.

Мисс Лей внимательнее присмотрелась к племяннице и заметила на ее лице следы недавних слез. Джеральд тоже выглядел крайне опечаленным. Наверное, они… Догадка поразила мисс Лей как громом, она едва сумела скрыть свое потрясение.

«Боже правый! — думала она. — Должно быть, я ослепла, если до сих пор ничего не видела. Какое счастье, что этот шалопай через неделю уезжает!» Мисс Лей вспомнила с десяток эпизодов, которым не придала значения. Она была ошеломлена. «Выходит, даже семидесятилетнюю старуху нельзя на пять минут оставить с четырнадцатилетним мальчишкой, чтобы они не вытворили чего-нибудь эдакого!»

Для Джеральда и Берты неделя промелькнула с ужасающей быстротой. Они никак не могли улучить момент, чтобы побыть наедине, поскольку тетушка якобы из любви к племяннику беспрерывно устраивала различные увеселительные прогулки и маленькие торжества, так что все трое постоянно находились вместе.

— Надо чуть-чуть побаловать тебя перед отъездом, весь вред от этого выйдет из тебя при морской качке, — шутливо говорила мисс Лей Джеральду.

Берта испытывала адские муки. Она знала, что их любовь обречена, но также понимала, что справиться с ней — выше ее сил. Берта пробовала убедить себя отказаться от безумного увлечения, но тщетно: Джеральд не покидал ее мыслей, и она терзалась соблазном задержать его в Англии. Если он останется, они смогут дать волю своей страсти, пока та не угаснет сама собой. Однако Берта знала, что не осмелится просить юношу об этом. В то же время ей невыносимо было видеть его страдания, она не могла смотреть в глаза Джеральду, в которых застыло выражение безмерного сердечного горя. А потом ее охватило иное, еще более ужасное искушение. Есть способ, с помощью которого женщина может навсегда

привязать к себе мужчину, есть узы, которые нельзя разорвать. Внутри у нее все бурлило от страсти, и она трепетала при мысли о том, что может принести Джеральду бесценный дар: свое тело. А потом пусть едет: то, что перед этим произойдет, нельзя стереть из памяти. Даже если их будут разделять многие тысячи миль, между ними все равно останется прочная нить. Плоть взывала к плоти, желание было необоримым. Как еще Берте доказать свою прекрасную любовь, как выразить безграничную благодарность? Соблазн упорно преследовал ее, не отпуская ни на миг, а она была слаба. Искушение вновь и вновь атаковало Берту со всей силой бурного воображения, она яростно гнала его, мучаясь отвращением к себе, но вопреки всему питала чудовищную надежду, что оно окажется сильнее.

Глава XXXII

Наконец Джеральду осталось провести в Лондоне всего лишь день. Мисс Лей и Берта собирались на званый ужин — приглашение было получено задолго до того, — и юноше пришлось попрощаться с ними сразу после обеда, так как его поезд уходил с лондонского вокзала назавтра в семь утра.

— Жаль, что ты не сможешь провести свой последний вечер с нами, — вздохнула мисс Лей, — но Тревор-Джонсы ни за что не простят, если мы сегодня не придем.

— Ну что вы, я сам виноват — не выяснил заранее, когда отплываю.

— И чем же ты займешься, бедняжка?

— Устрою напоследок кутеж.

— Ты, наверное, страшно рад, что хоть на один вечер за тобой некому присматривать.

Вскоре мисс Лей бросила взгляд на часы и сообщила Берте, что пора одеваться. Джеральд встал с дивана, расцеловал тетушку и поблагодарил ее за доброту.

— Мальчик мой, давай обойдемся без излиш-

ней чувствительности. Кроме того, ты ведь не навсегда уезжаешь. Наделаешь глупостей и вернешься, в роду Лей все такие.

Джеральд обернулся к Берте и протянул руку.

— Ты была очень мила со мной, — улыбаясь, промолвил он. Взгляд его, однако, был пристальным и многозначительным. — Мы отлично провели время вместе.

— Надеюсь, ты будешь вспоминать меня хоть иногда. Мы с тетей немало постарались, отвлекая тебя от шалостей.

Мисс Лей наблюдала за племянницей и племянником, восхищаясь их самообладанием. На ее взгляд, при прощании оба держались очень хорошо. Она решила, что между ними не случилось ничего, кроме легкого флирта, ведь Берта была намного старше Джеральда и как благоразумная женщина не поставила бы себя в глупое положение.

Мисс Лей вспомнила, что приготовила Джеральду подарок.

— Подожди минутку, дорогой, — сказала она. — Я кое-что принесу.

Едва она вышла из гостиной, как юноша наклонился к Берте.

— Не ходи сегодня никуда. Я должен тебя уви-

деть.

Она не успела что-либо ответить, так как мисс Лей окликнула Джеральда из коридора.

— Прощай, Берта, — громко произнес он.

— Прощай. Счастливого пути.

— У меня для тебя маленький подарок, — сказала мисс Лей, когда Джеральд вышел. — Ты ужасно расточителен, и поскольку это единственное твое достоинство, я считаю своим долгом поощрить его. Если тебе когда-нибудь понадобятся деньги, имей в виду, что я всегда смогу наскрести десятку-другую.

Она вложила ему в руку две банкноты по пятьдесят фунтов, а затем, словно устыдившись, поспешно вытолкала Джеральда за дверь. Мисс Лей поднялась в свою комнату и, поскольку на ближайшие полгода оказалась изрядно стесненной в средствах, потратив их на совершенно недостойную цель, почувствовала себя необыкновенно довольной.

Через час она вернулась в гостиную, где принялась ждать племянницу. Вскоре та вошла — в вечернем туалете и бледная как полотно.

— Ох, тетя Полли, я не могу никуда сегодня идти. Голова просто раскалывается, даже глазам больно. Пожалуйста, передайте мои извинения и

скажите, что я совсем больна.

Она опустилась в кресло и накрыла лоб ладонями. Мисс Лей вздернула брови: очевидно, дело серьезнее, чем можно было предполагать. К счастью, опасность миновала. Берте будет легче, если она останется дома и выплачется. Подумать только, девочке даже хватило мужества одеться!

— Останешься без ужина, — покачала головой мисс Лей. — В доме нет ни крошки.

— Я не голодна.

Выразив сочувствие и пообещав извиниться за племянницу, мисс Лей удалилась. Когда хлопнула парадная дверь, Берта вздрогнула и подошла к окну. Она посмотрела по сторонам, опасаясь, что Джеральд может быть где-то поблизости — он ведь горяч и неосторожен. Если тетя увидит его, все пропало. Экипаж укатил, и Берта вздохнула свободнее. Она сознавала, что жаждет встречи, как и Джеральд, и если им суждено проститься, то это должно произойти наедине, а не под холодным взглядом мисс Лей.

Она ждала у окна, Джеральд не шел. Отчего он медлит? Почему теряет драгоценные минуты? Берта посмотрела на часы: стрелка приближалась к девяти. Она принялась мерить комнату шагами, затем опять подошла к окну. Джеральда

все не было. Вообразив, что он не придет до тех пор, пока она смотрит на улицу, Берта заставила себя сесть с книгой, но не смогла прочесть ни строчки. Она вновь выглянула в окошко и на этот раз увидела кузена. Джеральд стоял на противоположной стороне улицы и, заметив ее, сразу перешел дорогу. Берта подбежала к двери, тихонько открыла.

Джеральд скользнул внутрь, и они оба на цыпочках прошли в гостиную.

— Какая ты умница, — сказал он. — Я не мог просто так уехать. Я знал, что ты останешься дома.

— Почему так долго? Я уже боялась, ты не придешь.

— Не хотел рисковать. Опасался, что тетя Полли повернет обратно.

— Я сказала, что у меня болит голова. Нарочно оделась, чтобы она ничего не заподозрила.

Сгущались сумерки. Влюбленные сидели в темной гостиной, не зажигая света. Джеральд взял руки Берты в свои и поцеловал.

— Кошмарная неделя. Я даже слова не мог тебе сказать. Думал, сердце разорвется.

— Ах, милый…

— Все гадал, грустно ли тебе от того, что я уез-

жаю.

Берта посмотрела на юношу и выдавила из себя улыбку, но заговорить не посмела.

— Каждый день я надеялся, что ты попросишь меня остаться, но ты этого не сделала, а сейчас уже поздно. О, Берта, если бы ты меня любила, то не отсылала бы прочь.

— Я люблю тебя всем сердцем. Разве ты не видишь, что нам лучше расстаться?

— Даже думать не хочется про завтрашний день.

— Ты еще совсем молод и очень скоро влюбишься в кого-нибудь еще.

— Я люблю только тебя! Это правда, поверь. Берта, я не могу покинуть тебя, ты свела меня с ума.

— Ради Бога, замолчи! Мне и так тяжело, не заставляй меня страдать еще больше.

На город опустилась ночь. Через открытое окно в гостиную легко задувал летний ветерок, воздух был бархатным и нежным, будто поцелуй. Они сидели бок о бок, юноша держал Берту за руку. Оба молчали: то, что происходило у них в душе, не поддавалось описанию. Внезапно их обволокла таинственная и невидимая пелена страсти, ими словно бы овладело странное опьянение. Берта почувствовала, как дрожит рука Джеральда, и ей

передалось его возбуждение. Она затрепетала и попыталась отстраниться, но он не отпускал. Тишина вдруг стала гнетущей. Берта хотела что-то сказать, однако слова застряли у нее в горле.

Она ощутила невероятную слабость, сердце затрепыхалось в груди, как птица. Ее глаза встретились с глазами Джеральда, и оба отвели взгляд, точно застигнутые на месте преступления. Дыхание Берты участилось. Вожделение Джеральда сжигало ее огнем, она не смела пошевелиться. Берта попыталась воззвать к помощи Бога, но не смогла. Искушение, которое терзало ее всю неделю, вернулось с утроенной силой. Она испытывала одновременно и отвращение, и пугающее по своей силе желание уступить соблазну.

В конце концов, не все ли равно? Воля Берты слабела, Джеральду стоило произнести лишь слово. О, пусть он произнесет его, ведь они любят друг друга! Берта сдалась, она больше не могла сопротивляться. Плоть стремилась к плоти, и не было на земле более великой силы. Трепеща от страсти, Берта повернула лицо к Джеральду и наклонилась к нему с полураскрытыми губами.

— Берта, — прошептал он.

Они почти слились в объятиях, но в это мгновение тишину нарушил отчетливый звук. Они

вздрогнули, отстранились друг от друга и прислушались. Ключ с щелчком повернулся в замке, парадная дверь открылась.

— Слышишь? — шепнула Берта.

— Это тетя Полли, — так же шепотом отозвался Джеральд.

Берта показала на выключатель. Поняв этот жест, он зажег в гостиной свет и принялся инстинктивно оглядываться в поисках укрытия, но Берта с чисто женской сообразительностью подскочила к двери и распахнула ее.

— Тетя Полли, это вы? — крикнула она. — Как хорошо, что вы вернулись! Джеральд пришел еще раз попрощаться с нами.

— Точно примадонна, которую не отпускает публика, — пробормотала мисс Лей и вошла в гостиную: задыхающаяся, с красными пятнами на щеках.

— Я решил, что вы не будете возражать, если я вернусь и подожду вас, — промолвил Джеральд. — Представляете, оказалось, что Берта дома.

— Забавно, как совпали наши мысли. Я вдруг подумала, что ты можешь заглянуть, и тут же поспешила домой.

— Вы совсем запыхались, — заметила Берта.

Мисс Лей в изнеможении опустилась на кушетку. За светской беседой в гостях ее вдруг осенило, что племянница сказалась больной умышленно. «Идиотка! — ругала она себя. — Эти двое провели меня, как ребенка! Святые небеса, чем они там сейчас занимаются?»

Ужин тянулся невыносимо долго, но едва он закончился, мисс Лей пожелала изумленной хозяйке доброй ночи и велела извозчику мчать во весь опор. Она подъехала к дому, на чем свет стоит понося лживую человеческую натуру. Так быстро взбегать по лестнице ей еще никогда не приходилось.

— Как твоя голова, Берта?

— Спасибо, гораздо лучше. Джеральд прогнал боль.

На этот раз мисс Лей попрощалась с развитым не по годам юнцом весьма холодно. Она горячо благодарила небо, что пароход отчаливает завтра утром.

— Джеральд, я провожу тебя, — сказала Берта. — Не трудитесь, тетя Полли, вы, должно быть, смертельно устали.

Они вышли в коридор. Джеральд надел пальто и, ничего не говоря, протянул руки к Берте. Она, покосившись на дверь гостиной, поманила его за

собой и выскользнула на лестницу. Там никого не было. Берта обвила руками шею юноши и прильнула губами к его губам. Уже не скрывая страсти, она прижимала его к своей груди. Души влюбленных слились в поцелуе. Это был восторг, безумие, неописуемый экстаз, полная капитуляция воли. Сознание не вмещало всю полноту этих восхитительных ощущений. Берте казалось, что она сейчас умрет. В океане блаженства рассудок Берты померк, она зашаталась. Джеральд крепче прижал ее к себе. Неожиданно послышался звук шагов. Берта оторвалась от юноши.

— Прощай навсегда, — шепнула она и, скользнув обратно в коридор, закрыла дверь.

В полуобморочном состоянии она сползла вниз по стене, однако из страха быть застигнутой с трудом поднялась на ноги и доковыляла до своей спальни. Щеки Берты пылали огнем, руки и ноги дрожали. О, теперь поздно проявлять благоразумие. Какая разница, что она замужем? Какая разница, что Джеральд младше ее? Она любит его, любит безумно и пылко. Сумасшедшее счастье — здесь, рядом, и если в будущем ее ждут лишь муки и страдания, то настоящее того стоит. Она не может отпустить своего любимого мальчика, он принадлежит ей. Берта простерла руки,

мысленно обнимая его. Она презрит все, уговорит Джеральда остаться или пойдет за ним на край света. Прислушиваться к доводам рассудка слишком поздно.

Берта возбужденно ходила по комнате. Взглянув на дверь, она ощутила безумное желание побежать за Джеральдом, бросить все ради него. Честь, положение, счастье имеют ценность только потому, что она может принести их в жертву любимому. Он — ее любовь, ее жизнь, тело и душа. Берта прислушалась. Зная, что мисс Лей будет следить за ней, она не отважилась выйти. Тетя определенно что-то подозревала.

Берта решила немного подождать. Она пробовала заснуть, но безуспешно. Мысли о Джеральде не оставляли ее. Она впала в полудрему, и его присутствие стало более явственным. Джеральд находился тут, в комнате, и Берта радостно кричала ему: «Наконец-то, мой желанный, наконец-то!» Она проснулась и простерла руки, не сознавая, что видела сон.

Забрезжил рассвет, серый и хмурый, который вскоре превратился в великолепное летнее утро. Солнце било в окна, его лучи танцевали по комнате. Времени оставалось совсем мало, нужно было решаться прямо сейчас, и эти яркие лучи сулили

Берте жизнь, наслаждение и триумф неизвестности. О, как же глупо растрачивать свои годы напрасно, отказываться от шанса на счастье! Какой слабой нужно быть, чтобы упустить любовь, которая сама пришла к ней!

Она представила, как Джеральд пакует вещи, садится в вагон, и поезд везет его мимо зеленых полей и лесов. Ее любовь победила. Берта не мешкая встала с постели, умылась, оделась, затем кинула в миниатюрную сумочку драгоценности и одну-две мелкие вещицы. В начале седьмого она бесшумно покинула спальню и спустилась по ступенькам. Улица была безлюдна, как ночью, только небо сияло синевой, а воздух был чист и свеж. Берта сделала глубокий вдох и ощутила невероятную радость. Она шла пешком, пока не поймала кеб, и, усевшись, велела извозчику как можно быстрее ехать на Юстонский вокзал. Экипаж еле полз, Берту сжигало нетерпение. А что, если она опоздает? Она велела кучеру поторопиться.

Ливерпульский поезд был забит до отказа. Берта прошла вдоль платформы, переполненной людьми, и вскоре увидела Джеральда. Юноша радостно подскочил к ней.

— Берта, ты все-таки пришла! Я чувствовал,

что ты напоследок еще разок позволишь мне увидеться с тобой. — Джеральд взял ее за руки и посмотрел в глаза. В его взгляде светилась любовь. — Я так рад, что ты здесь, и я могу сказать все, что хотел. Знаешь, я ведь собирался написать письмо. Я всегда буду благодарен тебе и очень сожалею, что причинил тебе боль, едва не погубил твою жизнь. Я вел себя жестоко и эгоистично, совсем не думал о том, как много ты можешь потерять. Теперь я понимаю, что мне лучше уехать. Ты простишь меня?

Берта подняла глаза. Ей хотелось сказать, что она обожает его и пойдет за ним куда угодно, но в горле у нее стоял ком. Подошел контролер, проверявший билеты.

— Леди тоже едет? — осведомился он.

— Нет, — сказал Джеральд и, подождав, пока контролер удалится, продолжил: — Берта, ты ведь не забудешь меня? Не станешь думать обо мне плохо?

У нее разрывалось сердце. Если бы сейчас Джеральд позвал ее с собой, она бы не колеблясь ответила согласием. Однако он, по-видимому, счел ее вчерашний отказ окончательным, и душевные муки открыли ему те препятствия, которых Берта в своей страсти не хотела видеть.

— О, Джеральд, — пролепетала она.

Берта страдала молча, мечтая, чтобы он произнес заветные слова. Неужели он ее не хочет и раскаивается? Неужто его любовь уже ослабела? Почему он не скажет еще раз, что не может жить без нее? Берта попыталась заговорить, но не смогла.

— По местам! По местам! — разнеслось по платформе.

— Садитесь в вагон, сэр, — строго сказал кондуктор.

— Поезд отправляется!

— Прощай, — печально промолвил Джеральд, быстро поцеловал Берту в щеку и вскочил на подножку вагона.

— Поезд отправляется!

Кондуктор свистнул в свисток, махнул флажком, и поезд, пыхтя, медленно тронулся.

Глава XXXIII

Мисс Лей встревожилась, обнаружив утром отсутствие Берты. «Честное слово, провидение ведет себя просто возмутительно. Я всего лишь безобидная дама средних лет, никому не причиняю вреда, в чужие дела не лезу. Чем же я заслужила эти потрясения?» — недоумевала она.

Мисс Лей подозревала, что племянница поехала на вокзал, но поезд отходил в семь, а на часах было уже десять. Она вздрогнула: в голове мелькнуло, что Берта могла… сбежать, и тут же стайкой отвратительных чертенят пронеслись мысли обо всем, что ей придется вынести, если это действительно так: письмо Эдварду, его изумление и ужас, истерика сестры, ярость генерала Водри, ее суетливые попытки всех утешить… «Нет, Берта не пойдет на подобную глупость, — в отчаянии простонала мисс Лей. — Впрочем, если женщина может поставить себя в дурацкое положение, то непременно это сделает».

Мисс Лей испытала невероятное облегчение, когда хлопнула входная дверь и племянница поднялась по ступенькам к себе в комнату.

Берта долго стояла на платформе, неподвижно глядя перед собой. Она словно оцепенела. Возбуждение предшествующих часов сменилось полной опустошенностью. Джеральд ехал в Ливерпуль, а она осталась в Лондоне. Берта побрела с вокзала в сторону Челси. Улицы казались ей бесконечно длинными, но она утомленно тащилась дальше. Берта не знала дороги и плелась куда глаза глядят. В Гайд-парке она в изнурении присела отдохнуть, однако усталость тела заглушала сердечную боль. Через какое-то время она вновь пошла — ей даже в голову не пришло взять извозчика — и наконец добралась до Элиот-Мэншнз. Солнце уже стояло высоко, припекая макушку. Берта с трудом поднялась по лестнице и рухнула на кровать у себя в комнате, обливаясь горькими слезами. Рыдала она долго и безутешно. «Он такой же негодяй, как остальные!»

Мисс Лей послала узнать, спустится ли племянница к ленчу, но у Берты на самом деле страшно болела голова, и она не могла даже смотреть на еду. Весь день она провела в нечеловеческих муках. Берта то упрекала себя в том, что отказала Джеральду, когда тот просил позволения остаться, — сама же упустила свое счастье! — то вдруг, охваченная внезапным отвращением, твердила,

что Джеральд — мерзавец, и благодарила Бога за то, что спас ее душу. Проходили томительные часы. К ночи Берта едва нашла в себе силы раздеться и до самого утра не сомкнула глаз. С первой почтой пришло письмо от Крэддока, в котором он снова настойчиво просил жену вернуться в Корт-Лейз. Берта равнодушно прочла письмо и тяжело вздохнула: «Пожалуй, это благоразумнее всего».

Теперь ей был ненавистен Лондон и эта квартира. Комнаты, которые Джеральд озарял своим радостным присутствием, опустели. Возвращение в Корт-Лейз казалось единственным выходом, там по крайней мере Берту ждали покой и одиночество. Она почти с тоской вспомнила об унылом побережье, болотах и безотрадных морских водах. Она хотела лишь тишины и уединения. Если ехать, решила Берта, то немедленно: оставаться в Лондоне значило бы лишь растравлять себя.

Она встала, оделась и спустилась в гостиную к мисс Лей. Лицо ее было мертвенно-бледным, глаза опухли и покраснели от слез. Она не пыталась скрыть свое состояние.

— Тетя Полли, я сегодня же еду в Корт-Лейз. Так будет лучше.

— Эдвард очень обрадуется.

— Да, пожалуй.

Переборов сомнения, мисс Лей взглянула на племянницу и произнесла:

— Видишь ли, Берта, в этом мире очень трудно решить, как действовать. Люди стремятся отличить добро от зла, однако очень часто то и другое оказываются очень схожи. Я всегда считала счастливцами людей, способных жить по Десяти заповедям, не сомневаясь в себе и своих деяниях. У них две опоры: по правую руку — упование на вечную жизнь в раю, по левую — страх перед рогатым дьяволом с острыми когтями. Те же, кто на суровое «не посмей» вопрошают «почему?» обречены всю жизнь плыть по бурному океану, не видя путеводной звезды: разум и инстинкт говорят одно, а жесткие условности диктуют другое. Хуже всего то, что в конечном счете решающее слово остается за совестью, взращенной на тех же Десяти заповедях и страхе перед адским огнем. Стоит помнить об этом, хотя в определенной мере такой подход можно считать трусостью. Это как салат из омаров: съесть его — не преступление, однако, вероятнее всего, последствием станет несварение желудка. Для того чтобы пойти против общепринятых взглядов, нужно очень сильно верить в себя, а если уверенности недостает, лучше не рисковать и идти широкой

проторенной тропой вместе с остальным стадом. В этом нет ни радости, ни отваги, это скучно, зато в высшей степени безопасно.

Берта вздохнула, но промолчала.

— Скажи Джейн, чтобы уложила твои чемоданы, — произнесла мисс Лей. — Хочешь, я отправлю Эдварду телеграмму?

Когда племянница наконец уехала, мисс Лей погрузилась в раздумья. Ее, как всегда, мучили сомнения: правильно ли она поступила? Она сидела на вращающемся табурете перед фортепиано, пальцы перебирали клавиши. Слух вдруг различил начало хорошо знакомой мелодии, и она почти неосознанно стала наигрывать песенку герцога из «Риголетто». «Сердце красавицы склонно к измене, — гласили слова, — и перемене, как ветер мая…» Мисс Лей улыбнулась себе под нос: «Мало кого из женщин устраивает один супруг. Полагаю, единственное решение проблемы брака — узаконенное многомужество».

Сев в поезд на вокзале Виктория, Берта с облегчением вспомнила, что в этот день в Теркенбери проходит ежегодная ярмарка скота и что Эдвард вернется в Корт-Лейз только вечером; у нее будет возможность устроиться дома без лишнего шума и беспокойства. Всю дорогу Берта пребывала в

тягостных раздумьях, путешествие прошло незаметно, и вот уже она оказалась в Блэкстебле.

Она вышла в тамбур, рассчитывая, что муж пришлет экипаж, и, к своему удивлению, увидела на платформе Эдварда, который поспешно подбежал к ней и помог выйти из вагона.

— Наконец-то ты приехала! — воскликнул он.

— Я думала, ты будешь на ярмарке в Теркенбери.

— Я как раз отъезжал, когда принесли твою телеграмму, и, разумеется, все отменил.

— Извини, что задержала тебя.

— За что тут извиняться? Не мог же я отправиться на какую-то ярмарку, когда приезжает моя ненаглядная женушка!

Берта изумленно посмотрела на супруга. Честное, румяное лицо Эдварда сияло от удовольствия — он был искренне рад встрече.

— Ей-ей, здорово, что ты приехала! Мне жутко надоело быть соломенным вдовцом.

Они подъехали к подножию холма, и Крэддок пустил лошадь шагом.

— Оглянись, — вполголоса произнес он. — Видишь?

— Что?

— Погляди на шляпу Паркера.

Паркером звали лакея. Берта еще раз оглянулась и заметила кокарду.

— Ну, что скажешь? — Эдвард почти давился смехом. — Вчера меня избрали председателем муниципального совета, так что я теперь официально в должности мирового судьи. Как только узнал, что ты едешь, сразу раздобыл кокарду.

По прибытии в Корт-Лейз Крэддок заботливо помог Берте выйти из экипажа. Она немало удивилась, увидев накрытый к чаю стол, цветы в гостиной и все остальные приготовления, сделанные для того, чтобы она чувствовала себя комфортно.

— Устала? — спросил Эдвард. — Приляг на кушетку, я подам чай.

Он любезно прислуживал Берте, заставлял есть и оказывал всяческие знаки внимания.

— Черт возьми, как же я рад, что ты дома!

Его неподдельная радость тронула Берту.

— Если не очень устала, может, пройдемся по саду? Я хочу показать, что сделал для тебя. Сейчас там все в лучшем виде.

Крэддок накинул на плечи жены шаль, чтобы свежий вечерний воздух не навредил ей, и настоял на том, чтобы она держала его под руку.

— Вот, смотри: я высадил розовые кусты пе-

ред окном гостиной, чтобы ты могла видеть их, когда сидишь на своем любимом месте у окна и читаешь.

Эдвард подвел Берту к месту, с которого открывался красивый вид на море.

— А здесь между двумя деревьями я поставил скамейку. Будешь приходить сюда и любоваться видом.

— Очень мило, что ты так постарался. Посидим там прямо сейчас?

— Пожалуй, не стоит. Выпала роса, а я не хочу, чтобы ты простудилась.

К ужину Крэддок заказал любимые блюда Берты и радостно хохотал, видя, что угодил, а когда она легла отдохнуть на кушетку, подложил ей под спину и голову подушки — в общем, вел себя, как самый любящий супруг.

«Ах, Эдвард, — думала Берта, — будь ты хотя бы вполовину таким же заботливым три года назад, ты мог бы сохранить мою любовь». Ее мучил вопрос, то ли разлука пробудила в нем нежные чувства, то ли изменилась она сама. Неужели она ошибалась, считая мужа непрошибаемым как скала? Берта знала, что ее собственная натура изменчива и непостоянна, точно вода или летние ветра. Возможно ли, что Эдвард всегда был добр и

внимателен к ней, а она, требуя страсти, которой тот не пылал, попросту не замечала его глубокой привязанности? Теперь, когда Берте от него ничего не нужно, оказывается, что Эдвард способен дать очень многое! Однако жаль, если он действительно ее любит, ведь все, что Берта может предложить ему взамен, — это лишь холодное равнодушие. Осознав это, она сама удивилась своей черствости.

Вечером Берта пожелала Крэддоку спокойной ночи и поцеловала в щеку.

— Я велела постелить мне в гостевой спальне, — сообщила она.

— А-а, — протянул Эдвард и, взглянув на нее, добавил: — Не хочу ни к чему тебя принуждать.

В Блэкстебле все шло по-прежнему. Знакомые Берты были живы-здоровы; низкий уровень смертности в этом тихом местечке был предметом их гордости, и повышать его они не собирались.

Артур Брандертон женился на хорошенькой барышне с пушистыми волосами, воспитанной и, как полагается, ничего собой не представлявшей. Результатом этого события стало только то, что у его матери появилась новая тема для разговоров.

Берта вернулась к прежнему образу жизни и

уже сама с трудом верила, что когда-то уезжала из Корт-Лейз. Она твердо вознамерилась забыть Джеральда и была довольна, что воспоминания о нем не преследуют ее неотступно. Как подметил сентиментальный человек, со временем превратившийся в циника, женщина хранит вечную привязанность к своему первому любовнику, а затем испытывает страсть к самой любви, поэтому раны, нанесенные второй и последующими связями, затягиваются довольно быстро. Берта питала горячую благодарность к мисс Лей за своевременное возвращение тетушки в ту ночь, когда она осталась наедине с Джеральдом. Теперь Берта стыдилась того безумия, которое погнало ее на Юстонский вокзал и шептало ей на ухо самые страшные искусы. Она не простила Джеральду того, что едва не опозорила себя. Понимая, что он всего-навсего ветреный мальчишка, готовый волочиться за каждой юбкой, Берта с презрением повторяла себе, что никогда не любила его по-настоящему.

Через две недели мисс Лей переслала ей письмо, полученное из Америки. Увидев знакомый почерк, Берта побледнела. Прежние чувства нахлынули волной; она вспомнила изумрудные глаза Джеральда, его пухлые девичьи губы,

и голова вновь закружилась от любви. Берта взглянула на адрес и почтовую марку, а затем отложила письмо в сторону.

— Я же просила его не писать, — пробормотала она.

Ею овладела злость: почему один вид письма от этого юнца причиняет ей такую боль? В этот момент она почти ненавидела Джеральда и одновременно горячо желала поцеловать бумагу и каждое слово, написанное на ней. Однако сила охвативших Берту чувств заставила ее стиснуть зубы и устоять против соблазна.

— Не буду читать, — решительно произнесла она.

Ей хотелось доказать себе, что у нее есть сила воли и что по крайней мере этот экзамен она выдержит. Берта зажгла свечу и поднесла письмо к огню, но затем снова убрала. Таким образом дело решилось бы слишком легко, а она хотела растянуть проверку и сполна убедиться в стойкости своего духа. Испытывая странное удовольствие от того, что сама обрекает себя на пытку, Берта оставила письмо на каминной полке, на самом виду, так чтобы оно непременно бросалось в глаза при входе и выходе из комнаты. Желая наказать себя, она стремилась сделать искушение

как можно более сильным.

Берта смотрела на конверт, вызывающе лежавший на полке, целый месяц. Порой на нее накатывало нестерпимое желание прочесть письмо; она просыпалась среди ночи, думая о Джеральде и о том, что он хотел ей сказать. Ах, она так легко представляла себе эти строчки! Джеральд клянется в любви, вспоминает последний поцелуй, подаренный Бертой перед расставанием, и жалуется, как тяжело ему жить без нее. Она смотрела на письмо и стискивала кулаки, чтобы не схватить, не вскрыть конверт, не покрыть его поцелуями. Наконец она усмирила свое желание и уже могла смотреть на почерк без какого-либо волнения. Берта заглянула к себе в сердце и не нашла там и следа чувств. Испытание закончилось.

— Теперь можно, — сказала она вслух.

Она снова зажгла свечу и держала письмо над огнем, пока пламя не поглотило бумагу, а потом смахнула пепел в ладонь и выбросила его в распахнутое окно. Она почувствовала, что этим поступком подвела черту и Джеральд навсегда ушел из ее памяти.

И все-таки душа Берты не находила покоя. Поначалу жизнь казалась ей вполне сносной,

однако теперь из нее исчезли эмоции, прежде составлявшие основу существования, а рутина дней была неизменна. Недели складывались в месяцы, наступила зима, самая мрачная и тоскливая за все годы.

Наступило нестерпимо унылое время. Дни были серыми и холодными, тучи висели так низко, что до них, казалось, можно дотронуться рукой. Широкие поля, что прежде радовали глаз, сейчас лишь наводили тоску, и все сельские пейзажи отпечатывались в мозгу Берты с безжалостным повторением. День за днем, неделю за неделей она видела одно и то же. Она смертельно скучала.

Иногда Берта шла на побережье и смотрела на пустынное водное пространство. Ей хотелось странствовать, как странствовали ее взгляд и разум — на юг, за пасмурный горизонт, к лазурным небесам, прекрасным землям и солнечному свету. К счастью, она не знала, что смотрит почти точно на север и что если бы двинулась в желаемом направлении, то оказалась бы не в жарких южных краях, а на Северном полюсе.

Берта бродила вдоль берега, усыпанного бесчисленными ракушками, и, словно ей было мало нынешних переживаний, изводила себя

мыслями о будущем. Воображение рисовало еще большие терзания и ужасающе мрачное однообразие дней. Когда она представляла эти картины, в висках начинала пульсировать боль. Берта возвращалась домой, с отвращением думая о том, что предстоит провести еще один нудный вечер.

Берту снедало беспокойство. Она возбужденно ходила по комнате, словно металась в настоящей лихорадке. Садилась за фортепиано и прекращала играть после первых же тактов — музыка утратила смысл, как и все остальное. Берта пробовала то одно, то другое. Пыталась читать, но с трудом заставляла себя взяться за новую книгу; вид печатных страниц был ей неприятен. Исторические и научные книги повествовали о скучных материях, в романах описывались события и люди, до которых ей не было ни малейшего дела. Берта пробегала глазами несколько страниц и с омерзением захлопывала книгу, а затем снова выходила из дому — любое занятие казалось более интересным, чем то, которое она только что бросила. Она быстрым шагом удалялась от дома, однако ходьба, пейзажи, вся атмосфера в целом дико утомляли ее, и почти сразу же она поворачивала обратно.

Берта заставляла себя кружить одними и теми

же маршрутами изо дня в день. Безлюдные дороги, деревья, изгороди, поля настолько въелись в ее измученный разум, что она стала ходить на эти прогулки только ради моциона, просто чтобы покрыть определенное расстояние. Зимние ветра, особенно свирепствовавшие в тот год, замедляли ее шаг, мороз пробирал до костей.

Иногда Берта отправлялась в гости, и тогда ей приходилось брать себя в руки. На короткое время это приносило облегчение, но едва выйдя за дверь, она вновь ощущала безысходную тоску.

Внезапно соскучившись по людскому обществу, она рассылала приглашения на званый вечер, но по мере приближения к назначенному дню ее все больше раздражала необходимость утомительных приготовлений, и она с трудом дожидалась, когда ненавистные гости разойдутся. Долгое время Берта вообще отказывалась кого-либо принимать, ссылаясь на слабое здоровье, а в одиночестве ей порой казалось, что она сходит с ума. Она пробовала прибегнуть к молитвам как к последнему средству, но вера ее не была искренней, поэтому утешения в Боге Берта не нашла. Она сопровождала мисс Гловер в благотворительных обходах, однако терпеть не могла бедняков и их глупую болтовню.

Мучаясь головными болями, Берта сжимала виски; ей хотелось целыми клочьями рвать собственные волосы. Она бросалась на кровать и рыдала в приступах черной тоски. Как-то раз Эдвард застал ее в этом состоянии и спросил, что случилось.

— У меня так болит голова, что я готова убить себя.

Крэддок послал за доктором Рамзи, хотя Берта знала, что врачебные снадобья ей не помогут. Она утвердилась в мысли, что против ее болезни бессильны все лекарства — абсолютно все, и даже время, — за исключением смерти. Просыпаясь по утрам, она с ужасом думала о том, что нужно провести еще один день, и с нетерпением ждала ночи, надеясь, что та подарит ей несколько часов забвения. Рассудок грызла мысль о кошмарной монотонности ее будущей жизни: день за днем, месяц за месяцем, год за годом — и все это будет тянуться невыносимо медленно.

Говорят, что жизнь коротка: для тех, кто оглядывается назад, — возможно, так и есть, но для тех, кто смотрит вперед, она страшно длинна, почти бесконечна. Иногда Берта думала, что не выдержит. Она молила небо о том, чтобы заснуть и больше уже не проснуться.

Как счастливы, должно быть, те, кто надеется жить вечно! Берте же мысль о жизни без конца представлялась чудовищной. Она мечтала лишь о том, чтобы уснуть навсегда и обрести покой, раствориться в бездонной пустоте.

Однажды в приступе тоски она даже хотела покончить с собой, но испугалась. Говорят, что для самоубийства не нужно много смелости. Глупцы! Те, кто это утверждает, не способны осознать весь ужас необходимых приготовлений, ожидание боли, мучительный страх перед последним мгновением, когда ты, возможно, передумал, но уже слишком поздно и жизнь по капле оставляет тебя… Кроме того, существует извечный ужас человека перед неизвестностью и столь же древняя боязнь геенны огненной. И одно, и другое нелепо и отвратительно, однако настолько прочно укоренилось в людском сознании, что не поддается разрушению. Разум бессилен побороть страх перед всевидящим Богом, который ниспошлет грешнику суровую кару и обречет на вечные муки.

Глава XXXIV

И все же, если человеческая душа, сердце, дух — называйте, как угодно, — это инструмент, на котором можно исполнять бесчисленные мелодии, то ни одна из этих мелодий не вызывает в нем отклик надолго. Время притупляет даже сильные чувства и смягчает самое неизбывное горе. Рассказывали об одном философе, который пытался утешить некую женщину, приводя в пример других людей, с которыми случились подобные несчастья, а когда он сам потерял единственного сына, та женщина прислала ему список королей, также утративших своих наследников. Философ прочел список, убедился в его правдивости, но скорбеть не перестал. Через три месяца они встретились и, к взаимному удивлению, нашли друг друга совершенно утешившимися. Эти двое воздвигли прекрасный памятник Времени, и на памятнике была надпись: *A celui qui console*[42].

Когда Берта уверяла себя, что жизнь утратила краски и отныне ее ждет лишь черная тоска, она, по обыкновению, преувеличивала и почти

---

[42] Примечания: 42
Тому, кто утешает *(фр.)*.

разозлилась, обнаружив, что существование может быть гораздо более сносным, нежели она предполагала.

Человек привыкает ко всему. Только самые отъявленные мизантропы делают вид, что не могут смириться с глупостью себе подобных. Через определенное время свыкаешься с самым скучным человеком или занятием, и даже однообразие перестает быть однообразным.

Приспособившись к обстоятельствам, Берта пришла к выводу, что жизнь не так уж монотонна и что теперь это — широкая река, которая в отсутствие водоворотов, стремнин, воронок и подводных камней течет гораздо плавнее и спокойнее. Того, кто способен обманываться, ждет будущее, не лишенное радости.

Лето привнесло некоторое оживление, Берта начала находить развлечение в занятиях, которыми раньше никогда не увлекалась. Она отправлялась в скрытые от чужих глаз уголки проверить, распустились ли ее любимые полевые цветы: любовь к свободе нашла выражение в том, что Берта предпочитала пышным садовым розам дикий шиповник, чопорной герани и кальцеоляриям — незатейливые маргаритки и лютики. Время не стояло на месте, и она с изумлением

обнаружила, что незаметно пролетел целый год.

Она вновь обрела вкус к чтению и проводила долгие часы с книгой на своем любимом месте — на кушетке у окна. Берта выбирала книги без какого-либо плана, поскольку делала это по собственному желанию, а не по необходимости. Она находила удовольствие, чередуя разных по стилю авторов, получая разные ощущения от серьезности одного писателя и фривольности другого. Берта читала все подряд — от современных романов до «Неистового Роланда», от «Эвфуэса» Джона Лили (чрезвычайно увлекательного и причудливого произведения) до нежной, меланхолической лирики Верлена. Огромное количество еще не прочитанных книг не смущало Берту, ведь впереди у нее лежала вся жизнь, и она храбро бралась за восьмитомную «Историю упадка и разрушения Римской империи», за толстые тома Сен-Симона и столь же решительно откладывала их, прочитав первые сто страниц.

Берта считала реальность вполне сносной, когда та служила не более чем декорацией, фоном для дивных событий, что разворачивались в старинных книгах. Она смотрела на деревья, и птичьи трели стройно вплетались в ее собственные мысли, занятые Рыцарем печального

образа из Ламанчи, несчастной Манон Леско или развеселой компанией со страниц «Декамерона».

Полученные знания лишь разжигали любопытство, и Берта оставляла проторенные дороги литературы ради узких горных стежек какого-нибудь неизвестного рифмоплета или тайных верховых троп испанского разбойника. Она находила неизъяснимое удовольствие в полузабытых шедеврах прошлого, в стихах не слишком удачливых поэтов, которых мода оттеснила в сторону, в творчестве драматургов, романистов и эссеистов, память о которых хранят лишь книжные черви. Приятно бывает иногда отвернуть взор от яркого блеска совершенных творений: на их фоне произведения писателей, взывавших не к потомкам, но к современникам, приобретают своеобразную прелесть. Когда великолепие не бьет в глаза, четче проступают особенности стиля, острее чувствуется дух времени. У этих книг немало достоинств, какие не всегда найдешь в более сильных произведениях, и есть даже некоторая грусть в том, что им не всегда сопутствовал успех.

В музыке Берта также пристрастилась к полуизвестному и полузабытому. Гостиной эпохи Георгов с ее старинными картинами, чиппен-

дейловской мебелью, обитой ситцем, прекрасно подходили простые мелодии Куперена и Рамо, рондо, гавоты и сонатины в пудреных париках и с мушками, что восхищали пышно разодетых дам и господ из прошлого столетия.

Вдали от настоящего, в своем искусственном раю Берта была счастлива. Безразличие ко всему остальному миру оказалось надежной броней: жить без любви и ненависти, надежды или отчаяния, без честолюбивых стремлений, желаний, обжигающих страстей и перемен было легко и просто. Так цветут цветы: слепо, беспечно бутон пробивает жесткую оболочку и раскрывается навстречу солнцу, щедро дарит свой аромат ветрам, а потом умирает, и вокруг нет никого, кто видел бы его красоту.

Берта уже могла оглядываться на прошлое с легким недоумением: ее безумная любовь к глуповатому Эдварду теперь казалась ей мелодраматичной, контраст между пылкими надеждами и прозаичной реальностью даже вызывал улыбку. Джеральд остался лишь милым сентиментальным воспоминанием. Берта не желала его больше видеть, однако часто думала о юноше, идеализируя его до тех пор, пока он не превратился в очередного героя одной из ее любимых книг.

Зима, проведенная в Италии, также сплела узор из самых восхитительных впечатлений, поэтому Берта решила не повторять путешествия, дабы не испортить волшебства. Молодая женщина далеко продвинулась в науке жизни, когда осознала, что удовольствие чаще бывает нежданным, что счастье — это дух, который осеняет внезапно и крайне редко приходит по заказу.

Эдвард с головой окунулся в бурную деятельность, так что его день был расписан практически по минутам. Он значительно улучшил благосостояние семейства Лей и, как всякий собственник средней руки, полагал, что, если хочешь получить хороший результат, дело нужно делать самому, а потому держал фермы под своим непосредственным контролем. Помимо этого, Крэддок играл важную роль во всех местных обществах и органах власти: его фамилия значилась в школьном и попечительском советах, он был членом окружного совета, председателем муниципального совета, президентом крикетного и футбольного клубов, патроном Блэкстеблской лодочной регаты, членом организационного комитета выставки собак в Теркенбери и большим энтузиастом сельскохозяйственной выставки, собиравшей представителей центральных обла-

стей графства. Эдвард Крэддок являлся столпом местного отделения партии консерваторов, мировым судьей и церковным старостой. Наконец, он был рьяным франкмасоном и летал по всему Кенту, посещая собрания полдюжины лож, в которых состоял. Однако труд его не пугал.

— Да благословит вас Господь, — говаривал он. — Я люблю трудиться. Для меня не бывает много работы. Если нужно что-то сделать, приходите ко мне, я сделаю это и поблагодарю вас за то, что дали мне такую возможность.

Эдвард всегда отличался хорошим нравом, а теперь его натуру поистине можно было назвать ангельской. Добродетельность Крэддока вошла в поговорку. Его успех в полной мере соответствовал заслугам, и заручиться поддержкой Эдварда в каком-либо вопросе означало гарантировать его удачный исход. Он всегда был бодр, жизнерадостен и общителен, доволен собой и окружающим миром — образцовый сквайр, землевладелец, фермер, консерватор, человек, патриот. Крэддок занимался любым делом с величайшей тщательностью и, обладая неистощимым запасом энергии, всегда прикладывал вдвое больше усилий, нежели требовалось. Он был занят с раннего утра до поздней ночи (как правило, без особой на

то необходимости) и упивался этим.

— Мое спокойное отношение к достоинствам Эдварда доказывает, что я прекрасная женщина, — сказала Берта мисс Гловер.

— Дорогая, вам следует гордиться мужем, он замечательный пример всему графству. На вашем месте я была бы счастлива и неустанно благодарила бы Господа.

— Мне хватает, за что его благодарить, — пробормотала Берта.

Поскольку Эдвард позволил жене идти своей дорогой, а та с удовольствием предоставила ему идти своей, поводов для разногласий не возникало, и Крэддок здраво рассудил, что полностью укротил супругу. А ведь он не ошибался, снисходительно думал Эдвард, когда сравнивал женщин с наседками — живностью, которой для счастья нужен лишь хороший уход да прочная загородка, за которой они могут рыться в земле сколько угодно. Все, что требуется, — вовремя кормить, и пусть себе кудахчут! Всегда приятно, когда опыт подтверждает предположение, сделанное еще в юности.

Как-то раз, случайно вспомнив о годовщине свадьбы, Эдвард подарил жене браслет. Довольный, в благодушном настроении после сытного

обеда, он похлопал Берту по руке и сказал:

— А время-то летит!

— Говорят, это так, — улыбнулась она.

— Просто не верится, что мы женаты уже столько лет. По мне, так прошло всего полтора года. Мы с тобой отлично ладим, верно?

— Мой милый Эдвард, ты образцовый муж. Меня это даже иногда смущает.

— Ха, здорово сказано! Надо признать, я действительно делаю все, что полагается хорошему супругу. Конечно, поначалу у нас бывали небольшие размолвки, люди не сразу привыкают друг к другу, и глупо ожидать, что все пойдет гладко с первого дня, но уже не один год — точней, с самого твоего возвращения из Италии, — мы счастливы, как голубки, правда?

— Да, дорогой.

— Честное слово, вспоминаю наши ссоры и не могу понять, из-за чего они случались?

— Я тоже, — подтвердила Берта, ничуть не солгав.

— Наверное, все дело было в погоде.

— Согласна.

— Что ж, все хорошо, что хорошо кончается.

— Эдвард, дорогой, ты прямо философ.

— Насчет философа не знаю, но вот политик

— это точно. Кстати, я еще не читал сегодняшнюю газету, там пишут про новые военные корабли. Я уже давно говорил, нужно больше кораблей и больше пушек. Рад, что правительство наконец прислушалось к моему совету.

— Я горжусь тобой, милый. Это побудит тебя не прекращать усилий. Кроме того, приятно сознавать, что кабинет министров читает твои речи, опубликованные в «Блэкстебл таймс».

— Уверен, для страны было бы куда больше пользы, если бы власти внимательней прислушивались к мнению из глубинки. Именно такие люди, как я, по-настоящему знают чаяния народа. Не принесешь мне газету? Она лежит в столовой.

Эдварду казалось вполне естественным, что жена должна ему прислуживать: это ведь ее долг! Берта передала ему «Стандард», он погрузился в чтение и вскоре начал зевать.

— Ох, вздремнуть бы, — пробормотал Крэддок.

Немного спустя глаза его сами собой закрылись, газета выскользнула из пальцев, он растянулся в кресле, вытянув ноги и покойно сложив руки на животе. Голова свесилась набок, рот открылся, Эдвард захрапел. Берта невозмутимо читала. Через некоторое время он вздрогнул и проснулся.

— Ах ты, Господи, я, кажись, заснул! — вос-

кликнул он. — Черт, совсем замотался. Пойду-ка лучше спать. Ты еще не ложишься?

— Пока нет.

— Будь умницей, не засиживайся слишком долго, это вредно для здоровья. А когда будешь уходить, погаси все лампы.

Крэддок чмокнул жену в подставленную щеку, подавив зевок, и заковылял наверх.

— У Эдварда есть одно несомненное достоинство, — пробормотала Берта, — его не упрекнешь в чрезмерной любви к супруге.

Manage a la Mode[43].

Свои одинокие прогулки Берта всегда совершала к морю. Побережье между Блэкстеблом и устьем Темзы представляло собой необитаемую, дикую местность. На значительном расстоянии друг от друга стояли длинные низкие здания береговой охраны, и аккуратные дорожки, посыпанные гравием, а также строгие ограды смотрелись здесь неожиданно, отчего окрестности выглядели еще более заброшенными и неприютными. На многие мили все словно вымерло, а низкая суша, выступавшая из моря, была сырой и болотистой. Прибрежную полосу покрывали

---

[43] Примечания: 43
Модный брак *(фр.).*

бесчисленные ракушки, хрустевшие под ногами; там и сям виднелись груды водорослей, куски пла́вника, обрывки канатов и тросов, и всякая всячина, ежедневно приносимая к берегу приливами. В одном месте из воды торчали останки разбитого судна. Его деревянные ребра, особенно заметно обнажавшиеся во время отлива, напоминали скелет огромного морского чудища. Вокруг расстилалась серая гладь моря, и на ней — ни корабля, ни рыбацкой лодки. Зимой создавалось впечатление, будто на берег и пустынную водную поверхность зыбкой таинственной пеленой опустился дух одиночества.

В этой унылой меланхолии Берта находила странную прелесть. Небо закрывали низкие тучи, ветер свистел, завывал и стонал, в неспокойном, мутно-желтом море поднимались волны — они сердито нахлестывали друг на друга и с ворчанием разбивались о берег. Это была бесплодная и безжалостная водная пустыня, зрелище, наводившее ужас. Гневная мощь раз за разом рвалась вперед, обрушиваясь на берег и ревя от боли, когда цепи, что сковывали ее, тянули назад, и после каждого отчаянного рывка эта сила со стоном отползала, чтобы затем все повторилось вновь. Чайки безутешно кружили над водой, падая вниз

и опять взмывая вместе с ветром.

Берта любила зимний покой, когда водяной туман и дымка облаков сливаются в одно целое, когда серое море безмолвно и сурово, и над ним реет одинокая чайка, оглашая воздух траурными криками. Она любила и летнюю тишь, когда в безбрежном небе нет ни облачка. В такие дни Берта лежала у самой кромки воды, наслаждаясь одиночеством и внутренней умиротворенностью. Море было гладким, будто озеро, без малейшей ряби, и в нем, как в зеркале, отражалось все великолепие неба, а когда на западе садилось солнце, оно превращалось в океан расплавленной меди, сияющей так, что слепило глаза. На воде дремала стая чаек — сотни безмолвных, неподвижных птиц; время от времени одна из них тяжело взлетала, делала короткий круг, затем снова опускалась на воду, и все стихало.

Морская прохлада была невероятно манящей, и однажды Берта не устояла. Робко, но проворно скинув с себя одежду и оглядевшись по сторонам, она вошла в воду, где слабые волны принялись лизать ей ноги. Она поежилась, а потом раскинула руки и, подняв тучу брызг, не то побежала, не то нырнула, сливаясь со стихией. Ощутив легкость собственного тела, не стянутого купальным

костюмом, Берта пережила головокружительный восторг. Для нее это оказалось новым, неизведанным удовольствием. Берта наслаждалась восхитительным чувством свободы: соленая вода бодрила, придавала свежие силы. Погрузившись под воду, она с коротким радостным возгласом вынырнула на поверхность, мотая головой. От этого движения ее волосы волнистыми змейками рассыпались по воде.

Она бесстрашно поплыла вперед. Глубина спокойного летнего моря дарила радостное ощущение силы. Берта перевернулась на спину и просто держалась на поверхности, стараясь смотреть прямо на солнце. Море блестело и переливалось, небо слепило синевой. Она поплыла назад, а потом опять легла на спину, и волны вынесли ее почти к самому берегу. Ей нравилось покачиваться на поверхности, погрузив затылок и уши в воду, и слушать шорох гальки, перешептывающейся с ласковой волной. Она снова встряхнула головой, и распущенные волосы обволокли, окружили ее, точно ореол.

Берта наслаждалась своей молодостью — молодостью? Она чувствовала себя ничуть не старше, чем в восемнадцать лет, хотя ей было тридцать. Неприятная мысль заставила ее поморщиться:

Берта никогда не замечала пролетающие годы, не задумывалась, что юность не вечна. Неужели люди уже считают ее старой? Берту пронзил тошнотворный страх: а вдруг она похожа на мисс Хэнкок, которая при помощи напускного легкомыслия и игривости старается выдать себя за юную барышню? Возможно, Берта тоже выглядит нелепо, плескаясь в воде, точно девчонка? Глупо изображать русалочку, когда возле глаз и губ собрались морщины. Охваченная паникой, Берта бросилась домой и первым делом подбежала к зеркалу. Она с невероятной тщательностью изучила лицо и шею, в каждой черточке выискивая тревожные признаки, но ничего не нашла: кожа была по-прежнему гладкой, зубы — безупречными. Берта облегченно вздохнула:

— Я ничуть не изменилась.

В голову ей пришла сумасшедшая идея: дабы окончательно убедиться в собственной привлекательности и увидеть себя во всей красе, Берта решила одеться, как на бал. Она облачилась в самое красивое платье и достала из шкатулки драгоценности. Разорившиеся предки Берты Лей распродали все до последней булавки, так что от былой роскоши не осталось и следа, однако из поколения в поколение упрямо не желали

расстаться с фамильными брильянтами, и дорогие украшения в старинной оправе долгие годы пылились в шкафу.

Влага, блестевшая в волосах Берты, послужила оправданием капризу: голову увенчала брильянтовая тиара, которую ее бабка носила в период Регентства. Плечи Берты украсили две изящные броши, обрамленные золотом, — их стащил из испанской церкви двоюродный дед, участник войны на Пиренейском полуострове. На шею она надела нитку жемчуга, на руки — браслеты, к лифу прикрепила в ряд сверкающие брильянтовые звездочки. Зная, что у нее красивые руки, Берта с презрением относилась к кольцам, однако на этот раз унизала пальцы перстнями.

Наконец она снова встала перед зеркалом и радостно рассмеялась. Она еще не стара!

Когда Берта вплыла в гостиную, Эдвард едва не подпрыгнул от удивления.

— Боже святый! — воскликнул он. — Что за повод? У нас званый вечер?

— Дорогой, я бы не стала так одеваться, если бы устраивала прием.

— Ты как будто ждешь в гости принца Уэльского, а я в обычных бриджах. Сегодня, случайно, не годовщина нашей свадьбы?

— Нет.

— Тогда почему ты нарядилась? — все еще недоумевал Крэддок.

— Подумала, что тебе это доставит удовольствие, — улыбнулась Берта.

— Если бы ты меня предупредила, я бы тоже приоделся. К нам точно никто не придет?

— Точно.

— Ладно, пойду сменю костюм, а то буду выглядеть по-дурацки, если кто-нибудь все же заглянет в гости.

— Не волнуйся, если кто-нибудь придет, я мигом переоденусь.

Супруги сели за стол. Эдвард чувствовал себя очень неловко и постоянно прислушивался, не зазвенит ли дверной колокольчик. После супа горничная подала остатки холодной баранины и немного картофельного пюре. Берта озадаченно посмотрела на блюда, а затем откинулась на спинку стула и громко расхохоталась.

— О Боже, теперь-то что?

Эдвард удивленно посмотрел на жену. Как известно, крайне досадно бывает видеть, как люди покатываются со смеху непонятно из-за чего. Держась за бока, Берта попыталась объяснить, в чем дело.

— Я только что вспомнила, что отпустила прислугу на весь вечер. Сегодня в Блэкстебле цирковое представление. Я сказала, мы доедим то, что есть.

— А что в этом смешного?

Действительно, ничего смешного не было, однако Берту продолжали сотрясать приступы хохота.

— По-моему, там еще маринованные огурцы остались, — вспомнил Эдвард.

Берта подавила охватившее ее веселье и принялась за еду.

— В этом вся моя жизнь, — пробормотала она себе под нос. — Есть холодное мясо с картошкой в бальном платье и при всех брильянтах.

Глава XXXV

Той зимой с Эдвардом произошел несчастный случай. Уже много лет он объезжал норовистых лошадей, и если только слышал о свирепом животном, то непременно ставил целью укротить его. Он знал, что прекрасно держится в седле, и намеренно предпочитал самых трудных коней, поскольку любил и покрасоваться своим мастерством, и поднять на смех других, не столь искусных всадников. Крэддоку льстило, когда люди указывали на него пальцем и говорили: «Превосходный наездник!», а если он видел кого-либо верхом на брыкливой или непослушной лошади, то не упускал случая отпустить свою любимую шутку: «Эй, приятель, ты, видно, не ладишь со своей лошадкой, попробуй-ка мою!» И, задав своему жеребцу шпор, заставлял его гарцевать. Он был безжалостен к трусоватым коням, которые стремились выбрать препятствие пониже или пытались проехать в ворота, вместо того чтобы перескочить через них. Если же высказывалось мнение, что прыжок опасен, Эдвард с легкостью выполнял его, а затем со смехом

кричал: «На вашем месте я бы не рисковал, еще, не дай Бог, свалитесь!»

Недавним его приобретением был чалый жеребец. Крэддок купил его совсем задешево, так как лошадь неуверенно преодолевала препятствия и в прыжке подгибала переднюю ногу. Эдвард сразу же взялся объезжать жеребца. Первые две изгороди и канаву лошадь перепрыгнула безукоризненно, и он решил, что ему опять почти задаром досталось превосходное животное, смирное, как ягненок, которому всего-навсего требуется опытный наездник. Тем временем впереди показалась изгородь из штакетника.

— Ну, красавчик, покажи, что ты умеешь!

Эдвард пустил жеребца легким галопом и дал шенкеля, но тот не прыгнул, а резко шарахнулся вбок и потрусил обратно.

— Нет, так не пойдет, — пробормотал Эдвард, разворачивая коня.

Он снова дал шенкеля, жеребец пошел галопом и опять отказался прыгать. На этот раз Эдвард рассердился. Артур Брандертон, проезжавший мимо, порадовался возможности свести старые счеты и громко расхохотался.

— Может, лучше пешком обойдешь? — крикнул он, проскакав мимо Эдварда. Лошадь Брандерто-

на легко взяла препятствие.

— Либо этот жеребец прыгнет через изгородь, либо я сломаю себе шею, — ответил Крэддок и стиснул зубы.

Однако не случилось ни того ни другого. Он в третий раз направил чалого к препятствию, ударив по голове кнутовищем. Жеребец прыгнул, однако, по привычке подогнув переднюю ногу, тяжело рухнул. При падении Эдвард сильно ударился и на какое-то время потерял сознание. Очнулся он от того, что кто-то лил ему за шиворот бренди.

— Что с жеребцом? — спросил он, не думая о себе.

— Все в порядке. А вы как себя чувствуете?

К ним подъехал молодой доктор, случайно оказавшийся поблизости.

— Что произошло? Кто-нибудь ранен?

— Нет, — хмуро ответил Эдвард и попытался встать, злой на себя за то, что предоставляет повод для насмешек. — Можно подумать, никогда не видали, как человек падает с лошади. Среди вас каждому пришлось поваляться, уж я-то помню.

Он подошел к жеребцу и поставил ногу в стремя.

— Идите-ка лучше домой, Крэддок, — высказал

свое мнение врач. — Вам нужно отлежаться.

— Черта с два, домой! — Эдвард попробовал сесть в седло, но ему помешала боль в груди. — Проклятие, кажется, я что-то сломал.

Доктор подошел к нему и помог снять куртку, а затем согнул руку Эдварда.

— Здесь больно?

— Немного.

— У вас сломана ключица, — после короткого осмотра заключил врач. — Требуется фиксирующая повязка, дружище.

— Я уж и правда подумал, что переломал кости. Через сколько заживет?

— Не переживайте, самое большее — через три недели.

— Я не переживаю, только, видимо, на месяц придется отказаться от охоты.

Эдвард заехал к доктору Рамзи и после перевязки вернулся в Корт-Лейз. Берта удивилась, увидев, что муж приехал в коляске. К нему уже вернулось обычное благодушие, и он со смехом рассказал ей об инциденте.

— Ничего страшного, разве что обвязали меня, будто мумию. Даже не знаю, как теперь принимать ванну.

На следующий день его навестил Артур Бран-

дертон.

— Ну что, приятель, переупрямил тебя жеребчик?

— Вот еще! Через месяц я буду в порядке и покажу чалому, кто из нас главнее.

— Мой тебе совет, не садись больше на него. Этот финт с подгибанием ноги может стоить тебе жизни.

— Чепуха! — фыркнул Эдвард. — Еще не родилась та лошадь, которую я не сумел бы объездить.

— Послушай, Крэддок, вес у тебя немалый, а кости не такие крепкие, как пятнадцать лет назад. В следующий раз падение может закончиться плохо.

— Вздор! Не записывай меня в старики. Я никогда не боялся лошадей, не собираюсь бояться и впредь.

Брандертон пожал плечами и ничего не сказал, но позже наедине переговорил с Бертой.

— Берта, на вашем месте я бы уговорил Эдварда избавиться от этого жеребца. Это животное опасно. Если конь опять начнет выкидывать свои штуки, вашего мужа не спасет никакой опыт.

Берта глубоко верила в то, что Крэддок мастерски владеет искусством верховой езды. Пусть

даже что-то ему не под силу, все равно он один из лучших наездников во всей Англии. Тем не менее она решила поговорить с мужем.

— Да что за глупости! — возмутился он. — Значит, так: в будущем месяце, одиннадцатого числа, мы едем охотиться в те же места, на поля Колтера. Я сяду на чалого, и, клянусь, он возьмет эту чертову изгородь!

— Ты ведешь себя безрассудно.

— Ничего подобного. Я всегда знаю, на что способна лошадь. Этот жеребец может прыгать, если захочет, и, клянусь Богом, я заставлю его это сделать. Если сейчас оробею, мне уже не быть хорошим наездником. Когда тебе уже почти сорок и ты вылетаешь из седла, нужно обязательно повторить попытку, иначе лишишься самообладания, и тогда уж все. Сколько раз сам был тому свидетелем.

Позже, когда Эдварду разрешили снять повязку и он полностью поправился, мисс Гловер умоляла Берту употребить все свое влияние на мужа.

— Берта, я слыхала, это очень опасное животное. Эдвард поступит крайне неблагоразумно, если опять сядет на него.

— Я много раз упрашивала продать жеребца, но Эдвард только смеется, — ответила Берта. —

Он страшно упрям, и я ничего не могу с ним поделать.

— Вам не страшно?

Берта рассмеялась.

— Вообще-то нет. Он всегда любил укрощать самых дурноезжих лошадей, и до сих пор все обходилось. Когда мы только поженились, я умирала от страха, провожая Эдварда на охоту, и всякий раз ждала, что обратно привезут его труп. Однако все было хорошо, и постепенно я успокоилась.

— Нет, мне этого не понять.

— Дорогая, нельзя же трястись от ужаса десять лет подряд. Люди, живущие на вулкане, со временем забывают о нем. Если у вас нету стульев, вы привыкнете сидеть даже на пороховой бочке.

— Никогда! — с жаром воскликнула мисс Гловер, живо представив себя в означенном положении.

Сестра священника ничуть не изменилась. Время как будто не имело над ней власти: на вид ей по-прежнему можно было дать и двадцать пять, и сорок лет; волосы оставались такими же блеклыми, фигура, туго затянутая в броню из жесткой черной ткани, — так же стройна и подтянута, а в голове не возникло ни одной новой мысли. Старая дева напоминала королеву из сказки об

Алисе, которая со всех ног бежала для того, чтобы остаться на месте, только с мисс Гловер все обстояло наоборот: с приближением конца столетия мир вокруг нее двигался все быстрее и быстрее, а она словно застыла в одной поре, олицетворяя собой восьмидесятые годы девятнадцатого века.

Наступило десятое число. Охотники уговорились встретиться в «Плуге и бороне», как и в тот раз, когда Крэддок упал с лошади. Дабы уверить жену в том, что он совершенно здоров, Эдвард послал за доктором Рамзи и по окончании медицинского осмотра привел его в гостиную.

— Доктор Рамзи говорит, что моя ключица в полном порядке.

— И все же я считаю, что ему не следует садиться на чалого, — покачал головой доктор. — Берта, неужели вы не можете переубедить свою половину?

Берта, спокойно улыбаясь, перевела взгляд на мужа.

— Я сделала все, что могла.

— Моя жена не станет волноваться по пустякам, — заявил Крэддок. — Возможно, на ее взгляд, я не слишком хорош как церковный староста, но во всем, что касается лошадей, она в меня верит, не правда ли, солнышко?

— Да, дорогой.

— Видите, — расплылся в довольной улыбке Крэддок. — Вот что называется быть примерной супругой.

На следующий день жеребца вывели из стойла. Берта наполнила фляжку Эдварда отборным виски.

— Похорони меня достойно, если я вдруг сверну шею, ладно? — со смехом проговорил он. — И закажи красивую надгробную плиту.

— Милый, уверена, это не понадобится. Ты примешь мирную кончину в собственной постели в возрасте ста двух лет, окруженный толпой рыдающих наследников. Уж такой ты человек.

— Интересно, откуда возьмутся наследники?

— Меня не оставляет предчувствие, что мое место займет Фанни Гловер. Судьба, знаешь ли. Я давно знаю, что в конце концов ты женишься на ней. С моей стороны ужасно невежливо заставлять вас обоих томиться ожиданием, особенно учитывая, как она, бедняжка, по тебе сохнет.

Эдвард расхохотался.

— До свидания, женушка!

— До свидания. Передавай привет Артуру.

Оседлав жеребца и щелкнув кнутом, Крэддок на прощание помахал рукой Берте, стоявшей

у окна.

Зимний день угасал. Берта, увлеченная книгой, вздрогнула, услышав, как пробили часы. Странно, почему Эдварда еще нет? Она приказала зажечь лампы и подавать чай, а сама задернула гардины. Несомненно, он скоро вернется.

— Уж не свалился ли опять с лошади? — улыбаясь, вслух произнесла Берта. — Он слишком растолстел, пора ему заканчивать с охотой.

Она решила не дожидаться мужа — налила себе чашку чая, подвинула тарелку с булочками и удобно устроилась с книгой. Неожиданно за окном раздался стук колес: подъехал экипаж. Кто бы это мог быть?

— Что за докучливые люди! Являются с визитом в такое время.

Внизу звякнул колокольчик. Берта отложила роман и приготовилась принять гостей, однако никто не входил. Снаружи донесся приглушенный шум. Неужели с Эдвардом и впрямь что-то случилось? Берта вскочила с кушетки и сделала несколько шагов. Из коридора донесся незнакомый голос:

— Куда нести тело?

Тело. Тело — значит, труп? Берта похолодела и схватилась за ручку кресла, чтобы не упасть,

если ей вдруг сделается дурно. Артур Брандертон медленно открыл дверь, вошел и осторожно затворил ее за собой.

— Я очень сожалею… С Эдвардом случилось несчастье.

Белая как мел Берта смотрела на него, но ничего не говорила.

— Соберитесь с духом, Берта. Боюсь, ваш муж очень плох. Вам лучше присесть… — Артур замялся.

— Если он мертв, почему вы прямо об этом не скажете? — с внезапной злостью выпалила она.

— Примите мои соболезнования. Мы сделали все возможное. Эдвард упал на том же месте, что и в прошлый раз. Должно быть, он растерялся. Я был рядом и видел, как он на всем скаку ринулся на изгородь и вдруг осадил жеребца, когда тот был уже в прыжке. Они оба рухнули.

— Он умер?

— Смерть, по-видимому, наступила мгновенно.

Нет, Берта не лишилась чувств. Ее только немного напугала ясность, с которой она восприняла слова Артура Брандертона. Казалось, она вообще ничего не ощущает. Молодой джентльмен смотрел на нее, словно ожидая, что она разрыдается или потеряет сознание.

— Если хотите, я пришлю к вам свою жену.

— Спасибо, не нужно.

Берта совершенно четко поняла, что ее муж погиб, однако известие не повергло ее в шок. Она выслушала новость безразлично, как будто это касалось чужого человека. Берта поймала себя на мысли: что подумает о ее равнодушии Артур Брандертон?

— Присядьте, — сказал тот. — Налить вам немного бренди?

— Спасибо, со мной все нормально. Не стоит беспокоиться. Где он?

— Я распорядился отнести тело наверх. Ассистент доктора Рамзи сейчас здесь. Позвать его к вам?

— Нет, — глухо произнесла Берта. — Ничего не хочу. Его уже принесли?

— Да, но вам пока лучше не смотреть.

— Я пойду к себе. Не возражаете, если я вас оставлю? Мне нужно побыть одной.

Брандертон придержал для Берты дверь, она вышла. Ее лицо было очень бледным, однако не выражало абсолютно никаких эмоций. Артур зашел к викарию и попросил мисс Гловер прийти в Корт-Лейз, а затем отправился домой, где сообщил жене, что несчастная вдова пребывает в

полном потрясении.

Берта заперлась в своей комнате. В доме гудели голоса; доктор Рамзи подходил к двери спальни, но Берта отказалась открыть; затем все стихло.

Она поражалась пустоте, царившей в ее сердце, неестественному спокойствию. Может быть, она сходит с ума, раз ничего не чувствует? Берта повторяла себе, что Эдвард убился, что его бездыханное тело лежит совсем рядом… и совсем не ощущала горя. Она вспомнила свои страхи, которыми терзалась много лет назад, представляя безвременную смерть мужа, а теперь, когда это действительно произошло, она не упала в обморок, даже не заплакала. Берта уединилась, чтобы скрыть от чужих глаз слезы, но слез не было! Ее жуткая догадка подтвердилась: она действительно не испытывала никаких ощущений. Трагическая смерть мужа ее не тронула. Берта подошла к окну, стараясь собраться с мыслями, прислушаться к своим чувствам… Ничего.

— Должно быть, я чудовищно жестока, — пробормотала она.

В голову опять пришла мысль о том, что подумают знакомые, когда увидят ее спокойной и хладнокровной. Берта попыталась выдавить из себя хотя бы слезинку — глаза оставались

сухими.

В дверь постучали.

— Берта, впустите меня, пожалуйста, — раздался голос мисс Гловер. — Это я, Фанни.

Берта вскочила на ноги, но не отозвалась. Мисс Гловер снова позвала ее. Голос старой девы прерывался от сдерживаемых рыданий. Почему Фанни Гловер оплакивает смерть Эдварда, чужого ей человека, а она, Берта Крэддок, остается непробиваемой?

— Берта!

— Да.

— Откройте же. Я искренне вам соболезную. Пожалуйста, откройте.

Берта испуганно покосилась на дверь. Она не осмеливалась впустить мисс Гловер.

— Я сейчас не могу ни с кем говорить! — хрипло крикнула она. — Не стойте напрасно.

— Я помогу вам успокоиться.

— Я хочу быть одна.

Мисс Гловер на короткое время умолкла, слышались только громкие всхлипывания.

— Тогда я подожду внизу, хорошо? — после паузы проговорила она. — Позвоните, если я вам понадоблюсь. Возможно, вы захотите поговорить со мной позже.

Берте очень хотелось отослать сестру викария домой, однако ей не хватило смелости.

— Как вам угодно, — ответила она.

К голосу мисс Гловер прибавился еще один, из-за двери донеслись перешептывания, потом опять постучали.

— Берта, какие будут распоряжения?

— Какие теперь распоряжения?

— Почему вы заперлись? Разве не понимаете, что происходит? — Голос мисс Гловер задрожал. — Прикажете позвать женщину, чтобы обмыть тело?

Берта замерла, ее губы побелели.

— Делайте что хотите, — сказала она.

Вновь повисла тишина, странная, сверхъестественная, более невыносимая, чем оглушительный грохот. От этой тишины нервы натягивались, как струны, и становились болезненно-чувствительными. Чтобы не нарушить ее, страшно было даже дышать.

А затем Берту пронзила мысль — острая и мучительная, точно сатанинское копье. Она в ужасе вскрикнула. Чудовищная, нестерпимо омерзительная мысль. Берта бросилась на кровать и зарылась лицом в подушку, чтобы отогнать ее. Сгорая от стыда, она закрыла уши ладонями, толь-

ко бы не слышать безмолвный шепот дьявола.

Она свободна.

— Значит, таков итог? — вполголоса произнесла Берта.

К ней вернулись воспоминания о зарождении любви. Она вспомнила страсть, слепо швырнувшую ее в объятия Эдварда, вспомнила свое мучительное унижение, когда стало ясно, что муж не способен отвечать такой же пылкостью… Любовь Берты напоминала огонь, безрезультатно кидающийся на базальтовую скалу. Она вспомнила и свою ненависть, которая последовала за горьким разочарованием, и, наконец, безразличие — то самое безразличие, что сейчас заморозило ее душу. Сравнивая свою безумную жажду счастья и безысходное отчаяние, которым обернулись все стремления, Берта понимала, что жизнь прошла зря. Ее радужные надежды сейчас проплывали перед глазами, будто призраки, и она горестно взирала на них. Она ожидала так много, а получила ничтожно мало! Боль тисками сжала сердце, силы оставили Берту. Переполненная жалостью к самой себе, она безвольно опустилась на колени и залилась слезами.

— О Боже, — стонала она, — за что ты наказываешь меня несчастьями?

Берта рыдала в голос, не сдерживаясь.

Мисс Гловер, добрая душа, молча плакала за дверью, ожидая, что может понадобиться Берте. Услышав бурные рыдания, она снова постучала.

— Берта, голубушка, впустите меня. Вы только сильнее мучаете себя, отказываясь поделиться горем.

Берта заставила себя подняться на ноги и отпереть дверь. Мисс Гловер вошла в комнату. В порыве сочувствия она отбросила свою обычную сдержанность и крепко прижала Берту к груди.

— О, моя дорогая, это ужасно, просто ужасно! Я вам искренне соболезную. Даже не знаю, что сказать. Я могу только помолиться.

Слезы потоком лились из глаз Берты, но не оттого, что Эдвард был мертв.

— Теперь у вас остался лишь Господь, — скорбно произнесла сестра викария.

Наконец Берта отстранилась от мисс Гловер и вытерла мокрое лицо.

— Не старайтесь быть мужественной, Берта. Вам нужно выплакаться. Он был замечательным, добрым человеком и очень вас любил.

Берта молча взирала на мисс Гловер. «Да, я страшно жестока», — подумала она.

— Не возражаете, если сегодня я переночую с

вами? — спросила сестра викария. — Я послала Чарльзу записку, что остаюсь в Корт-Лейз.

— Ох, нет, прошу вас, не надо. Фанни, если вы меня любите, пожалуйста, дайте мне побыть в одиночестве. Не хочу показаться грубой, но сейчас я не в состоянии никого видеть.

Эти слова глубоко уязвили мисс Гловер.

— Хорошо, не стану вам мешать. Если вы этого действительно желаете, я удаляюсь.

— Да, иначе я просто сойду с ума!

— Хотите поговорить с Чарльзом?

— О Боже, нет. Фанни, милая, не сердитесь. Не сочтите меня злой или неблагодарной, но все, чего я хочу, — это чтобы меня все оставили.

Глава XXXVI

Берта вновь сидела одна в своей комнате, перебирая в памяти прошлое. Затмив собой картины последних лет, перед ней ярко вставали первые дни любви — визит на ферму к Эдварду, вечер у ворот Корт-Лейз, когда он попросил ее руки… С каким экстазом она бросилась в его объятия!

Забыв о настоящем Эдварде, погибшем несколько часов назад, Берта вспомнила высокого стройного юношу, при виде которого у нее кружилась голова, и к ней внезапно вернулась давняя страсть. На глаза ей попалась фотография Эдварда в молодости — карточка стояла на каминной полке уже много лет, но Берта ее не замечала. Она схватила фотографию, поцеловала и прижала к груди. Тысячи сладких моментов пронеслись в ее памяти; Берта опять увидела Крэддока таким, как тогда — крепким, сильным мужчиной, чья любовь служила защитой от всех мирских бед и напастей. Но что толку теперь… «Нужно быть совсем сумасшедшей, чтобы вновь полюбить его сейчас, когда уже поздно», — подумала она.

Сожаление, разлившееся в ее душе, повергло

Берту в ужас. Ей казалось, будто дьявольская рука стиснула сердце и сжимает, сжимает его железной хваткой. Нет, ни в коем случае нельзя позволять горю взять верх! Она и без того выстрадала слишком много. Нужно задушить в себе малейшие ростки боли, которые в будущем могут расцвести новым идолопоклонством. Единственный выход для Берты — уничтожить все, что напоминало бы о муже.

Она взяла фотографию, уже не смея взглянуть на нее, вынула из рамки и разорвала на мелкие кусочки. Затем обвела взглядом комнату: «Нельзя ничего оставлять!»

На столике лежал альбом с фотографиями Эдварда в разные годы. На них был кудрявый малыш, сорванец в коротких штанишках, ученик колледжа, возлюбленный Берты. Нашлись и фотографии, сделанные во время медового месяца в Лондоне (Берта сама уговорила Эдварда сняться), — с полдюжины карточек, на которых Эдвард был запечатлен в разных позах. С тяжелым сердцем Берта порвала их все. Ей потребовалось невероятное усилие воли, чтобы не осыпать карточки горячими поцелуями. Пальцы устали рвать бумагу, но в конце концов от фотографий остались одни клочки, которые отправились в

камин. Туда же полетели письма Эдварда. Берта чиркнула спичкой и подожгла груду обрывков. На ее глазах они скручивались, чернели и вскоре начисто сгорели, превратившись в кучку пепла.

Берта в изнеможении упала в кресло, однако быстро взяла себя в руки. Выпив воды, она приготовилась к более тяжкому испытанию. От следующих нескольких часов зависело ее будущее душевное спокойствие.

Стояла глубокая ночь, неспокойная, бурная. В голых деревьях бушевал ветер. Берта вздрогнула, когда его порыв ударил в окно с воем, пугающе похожим на человеческий стон. При мысли о том, что ей предстоит сделать, Берту охватил страх, однако сейчас ею двигал еще больший ужас. Она взяла свечу и, открыв дверь, прислушалась. Никого. Тоскливо завывал ветер; ветки зловеще царапали оконное стекло, точно неприкаянные духи рвались в дом.

Рядом со смертью живые всегда остро ощущают веяние чего-то чужого и враждебного, как будто вокруг творится некое невидимое зло. Берта приблизилась к мужниной комнате и на мгновение застыла, не решаясь войти. Открыла дверь, зажгла свечи на каминной полке и туалетном столике, подошла к кровати. Эдвард лежал

на спине, его руки покоились на груди, нижняя челюсть была подвязана платком.

Берта неподвижно стояла, глядя на мертвое тело. Воспоминания о юном красавце исчезли, теперь она видела мужа таким, как есть: тучным и обрюзгшим. Лицо Эдварда покрывала багровая сетка расширенных сосудов, располневшие в последние годы щеки выступали двумя шарами, по бокам темнели короткие бакенбарды. На огрубелой коже виднелись морщины, волосы на лбу заметно поредели, через них просвечивал блестящий череп. Руки, некогда восхищавшие Берту своей силой и напоминавшие кисти порфировой статуи, теперь выглядели корявыми и отталкивающими. Их прикосновение уже давно было ей неприятно. Берта хотела, чтобы именно этот образ отпечатался в ее сознании. Наконец она отвернулась и вышла из комнаты.

На третий день прошли похороны. Дом был завален траурными венками и крестами из живых цветов, на подъездной аллее перед крыльцом собралось немало народу. Блэкстеблские масоны (ложа№ 31899), посмертно присвоившие Крэддоку титул Досточтимого мастера, изъявили намерение присутствовать на похоронах и теперь в белых перчатках и фартуках выстро-

ились в два ряда по обе стороны аллеи. Кроме того, явились члены ложи Теркенбери (№ 4169), Провинциальной Великой ложи, Марк-ложи и представители Рыцарей Храма. Юнионистская ассоциация Блэкстебла прислала на похороны сотню членов Консервативной партии, которые так же попарно встали следом за масонами. Между братом Г. У. Хавелоком, главой Блэкстеблской ложи, а также Ассоциации профсоюзов, и мистером Аттхиллом Бэкотом, предводителем колонны политиков, возник небольшой спор относительно очередности в процессии, в результате которого преимущество было предоставлено членам ложи как более древней организации. За ними шли члены окружного совета, председателем которого при жизни был Эдвард, и далее — экипажи местного дворянства. Миссис Мэйстон Райл Приехала в ландо, запряженном парой лошадей, тогда как миссис Брандертон, Молсоны и прочие ограничились легкими одноконными колясками. Чтобы командовать всей этой толпой, требовалось умелое руководство, и Артур Брандертон уже вышел из себя от досады, так как группа консерваторов начала движение раньше, чем следовало.

— Эх, — произнес брат А. У. Роджерс (хозяин

«Свиньи и свистка»), — здесь не хватает Крэддока. Никто лучше его не умел управляться с людьми. Он живо навел бы тут порядок, и похороны закончились бы еще полчаса назад.

Последний экипаж скрылся из виду, и Берта, наконец оставшись одна, прилегла на кушетку. Она испытывала бесконечное облегчение от того, что, по старинному обычаю, вдове не полагалось ехать на кладбище.

Усталый, пустой взгляд Берты скользнул по длинной веренице голых вязов, низкому серому небу, затянутому облаками. Теперь это была бледная женщина чуть за тридцать, все еще красивая, с пышными волнистыми волосами, однако под ее темными глазами обозначились почти такие же темные круги, огонь во взоре померк. Меж бровей пролегла вертикальная морщинка, изгиб губ утратил девическую жизнерадостность, уголки рта скорбно опустились. Лицо заметно исхудало и вытянулось, Берта выглядела очень утомленной. Потухшие глаза говорили о том, что когда-то она любила и жаждала ответной любви, была матерью и потеряла свое дитя, и что теперь она не желает ничего, кроме покоя.

Берта действительно неимоверно устала и телом, и душой; устала от любви и ненависти,

дружбы, знаний и груза прошедших лет. Мысли унесли ее в будущее: она решила покинуть Блэкстебл, сдав Корт-Лейз внаем, чтобы в момент слабости не испытывать искушения вернуться. Сначала она отправится в путешествие — ей хотелось забыть прошлое, начать жизнь заново где-нибудь далеко, где она еще не бывала. Память воскресила воспоминания об Италии — сказочной стране изобилия и праздности, благословенном прибежище тех, кто мучается неудовлетворенным желанием. Да, она поедет в Италию, а потом еще дальше к югу и солнцу. Ее больше ничто не связывает; наконец — наконец-то! — она свободна.

Унылый день угасал, тяжелые облака темнели в преддверии ночи. Берта вспоминала, насколько открытой была для мира в юности. Чувствуя связь со всеми людьми на свете, она рвалась им навстречу, ожидая, что ее примут с распростертыми объятиями. Жизнь Берты впадала в их жизни, как река впадает в море. Однако очень скоро запас энергии, побуждавший ее действовать, иссяк. Между ней и всеми остальными выросла глухая стена. Не сознавая тщетности своих желаний, Берта вложила всю свою любовь, всю способность к духовному проникновению

в одного-единственного человека — Эдварда Крэддока, направив это последнее усилие на то, чтобы разбить стену отчуждения и достичь полного слияния душ. Она отчаянно устремилась к Эдварду, стараясь познать глубины мужского сердца, жаждая раствориться в нем. Увы, в конце концов Берта поняла, что ее цель недостижима…

Я и сам ощущаю, что нахожусь по одну сторону пропасти, а все человечество — по другую. Эту пропасть никому не перейти, это препятствие неодолимо, как огненная гора. Муж и жена — вечная загадка друг для друга. Какой бы страстной ни была их любовь, каким бы тесным ни был союз, им никогда не стать одним целым. Они почти чужие и останутся такими до последнего дня.

Осознав эту истину через пролитые слезы и сердечную боль, Берта ушла в себя, но скоро обрела утешение. Во внутреннем безмолвии она создала свой собственный мир и скрыла его от посторонних глаз, зная, что ее не поймут. В этом мире любые узы были тесны, земные привязанности — излишни.

Встряхнувшись от сбивчивых мыслей, Берта вновь подумала об Эдварде. «Если бы я вела дневник, то сегодня закончила бы его фразой „Мой муж сломал шею“». Устыдившись своей злой

горечи, она пробормотала:

— Бедняга… Он был честным, добрым, терпеливым, делал все, что мог, и всегда старался поступать, как джентльмен. Он принес миру много пользы и по-своему любил меня. Эдвард виноват лишь в том, что я полюбила его… а потом разлюбила.

Взгляд Берты упал на книгу, которую она читала, ожидая мужа с охоты. Берта оставила ее на кушетке, когда встала за чашкой чая, и книга до сих пор лежала на том же месте — раскрытая, страницами вниз. Размышления утомили Берту, она взяла книгу и принялась спокойно читать.